

Г. Т. Хухуни

ПРИНЦИПЫ

ОПИСАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В ТРУДАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО

«МЕЦНИЕРЕБА»

1979

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ენათმეცნიერების ინსტიტუტი
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

აღწერითი ანალიზის პრინციპები
ალექსანდრე კეზკოვსკის შრომებში

Г. Т. ХУХУНИ

**ПРИНЦИПЫ ОПИСАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
В ТРУДАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1979

В работе рассматриваются основные стороны концепции А. М. Пешковского — одного из видных представителей русского языкознания 20-х и начала 30-х годов нашего столетия. Особое внимание уделено показу эволюции его общеязыковедческих и общеграмматических взглядов (взаимоотношение формы и значения, выделение основных единиц описания языка), а также разрабатывавшейся им методики лингвистического анализа.

Дана попытка определить место и роль А. М. Пешковского среди современных ему лингвистов (в первую очередь — ученых Московской школы Ф. Ф. Фортунатова).

Выявлены параллели между некоторыми положениями А. М. Пешковского и воззрениями представителей структурной лингвистики, а также трансформационной грамматики.

Редактор Т. С. Шарадзенидзе

X $\frac{70101}{M 607(03)-79}$ 92—79

© Издательство „Мецниереба“, 1979

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа содержит попытку рассмотреть некоторые проблемы лингвистической концепции одного из интереснейших представителей русского языкознания нашего столетия — Александра Матвеевича Пешковского (1878—1933) и проанализировать их в связи с теми процессами, которые протекали в русской и зарубежной лингвистике в первом тридцатилетии XX века. Естественным, что в центре нашего внимания находятся, в первую очередь, общелингвистические и общеграмматические установки ученого (понимание языка, взаимоотношение между синхронией и диахронией, взаимосвязь между формой и значением и др.).

Изучение общетеоретических основ наследия Пешковского представляется нам необходимым, во-первых, в силу того, что без этого невозможна правильная оценка вклада его в конкретные отрасли грамматики (в первую очередь — синтаксиса современного русского языка), а во-вторых, в виду того обстоятельства, что в специальной литературе о Пешковском высказывались (и высказываются до сих пор) весьма различные, порой взаимоисключающие взгляды по поводу его теоретических воззрений.

Историческая судьба трудов Пешковского своеобразна и во многом противоречива. Основная работа его — «Русский синтаксис в научном освещении» — выдержала за сравнительно короткий срок (1914—1956 годы) 7 изданий. Нет ни одной работы по синтаксису русского языка, с каких бы позиций ни трактовал те или иные вопросы ее автор, где не учитывался бы труд Пешковского. Часто возвращаются современные лингвисты и к другим работам этого лингвиста, его статьям и выступлениям (некоторые из них были переизданы в сборнике его избранных трудов в 1959 г.), а некоторые собранные им материалы нашли применение в такой современной отрасли языкознания, как математическая лингвистика¹.

¹ См.: О. С. Ахманова, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина и др., О точных методах исследования языка. М., 1961.

Не обошла стороной его и критическая литература. О его концепции в целом или отдельных ее положениях писали самые различные ученые у нас и за рубежом. Среди них Д. Н. Ушаков и Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов и Л. В. Щерба, Н. Н. Дурново и Е. Ф. Будде, Р. О. Якобсон и С. И. Карцевский и многие другие. Была предпринята попытка создать обобщающую монографию о А. М. Пешковском и его значении в русской и советской лингвистике², где подчеркивается необходимость преодоления субъективизма в оценке роли этого лингвиста.

Но знакомясь с достаточно объемистой литературой, мы обнаруживаем такое расхождение мнений и оценок, что невольно возникает вопрос — говорят ли критики об одном и том же ученом. И это разногласие касается, в первую очередь, именно общетеоретических взглядов Пешковского. Даже казалось бы простой вопрос: к какому направлению принадлежал ученый — отнюдь не имеет однозначного ответа: если для Р. О. Якобсона Пешковский, при всем своем своеобразии, есть «выдающийся лингвист фортунатовской школы»³, то в работе Ф. М. Березина «Очерки по истории языкознания в России», где много внимания уделено Ф. Ф. Фортунатову, и предисловии А. А. Леонтьева к ней, в котором говорится об учениках Фортунатова, имя Пешковского вообще не упомянуто. Если С. И. Абакумов считает, что в последнем издании «Русского синтаксиса в научном освещении» «влияние Фортунатова было в основном преодолено»⁴, то, по мнению В. В. Виноградова, «на всем творчестве Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции»⁵. Если большинство исследователей (М. Н. Петерсон, С. И. Бернштейн и др.) полагало, что предпринятая ученым попытка синтезировать системы Потебни и Фортунатова не могла не окончиться и окончилась неудачей, то С. И. Карцевский склонен был думать, что Пешковский как раз «удачно синтезировал некоторые стороны учений Потебни и Фор-

² См.: А. И. Белов. А. М. Пешковский как лингвист и методист. М., 1958.

³ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischer Kasus. Selected Writings II, 1971 Mouton. The Hague—Paris, S. 24.

⁴ С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык. М., 1942, с. 177.

⁵ В. В. Виноградов. Современный русский язык. Выпуск I. М., 1938, с. 85.

тунатова»⁶. Если в большинстве критических работ о Пешковском признается необходимость учитывать «богатство аргументации, искусство внешнего оформления и эрудицию» его трудов и отмечается «множество конкретных тонких синтаксических наблюдений в области современного русского языка... большой талант и глубокое языковое чутье этого ученого», то рядом с ними порой содержатся призывы при чтении его работ «напрягать всю бдительность, чтобы вскрыть положения, его разоблачающие», и утверждения, что «лингвистические труды А. М. Пешковского не только не соответствуют, но и существенно противоречат методологическим установкам и требованиям советского языкознания»⁷.

Эти противоречивые высказывания (а здесь приведена только часть из них) свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что наследие ученого требует серьезного анализа, который должен касаться не только конкретных взглядов этого ученого по тем или иным синтаксическим проблемам, но также общелингвистических и общеграмматических основ научного мировоззрения этого лингвиста, одного из наиболее оригинальных русских языковедов первой трети XX в. А для этого необходимо рассмотреть те концепции, на основе которых формировались взгляды Пешковского, указать его место среди представителей лингвистической мысли того времени, наконец, проанализировать труды его в свете общего развития нашей науки и ее современного состояния. Разумеется, наша работа не претендует на полное и исчерпывающее рассмотрение всех сторон деятельности Пешковского. Мы ставили перед собой только задачу внести посильный вклад в это, на наш взгляд, важное и необходимое дело.

⁶ С. И. Карцевский. Рецензия на «Синтаксис русского языка». А. А. Шахматова. «Slavia», Ročník VI, Sešit I, 1927, с. 146.

⁷ Е. Н. Петрова. Грамматика в средней школе. М.-Л., 1936, с. 42; В. В. Виноградов. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия. В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, с. 74.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО

Характеризуя дореволюционную русскую лингвистику, Л. В. Щерба писал: «В старой России было три замечательных лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ»¹. Каждый из них внес свой вклад в развитие лингвистической науки.

С именем А. А. Потебни связана разработка философских проблем языкознания, таких как природа языка, взаимоотношения языка и мышления, психологических факторов языка и др. Значительное место в исследованиях Потебни занимала проблема значения. В историю грамматической мысли Потебня вошел как один из крупнейших синтаксистов, чьи мысли во многом сохраняют актуальность и поныне.

И. А. Бодуэн де Куртенэ давно уже рассматривается в истории науки как один из оригинальнейших лингвистов, чьи воззрения, наряду с теорией Ф. де Соссюра, послужили важнейшим источником для возникновения и развития некоторых направлений структурализма.

Что же касается Ф. Ф. Фортунатова и основанного им направления — Московской лингвистической школы² — то его место в истории языкознания и по сей день вызывает ожесточенные споры.

С одной стороны, представители Московской школы (и, в первую очередь, сам Ф. Ф. Фортунатов) были тесно связаны с младограмматическим направлением и не раз подчеркивали это в своих трудах и лекциях. Неудивительно по-

¹ Л. В. Щерба. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке. В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 399.

² По мнению некоторых лингвистов, учеников Фортунатова, в силу своеобразия взглядов каждого из них, нельзя объединять в единую школу — см. об этом предисловие А. А. Леонтьева к указ. соч. Ф. М. Березина.

этому, что Ф. Ф. Фортунатова часто называли русским младограмматиком. Так, его ближайший ученик В. К. Поржезинский писал: «Ф. Ф. Фортунатов, не разделяя некоторых увлечений особенно пылких младограмматиков, был среди русских лингвистов наиболее крупным представителем этой новой полосы в жизни нашей науки»³. К младограмматикам относили Фортунатова В. В. Виноградов, С. И. Бернштейн, в 1950—60-е гг. — Е. М. Галкина-Федорук⁴ и Я. В. Лоя⁵ и целый ряд других ученых. Наиболее резко эту точку зрения выразил В. Эрлих, по мнению которого, школа Фортунатова «была, возможно, наиболее ортодоксальной твердыней младограмматической доктрины в Европе»⁶.

С другой стороны, многие моменты концепции Ф. Ф. Фортунатова не только не совпадали с программными установками немецких младограмматиков, но во многом им противоречили. В фортунатовской школе, в частности, при сохранении положения об историческом характере лингвистики, наличествовал большой интерес к современному состоянию языка (одной из важнейших задач ее члены считали создание научной описательной грамматики русского языка), а учение Фортунатова о форме базировалось, по существу, на признании системного характера языка. Недаром Р. О. Шор еще в 20-х годах отмечала, что «понятие системы... выдвигалось в русской лингвистической литературе, в применении к фонетике — в трудах Казанской школы Бодуэна де Куртенэ (учение о фонеме), в применении к морфологии — в трудах Московской школы Фортунатова (учение об отрицательной принадлежности)»⁷; Ю. Д. Апресян прямо называет Фортунатова предшественником структурной лингвистики⁸, Р. О. Якобсон считает себя и Трубецкого «духовными внуками Бодуэна и Фортунатова»⁹; а Ф. М. Березин в своей хрестоматии

³ В. К. Поржезинский. А. А. Шахматов как лингвист. «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук», 1920, т. XXV, Пг., 1922, с. 284.

⁴ Е. М. Галкина-Федорук. О форме и содержании в языке. В кн.: «Мышление и речь». М., 1957.

⁵ Я. В. Лоя. История лингвистических учений. М., 1967.

⁶ V. Erlich. Russian Formalism. History-Doctrine. Mouton, 1955. 'S-Gravenage, p. 15.

⁷ Р. О. Шор. Кризис современной лингвистики. «Яфетический сборник», VI, 1927, с. 50—51.

⁸ Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, с. 24.

⁹ R. Jakobson. Polish-Russian cooperation. Selected Writings II, p. 454.

приводит слова Л. Ельмслева о развитии структуралистических взглядов: «Русская школа подошла ближе всего к практической реализации этих идей. Несмотря на то, что теории Фортунатова и его учеников в некоторых особых пунктах вызывают критические замечания, им принадлежит заслуга в постановке проблемы существования чисто формальных категорий и в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой. Они, наконец, строго различали синхронию и диахронию. ... Теории этих известных лингвистов, так же, как и их детальная и последовательная реализация в определенной области, заслуживают внимания всех тех, кто интересуется грамматикой»¹⁰.

Среди учеников Фортунатова было немало выдающихся лингвистов, имена которых прославили Московскую школу: А. А. Шахматов и Д. Н. Ушаков, В. К. Поржезинский и Г. К. Ульянов, М. Н. Петерсон и М. М. Покровский. Из рядов Московской школы вышел и А. М. Пешковский.

Мы уже отмечали во введении, что вопрос об отношении его к фортунатовскому направлению не имеет однозначного ответа в критической литературе. Однако первоначальную близость ученого к фортунатовской традиции не оспаривает никто. И в этой связи любопытно отметить, что один из наиболее ярых противников Пешковского — Е. Ф. Будде — в своей рецензии на первое издание «Русского синтаксиса в научном освещении» — попытался прежде всего поставить под сомнение принадлежность Пешковского к фортунатовской школе: на слова ученого о том, что научным фундаментом его книги послужили курсы учителей — Фортунатова и Поржезинского — Будде счел необходимым заметить, что «за добрую половину книги г. Пешковский должен брать ответственность только на себя и на свои «школьные записки», не стараясь разделить эту ответственность с корифеями русской лингвистической мысли»¹¹. Когда же ближайшие ученики Фортунатова — Д. Н. Ушаков и В. К. Поржезинский — дали книге Пешковского положительную оценку, то Будде поспешил обвинить их в местничестве: «... Хотя москвичи (*Ушаков и Поржезинский...*) и заявили печатно, что они считают... труды г. Пешковского достойными особенного внимания и ценными в научном отношении, но, к сожалению, сделали это голословно... Таким образом, вышла просто печатная ре-

¹⁰ «Хрестоматия по истории русской лингвистики». Составитель Ф. М. Березин, М., 1973, с. 272.

¹¹ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». ЖМНП, 1914, № 12, с. 349.

комендация труда *г-на Пешковского* москвича москвичами же! Так сказать, наклеена марка, и наклеена она голословно, без доказательств высокого качества труда *г-на Пешковского*, просто — как фабричное клеймо: не упомянуто ни о недостатках, ни о положениях моей критики. Очевидно, ученые москвичи или не читают никаких других ученых трудов, *кроме московских*, или считают другие труды недостойными своего внимания и ограничивают свою задачу самым легким делом — наклейкою московского клейма за подписью представителей науки московского района!»¹² О том обстоятельстве, что сам Ф. Ф. Фортунатов незадолго до своей смерти успел «ознакомиться с книгой Пешковского и высказаться о ней с большой похвалой», как сообщает в своей рецензии на книгу Пешковского Д. Н. Ушаков¹³, а также о том, что не относившийся «к представителям науки московского района» Л. А. Булаховский охарактеризовал «Русский синтаксис» как «выдающееся явление в русской литературе по синтаксису»¹⁴ (и отметил несправедливость нападок Будде), Е. Ф. Будде предпочел умолчать...

Переходя к рассмотрению общелингвистических взглядов Пешковского, мы считаем необходимым, в первую очередь, остановиться на понимании им сущности языка. Известно, что именно игнорирование системного характера языка, «атомизм» — наиболее тяжелое обвинение, которое языкознание XX в. предъявило младограмматизму. Выдвижение же принципа системности на первый план и превращение его в краеугольный камень лингвистической теории считается важнейшей заслугой де Соссюра и выросших на почве его (а также И. А. Бодуэна де Куртенэ) лингвистических идей различных направлений структурализма. Правда, уже признанный теоретик младограмматизма Г. Пауль счел необходимым указать: «...Отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала..., только таким путем можно прийти к познанию причинной связи»¹⁵. Однако отсюда, конечно, еще очень далеко

¹² Е. Ф. Будде. Вопросы методологии русского языкознания. Казань, 1917, с. 94.

¹³ «Русские ведомости», 1915, № 91.

¹⁴ Л. А. Булаховский. Рецензия на книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» и «Школьная и научная грамматика». Отд. оттиск из журнала «Наука и школа», 1915, № 1, с. 1.

¹⁵ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, с. 313.

до соссюрковского определения: «Язык есть система знаков, выражающих идеи...»¹⁶.

Как относился ученый к принципу системности языка? На первый взгляд, ответ на этот вопрос не представляет трудности: достаточно обратиться к его трудам, чтобы увидеть, что этот принцип не только безоговорочно принимается им, но и кладется в основу как лингвистической концепции в целом, так и анализа отдельных языковых фактов. Так, в третьем издании «Русского синтаксиса», говоря об описательном языкознании, Пешковский подчеркивает, что относящиеся сюда труды «не просто перечисляют факты языка, а раскрывают ту *систему* фактов, которую каждый язык в каждую данную эпоху представляет»¹⁷, а при анализе взаимоотношения отдельных форм в словосочетании применяет этот принцип на практике: «... Каждая отдельная форма не только испытывает давление со стороны всех остальных форм в словосочетании, но и давит сама на все остальные формы, подобно тому, как в сосуде с жидкостью каждая частица давит на все частицы и испытывает на себе давление всех частиц.... Точнее всего будет сказать, что всякое формальное значение создается, в сущности, всегда в *взаимодействии* данной формы слова с данной формой словосочетания, т. е. прежде всего со всеми остальными формами его»¹⁸. Принцип системности послужил теоретической основой для предложенного Пешковским экспериментального метода, о чем подробно будет сказано в главе IV нашей работы.

Однако все эти высказывания относятся к 20-м годам, когда теория Ф. де Соссюра была уже хорошо известна русским лингвистам. Поэтому неизбежно возникает вопрос: обусловлено ли признание Пешковским системного характера языка влиянием идей Соссюра? И в связи с этим — как обстоит дело с первым изданием «Русского синтаксиса», вышедшим в свет до соссюрской книги?

Если мы обратимся к литературе о Пешковском, то увидим, что В. В. Виноградов склонен был целиком приписать взгляд ученого на язык как систему влиянию идей Соссюра. «От Женевской школы, — пишет он, — Пешковский воспринял понимание языка как живой системы сложных и конструктивно пересекающихся отношений, в которой все рече-

¹⁶ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 40.

¹⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. VII, М., 1956, с. 38.

¹⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 66.

вые единства и элементы находятся в структурной спаянности и сочленении»¹⁹. По мнению С. И. Карцевского, в первом издании «Русского синтаксиса» нет понимания языка как системы: «...Самый подбор примеров в его книге (безразлично: стихи или художественная проза — от Грибоедова до Брюсова — и лишь изредка разговорная речь) свидетельствовал о том, что Пешковский далек еще от понимания языка как системы»²⁰.

Думается, что эта точка зрения не может быть признана правильной. Высказывание В. В. Виноградова означает, по существу, что учение о системной природе языка чуждо фортунатовской традиции и воспринято основывавшимися на ней учеными исключительно в результате чужого влияния. Приведенные нами выше высказывания ученых, принадлежавших к самым различным направлениям (от Р. О. Шор до Л. Ельмслева), и сделанные в разное время (от 20-х до 70-х годов), наглядно показывают, что дело обстояло как раз наоборот: системный характер языка (хотя и не сформулированный, как это было у Соссюра, в качестве основного теоретического постулата) — основное звено взглядов Фортунатова и его школы. И если признать, что ранний Пешковский, в основном, опирается на Фортунатова (а этого не отрицают даже те критики, которые в зрелом Пешковском видят последователя Потебни и Шахматова²¹), то отсюда неизбежно вытекает, что и первое издание «Русского синтаксиса» должно было отразить этот принцип.

Сказанным мы отнюдь не пытаемся преуменьшить роль Соссюра в становлении взглядов Пешковского по этому вопросу. Именно знакомство с идеями «Курса общей лингвистики» помогло Пешковскому осознать этот принцип и выдвинуть его в качестве программного положения.

Таким образом, понимание языка как системы сложилось у Пешковского на основе двух источников: русской лингвистической мысли (и в первую очередь — фортунатовской школы) — с одной стороны, и идей де Соссюра — с другой.

Замечание С. И. Карцевского (которое может быть отнесено и к последнему изданию «Русского синтаксиса»), по всей вероятности, связано с тем обостренным вниманием пражских лингвистов к проблеме функциональных языков и

¹⁹ В. В. Виноградов. Современный русский язык, М., 1938, с. 76.

²⁰ С. И. Карцевский. Рецензия на «Синтаксис русского] языка» А. А. Шахматова, с. 146.

²¹ Впрочем, принцип системности наличествует и у этих ученых.

стилей, которое получило отражение уже в программных «Тезисах» ПЛК²², где сказано: «Каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему — язык в собственном смысле...»²³ Известно, что пражские лингвисты не только выделяли, например, поэтический язык в качестве автономной системы, но порой и противопоставляли его литературному языку. Поэтому принцип системности языка не мыслится Карцевским вне подобной «функциональной диалектологии» (характерно, что зарождение его в русском языкознании он связывает в этой рецензии с лингвистами ОПОЯЗа, развивавшими схожие мысли: «Изучая язык в его поэтической функции, что предполагает уже различение разных речевых «установок», они приучались видеть в языке систему средств выражения»²⁴). Однако подобное отождествление одного из возможных подходов к принципу системности с принципом в целом вряд ли справедливо, ибо понимание языка как системы присуще и тем направлениям, которым идеи «функциональной диалектологии» вовсе не свойственны. Поэтому мы считаем, что замечание С. И. Карцевского не может быть опровержением тезиса о том, что Пешковский подходил к языку как к системе на всех этапах развития своей лингвистической концепции, хотя четко он заявил об этом сравнительно поздно.

Второй важнейший вопрос общего языкознания, поставленный Ф. де Соссюром, — разграничение современного состояния языка от его истории и взаимоотношение между синхронической и диахронической лингвистикой — также нашел свое отражение в трудах Пешковского. К рассмотрению его мы сейчас и приступаем.

Как было сказано выше, Л. Ельмслев как раз и считал одной из важнейших заслуг фортунатовской школы разграничение синхронии и диахронии. И нельзя не признать, что у него были для этого серьезные основания.

В самом деле: уже в 1904 г. в своем выступлении «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» Фортунатов решительно осудил допускавшееся школьной грамматикой смешение современных языковых фактов с прошлыми. Его знаменитое учение о форме строится, по су-

²² См. об этом: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. В кн.: «Основные направления структурализма», М., 1964, с. 115—122.

²³ «Тезисы Пражского лингвистического кружка». В кн.: «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», М., 1956, с. 434.

²⁴ С. И. Карцевский. Рецензия на «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова, с. 146.

шеству, на синхронистической основе. Да и провозглашенная в Московской лингвистической школе цель — создать научную описательную грамматику русского языка — также требовала пристального внимания к синхронии.

Но вместе с тем нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что тезис младограмматиков: научное языковедение есть историческое языковедение — ни Фортунатовым ни его учениками под сомнение отнюдь не ставился. А это не могло не сказаться на понимании взаимоотношения между генетическим и статическим анализами языковых фактов, на что и указал в своей статье о Фортунатове Л. В. Щерба.

«Фортунатов вполне различал — и не раз говорил об этом — историческое от актуального, т. е. то, что являлось всегда основным для всей научной концепции Бодуэна и что выражено у Соссюра терминами: *linguistique historique* и *linguistique synchronique*; но на практике он часто переносил справедливое для предполагаемых предшествовавших языковых состояний в современность и часто этим запутывал мысль своих учеников. Но это было более чем естественно для его подчеркнута исторических позиций: научным он признавал лишь историческое языкознание»²⁵.

Отражение этой двойственности находим и в первом издании «Русского синтаксиса» Пешковского. Говоря о задачах, стоящих перед различными отделами науки о языке, автор пишет: «Т. к. языковедение — наука историческая, то понятно, что во всех отделах явления языка изучаются исторически... Но как в истории возможно и необходимо описание того или иного момента в жизни народа как определенным образом сложившегося результата всех предшествующих изменений, так в каждом из отделов языковедения возможны и чисто-описательные труды, фиксирующие язык в тот или иной момент его развития (например, настоящая книга, описывающая преимущественно современные формы русского языка)»²⁶. Однако, признавая необходимым синхронический анализ языковых фактов, и считая его (как показывает само заглавие книги) вполне научным, Пешковский вместе с тем считает необходимым подчеркнуть, что «историческая точка зрения необходима и для всякого научного описания языка, так как при отсутствии ее самое описание делается неточным, сбивчивым ненаучным»²⁷.

²⁵ Л. В. Щерба. Ф. Ф. Фортунатов..., с. 404.

²⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. I. М., 1914, с. 72.

²⁷ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. М., 1925, с. 37.

Таким образом, уже в ранних трудах ученого наличествует стремление рассматривать историю языка и его современное состояние во взаимосвязи (хотя здесь еще нет четкой формулировки, дающей ясное представление о взаимоотношении синхронической и диахронической лингвистики). И позиция эта (на которой Пешковский, как мы увидим ниже, оставался, в общем, до конца жизни) вызвала, как это довольно часто бывало с ним, нападки с противоположных сторон: автор «Русского синтаксиса» обвинялся то в непонимании того, что не может быть научного объяснения без истории, то в том, что он, в нарушение основного принципа синхронического языкознания, прибегает к истории при объяснении современного состояния.

Первая точка зрения представлена в рецензии Е. Ф. Будде. Еще не вышла в свет книга Соссюра, еще повсюду господствует историзм, и Е. Ф. Будде поучает Пешковского: «Научное освещение может быть только на почве исторической при помощи историко-сравнительного изучения языка, а автор сам то прибегает к истории русского языка..., то противоречит истории русского языка совершенно сознательно... *не следует указаниям истории языка*, хотя и называет свой труд «Русским синтаксисом в научном освещении». Автор лингвистического труда, игнорирующий историю языка, не может считать свой труд научным. Если даже г. Пешковский и предупреждает нас..., что он считает *задачей своей книги* «выдвинуть только основные, важнейшие формы современных литературных русских сочетаний», т. е. изложить только часть описательного (не исторического) синтаксиса..., то он сам, как автор, не держится своей, поставленной им самим себе, задачи: ... он то ссылается на историю форм и в ней ищет для себя опоры, то отмежевывается от истории языка и начинает философствовать...»²⁸.

На эту тираду Пешковский ответил спокойно и аргументированно: «Я «сознательно» не следую указаниям истории языка в одних случаях и признаю нужными исторические объяснения в других. Это совершенно верно. Первое бывает в таких случаях, про которые Потебня сказал: «Что «было да сплыло» или «быльем поросло», то служит основанием последующему, но само по себе нам не может сказать, что *есть*»... Второе бывает в тех случаях, когда мне нужно вызвать у читателя общее представление об изменчивости язы-

²⁸ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского. ЖМНП, 1914, № 12, с. 347.

ка... или когда процессы, начавшиеся издавна, продолжают и сейчас на наших глазах (переходные явления), или когда оборот самой странностью своей напрашивается на историческое объяснение... я действительно говорю, что оборот может быть понят «только исторически», но имею в виду не семасиологическую его сторону, а иррациональность его»²⁹... И далее, резюмируя свои расхождения с оппонентом относительно взаимоотношения описательного и исторического объяснений («семасиологического» и «генетического» по терминологии статьи): «В этом пункте... сказывается принципиальное различие между мной и г. рецензентом в отношении к семасиологическому и генетическому толкованию синтаксических явлений: он склонен первое всецело *подчинять* второму, я настаиваю на *взаимодействии* того и другого и на *разграничении* их, где это нужно...»³⁰.

Но вот синхроническая лингвистика под мощным влиянием книги Соссюра завоевывает себе «гражданские права» и даже провозглашается важнейшей областью языкознания. И теперь уже Пешковский порицается за то, что, по словам С. И. Карцевского, «он все еще не мог отказаться от экскурсов в область прошлого языка в целях объяснения его настоящего»³¹. Этот упрек особенно ясно высказан в рецензии Н. Н. Дурново на третье издание «Русского синтаксиса». Касаясь исторического объяснения, даваемого Пешковским отдельным языковым фактам (в частности, согласованию числительных «два», «три», «четыре» с существительными), Дурново пишет: «Такие объяснения вообще ничего не могут объяснить в системе языка: ссылка на то, что раньше было так, не объясняет еще, почему это осталось так в современной системе языка»³². Не согласен рецензент и с тем, что тут имеется противоречие с современной системой языка.

На упрек в привнесении исторического в описательный труд Пешковский ответил, в сущности, уже в цитированном «Ответе» Будде: «Я ставлю себе чисто описательную задачу, а ввожу исторический элемент... Но в чем же тут противоре-

²⁹ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию. Е. Ф. Будде. ЖМНП, 1915, № 4, с. 412.

³⁰ Там же, с. 413.

³¹ С. И. Карцевский. Рецензия на «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова, с. 146.

³² Н. Дурново. Рецензия на книгу А. М. Пешковского. «Zeitschrift für Slavische Philologie». Herausgegeben von Max Vasmer. Separatabdruck aus Band IX, Heft 1/2, 1932, Leipzig.

чие? Почему нельзя сопровождать описание факта историческими примечаниями и экскурсами? И если бы даже последнее в отдельных случаях и не вызывались необходимостью, то и это было бы лишь выступление за пределы задачи, но не противоречие ей»³³. Интересно отметить, что сам Н. Н. Дурново в рецензии на «Очерк современного русского литературного языка» считает недостатком книги то обстоятельство, что Шахматов «даже оставляет без ответа вопрос, как смотреть на ряд уклонений от замеченных им морфологических тенденций русского литературного языка... в каких случаях на подобные примеры можно смотреть, как на остатки прошлого, противоречащие нынешней системе языка; в каких они свидетельствуют о начавшемся разрушении старой категории или зарождении новой и в каких о столкновении живой тенденции языка с книжническим отсутствием живого чутья языка»³⁴. А это опять-таки означает объяснение определенных современных фактов с помощью обращения к истории языка.

В свете сказанного становится понятным, что когда Пешковский познакомился с идеями Ф. де Соссюра на проблему синхронии и диахронии, он отнесся к ним двойственно: с одной стороны, четкая постановка вопроса о необходимости их различать не могла ему не импонировать, а с другой, — он не мог принять положения Соссюра об абсолютном характере противопоставления между синхронией и диахронией равно как и стремления автора «Курса общей лингвистики» обосновать примат описательного языкознания над историческим. Поэтому и в последнем варианте «Русского синтаксиса» автор, сохранив положение о необходимости описательных работ по языковедению (и дополнив его — в полном соответствии с Соссюром — указанием на то, что их основная задача — это явление языковой системы каждой данной эпохи), оставляет неприкосновенным и тезис об историческом характере как лингвистики в целом, так и отдельных отраслей ее.

Свою позицию по этому вопросу Пешковский выразил ясно и четко в статье «Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения», опубликованной в 1929 году.

«Приступая к нашей работе, — пишет он, — мы должны предупредить читателя, что всецело примыкаем к тому принципиальному делению языковедения на историческое и описательное, которое так убедительно провел в последнее вре-

³³ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 413.

³⁴ Н. Н. Дурново. Рецензия на кн. А. А. Шахматова «Очерк современного русского литературного языка». «Slavia» Ročník V, Sešit 4, Praha, 1927, с. 790.

мя Ф. де-Соссюр в своем замечательном „Course de linguistique générale“.

Правда, мы не пойдём до конца за автором в его противопоставлении этих двух частей нашей науки друг другу, приводящем его к тому, что обе они абсолютно не зависят друг от друга. Для нас ясно, что история каждого языкового факта должна начинаться с выделения его из какой-то, хотя бы лишь в самых общих чертах намечаемой, языковой системы (ибо вне системы, как прекрасно показал тот же автор, ни один речевой факт не может быть языковым) и что, следовательно, историческое языковедение находится в прямой зависимости от описательного. Что же касается обратной зависимости — описательного языковедения от исторического — то она сказывается хотя бы в том, что описание всякой несовременной языковой системы (мертвые языки, праязыки, прежние эпохи современных языков) неизбежно опирается на историческую реконструкцию ее.

Таким образом историческое и описательное языковедение для нас будут не двумя «языковедениями», как для Де-Соссюра, а лишь двумя отделами нашей науки. Но внутренняя контрастность этих отделов остается вне сомнения. И... сказывается она резче всего и ярче всего как раз на методе. Поэтому, говоря о методологии и методике языковедения, приходится действительно, расчленять вопрос и говорить о том и другом языковедении отдельно»³⁵. Задача описательного языкознания — это изучение «звукозначений» (т. е. знаков в понимании де Соссюра) и их взаимных соотношений в системе языка. Для этой цели оно использует метод экспериментально-сравнительной интроспекции, причем выводы его могут не совпадать с теми, которые получены в результате обращения к истории языковых фактов. На это обстоятельство Пешковский обратил внимание гораздо раньше — в «Школьной и научной грамматике». Так, говоря о так называемых бесформенных частичных словах, лишенных самостоятельного значения, он пишет: «Для современного сознания это — своего рода оторвавшиеся аффиксы, получившие свободное хождение по языку, хотя, надо заметить, исторически дело обстояло как раз наоборот: сами аффиксы везде и всег-

³⁵ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения. В кн.: А. М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930, с. 82.

да образовывались из таких слов, прильнув к другим словам, сделавшимся от этого основами»³⁶.

Нетрудно заметить, что приведенные выше мысли ученого перекликаются с утверждением С. И. Карцевского о том, что «синхроническая лингвистика... имеет дело с языком как системой и обладает столь важным методом как интроспекция»³⁷. С другой стороны, мысли Пешковского о взаимоотношении синхронии и диахронии приводят на память известное положение пражских «Тезисов»: «...Нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала женевская школа. Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями... Диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным.

С другой стороны, и синхроническое описание не может целиком исключить понятия эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что наличная стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования»³⁸.

Эти параллели ставят нас перед очень важной проблемой: каково отношение Пешковского к тому течению (или, точнее, совокупности течений) в лингвистике, представителей которого объединяют под общим названием структуралистов?

Структурализм, как известно, оформился в 20-х — начале 30-х годов нашего столетия — в то самое время, когда протекала деятельность Пешковского. Процесс его формирования, протекавший в разных странах, не обошел стороной и русское языкознание. Наряду с учениками И. А. Бодуэна де Куртенэ, деятелями ОПОЯЗа к структурализму шли и представители Московской школы русистов, на что указывает А. С. Чикобава³⁹. Это и понятно, если учесть ту роль, какую сыграли в становлении взглядов многих видных структуралистов идеи ее основателя Ф. Ф. Фортунатова.

Сам Пешковский, разумеется, не мог остаться в стороне от этого процесса. С одной стороны, его собственные идеи

³⁶ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 15.

³⁷ С. И. Карцевский. Рецензия на «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова, с. 145.

³⁸ «Тезисы...», с. 428.

³⁹ А. С. Чикобава. Язык и «теория языка» в философии и лингвистике. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1973, т. XXXII, вып. 6, с. 522.

сыграли определенную роль в оформлении взглядов пражских структуралистов. В первую очередь, это относится к С. И. Карцевскому.

Взаимоотношения между двумя учеными достаточно сложны: мы видели выше, что взгляды Пешковского не раз критиковались Карцевским; острая полемика развернулась между ними и по поводу учебников Пешковского на страницах журнала «Родной язык и литература в трудовой школе» (см. № 1—2 за 1928 г.). Но вместе с тем в «Повторительном курсе русского языка» (М., 1928) Карцевский отмечает, что взгляды Пешковского наиболее близки его собственным взглядам (Пешковский был автором предисловия к этой книге). А Р. О. Якобсон, говоря о формировании взглядов Карцевского, подчеркивает, что именно тесное сотрудничество с «мастером русского синтаксиса» Пешковским особенно повлияло на его исследования⁴⁰, хотя к формально-грамматическому направлению Карцевский относился отрицательно.

С другой стороны, в определенном отношении, Пешковский шел параллельным путем со структуралистами: как и они, он высоко оценил книгу Соссюра, безоговорочно принял принцип системности языка, стремился разработать особый метод синхронической лингвистики. Возможно, что со временем он стал бы крупным представителем одного из направлений русского структурализма...

В свете взаимоотношений взглядов Пешковского и воззрений членов ПЛК любопытно его отношение к одной из важнейших основ ранней концепции пражцев — учению о телеологическом принципе. В России становление этого принципа связано с деятельностью ОПОЯЗа и формальной школы в литературоведении, выросшей из него. Нашел он отражение и в тезисах Ю. Тынянова и Р. Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка», опубликованных в журнале «Новый ЛЕФ» (1928, № 12)⁴¹.

Но телеологическим было по существу и стремление объяснить языковые изменения принципом «экономии речевых усилий», проявившееся уже у младограмматиков и широ-

⁴⁰ R. J a k o b s o n. Sergei Karcevskij. «Selected Writings», II, с. 518.

⁴¹ Об этом см. Г. Ш. К в а р а ц х е л и я. Вопросы изучения художественной речи в «ОПОЯЗ»е и Пражской лингвистической школе. «Вопросы современного общего и математического языкознания», вып. III, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).

ко распространившееся впоследствии среди лингвистов самых разных направлений⁴².

Как же относился к телеологическому принципу А. М. Пешковский? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно.

В «Школьной и научной грамматике» он подвергается сокрушительной критике. «Устарелая телеологическая точка зрения», понимаемая автором как попытка подменить причинную связь фактов рассуждениями об их целесообразности (например, объяснение фонетических изменений потребностями «благозвучия», объяснение форм и оборотов речи потребностями «выражения того-то и того-то» и т. п.), расценивается как один из наиболее крупных недостатков традиционной школьной грамматики. Однако критика Пешковского сопровождается примечательной оговоркой: «Так как дело идет о языке, явлении органическом и потому действительно внутренне-целесообразном, то во многих случаях такого рода объяснение вскрывает отчасти (но всегда только отчасти, как и в биологии) и причины явления»⁴³.

Поэтому неудивительно, что Пешковский не только принял принцип экономии (тем более, что здесь он мог опереться и на паулевскую традицию), но и сделал попытку применить этот принцип для объяснения конкретных явлений языка.

Так, в статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (1924) утверждается: «Язык по природе экономен в средствах»⁴⁴. В последнем издании «Русского синтаксиса» читаем: «...Ощущения того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляют норму для языка и объясняются общим законом всякой нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил»⁴⁵. Здесь же наше внимание привлекает рассуждение Пешковского о категории повеления: отмечая, что она включает в себя, кроме слов с формами повелительного наклонения, также и словосочетания с повелительными словами или без них, но с повелительной интонацией, он резюмирует: «...Чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, тем более разнообразными и тем более многочисленными

⁴² См. Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? В кн.: Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974.

⁴³ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 41.

⁴⁴ А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959, с. 58.

⁴⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 139—140.

ми способами обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто бы язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели — выразить данное значение...»⁴⁶. Думается, что против подобного объяснения (хотя и снабженного осторожной оговоркой «как будто бы») ни один сторонник телеологического принципа возражать не будет...

Говоря об общелингвистических взглядах ученого (и в частности, касаясь вопроса об отношении их к тогдашним лингвистическим направлениям) нельзя не коснуться вопроса «язык и общество». Как соотносятся эти два явления друг с другом, определяется ли общественным развитием изменение языка, как именно протекают эти изменения — все эти вопросы были в тот период поставлены как в зарубежной лингвистике (социологическая школа А. Мейе), так и в особенности — в молодой советской науке о языке. Причем разрешить их (разумеется, каждый по-своему) стремились ученые, принадлежавшие к самым различным, порой полярно противоположным направлениям: Е. Д. Поливанов и Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и Р. О. Шор, Г. О. Винокур и А. М. Селищев и многие другие. Проявили интерес к проблемам, связанным с социологией языка, и ученики Фортунатова (здесь можно упомянуть статью М. Н. Петерсона «Язык как социальное явление» в «Ученых записках института языка и литературы РАНИОН», т. I, М., 1927).

Сам Пешковский также не сомневался в социальном характере языка. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что в рецензии на книгу одной из наиболее последовательных представительниц социологического направления — Р. О. Шор «Язык и общество» (М., 1926) — он специально отмечает «уменьше вскрыть... социальную природу языка» как большое достоинство книги, свидетельствующее «о серьезной научной школе»⁴⁷. Поэтому нам кажется, что замечание С. Карцевского о том, что имеется «крупный дефект в лингвистическом мировоззрении Пешковского, характерный для всех русских языковедов. Это — недооценивание социальной стороны языка и, следовательно, замыкание в сферу индивидуальной психологии»⁴⁸ — не совсем справедливо. Примеча-

⁴⁶ Там же, с. 48—49.

⁴⁷ А. М. Пешковский. Рецензия на книгу Р. О. Шор. «Печать и революция», 1927, кн. 3, с. 176.

⁴⁸ С. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского «Родной язык и литература в трудовой школе». 1928, № 1, с. 25.

тельно и то обстоятельство, что Пешковский видит достоинство книги Р. О. Шор и в другом — в том, что в ней наличествует «последовательное воздержание от глоттогенетических гипотез»⁴⁹.

Нам думается, что это последнее замечание связано с той позицией, которую Пешковский занимал по отношению к марровскому «новому учению о языке».

Насколько нам известно, он не выступал (во всяком случае, печатно) против идей Марра. Но вся деятельность его, как ученого, была, по существу, противоположной воззрениям Н. Я. Марра и его последователей.

Гнев марристов вызывало и то, что Пешковский «придерживался концепции славянского праязыка, выделял славянские языки в одну обособленную группу, причисляя к ним и русский язык, говорил о процессе разобщения и расчленения языков, исторические языковые сличения вел в очень узком кругу «родственных» языков и на узких исторических отрезках времени»⁵⁰ (т. е. не отрекался от фундаментальных положений, установленных к тому времени наукой), и то, что Пешковский не воспринял того «социологизма», который выдавался марристами за единственно правильный, и еще многое другое. Между тем, хотя последователи Н. Я. Марра и ставили ему в вину, что он отказался от постановки вопроса об историческом происхождении языковых категорий и их связи с человеческим мышлением, на деле мы имеем как раз обратное: Н. Н. Дурново даже упрекает Пешковского за то, что он «слишком часто прибегает к глоттогоническим разъяснениям», производя те или иные грамматические особенности современной языковой системы от примитивного мышления, в то время как «подобные ссылки на мышление первобытных людей ничего не объясняют в системе языка, а лишь запутывают понимание языка»⁵¹.

Противоречило марровской доктрине и то, как понимал ученый языковое развитие. Вместо марровских «внезапных взрывов» — последовательно отстаиваемый на всем протяжении деятельности Пешковского тезис: «Язык не делает скачков»⁵². Вместо марровского представления о быстрой смене языковой структуры, замене старого качества совершенно новым — у Пешковского постоянное подчеркивание

⁴⁹ А. М. Пешковский. Рецензия на книгу Р. О. Шор, с. 176.

⁵⁰ Е. Н. Петрова. Грамматика в средней школе. М.-Л., 1936, с. 36.

⁵¹ Н. Дурново. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 274.

⁵² См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 14.

консерватизма и устойчивости языка. Любопытно, что А. И. Белов, признавая, что эта «концепция Пешковского об устойчивости и консерватизме имела для своего времени определенное прогрессивное значение особенно при сравнении ее с концепцией Н. Я. Марра и его учеников», счел тем не менее, что «Пешковский слишком схематично, ограниченно и примитивно понимает закономерности развития языка, ошибочно заявляя, что в языке «идеал лежит целиком позади». Это в сущности граничит с отрицанием всякого развития в языке и его грамматическом строе»⁵³.

Этот упрек, как нам кажется, полностью лишен оснований. Приведенные Беловым слова Пешковского, рассматриваемые в контексте всей работы (речь идет о статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык»), отнюдь не дают оснований для подобного вывода. Согласно автору статьи, следует различить два подхода к языку. Если подходить к нему с объективной точки зрения, когда «эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение — познавательное», то об идеале говорить вообще не приходится, хотя бы потому, что «отсутствие оценки — первый признак объективного рассмотрения предмета»⁵⁴. С этой точки зрения бессмысленны и споры о том, какой из языковых типов является наиболее совершенным. Неприменимо при объективном подходе к языку и понятие прогресса, которое здесь «целиком заменяется понятием языковой эволюции»⁵⁵. Словом, с объективной точки зрения язык необходимо рассматривать как «самодовлеющую, живущую по своим законам величественную стихию»⁵⁶.

Известно, что именно объективный подход к языку выделялся как характерная черта языковедения (в противоположность филологии) уже первыми представителями сравнительно-исторического языкознания, в частности А. Шлейхером. «Филолог изучает язык как средство, языковед — как самоцель. Отношение филолога к языку можно уподобить отношению садовника к растениям (или земледельца — к лошадям), языковедческий же подход к языку подобен отношению ботаника к растениям (или зоолога к лошадям)»⁵⁷, —

⁵³ А. И. Белов. Указ. соч., с. 41—42.

⁵⁴ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык. «Избранные труды», с. 50.

⁵⁵ Там же, с. 50.

⁵⁶ Там же, с. 53.

⁵⁷ См.: А. С. Чикобава. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 45—46.

такова основная мысль Шлейхера. Исходя из этого, он пришел к выводу, что в отличие от филологии — науки исторической, языкознание есть наука естественная. На первый взгляд может показаться, что Пешковский занимает схожую позицию: «Если подходить к науке о языке с этим различием субъективного и объективного, то языковедение окажется наукой не гуманитарной, а естественной»⁵⁸.

Различие между обычными взглядами на язык и объективной точкой зрения лингвиста Пешковский иллюстрирует их противоположным отношением к диалектам, индивидуальным дефектам речи, случайным обмолвкам, неверным ударениям и т. д. Если для широкой публики подобные явления суть подлежащие уничтожению отклонения, то для лингвиста, с его объективным подходом к языку, они представляют драгоценный материал для изучения языка.

Совершенно по-иному обстоит дело при подходе к языку с точки зрения нормативной, которая характерна для большинства членов говорящего коллектива. Ее основой как раз является уверенность в существовании некоего идеала, определенной нормы для каждого языкового явления и ее общеобязательной необходимости.

Известно, что многие лингвисты относились к нормативной работе свысока, считая ее уделом педагогов; высказывалась даже мысль о том, что «старания отдельных грамматиков и пуристов поправлять язык совершенно бесполезны»⁵⁹ (М. Мюллер), поскольку подобные попытки противоречат объективному характеру языкового развития.

Поначалу А. М. Пешковский в рассматриваемой статье тоже, казалось бы, иронизирует над «наивной точкой зрения неспециалиста». Но затем он решительно подчеркивает, что при всей кажущейся наивности она крайне необходима, ибо «для литературного наречия наивный нормативизм интеллигента-обывателя, при всех его курьезах и крайностях, есть единственно-жизненное отношение, а ... выведенный из объективной точки зрения квиетизм был бы смертным приговором литературному наречию»⁶⁰.

Существование языкового идеала, совершенно несущественное с точки зрения физиологии и биологии языка, есть условие существования языка литературного, важнейшими чер-

⁵⁸ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык. с. 50.

⁵⁹ Цит. по кн.: А. С. Чикобава. Проблема языка..., с. 54.

⁶⁰ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык. с. 53—54.

тами которого, по Пешковскому, являются, во-первых, ориентация на говор определенной местности или определенной социальной группы и, во-вторых, — консерватизм, объединяющий литературный язык во времени. И когда ученый говорит, что языковой идеал «лежит целиком позади», ибо «нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»⁶¹, — то он не отрицает языкового развития вообще и развития литературного языка в частности, а просто констатирует тот бесспорный факт, что любая норма отражает и фиксирует уже сложившееся словопотребление.

Объективная и нормативная точки зрения, таким образом, не только противоречат друг другу, но и дополняют друг друга. В связи с этим Пешковский ставит вопрос о возникновении нормы, соотношении в ней подражания и творения. Указывая, что люди — «непрестанные творцы того же самого процесса, который наблюдают»⁶², он пишет: «Все мы, чтобы нас понимали, должны равняться в нашей языковой деятельности по окружающим, должны говорить как все. Непосредственное воздействие говорящей среды на каждого индивидуума ведет к тому же: каждый невольно подражает всем, окружающим его. Но, с другой стороны, как создается это «как все»?... Все дело в том, что это «как все» создается сложением миллионов индивидуальных языков, в том числе и моим. Всякий говорящий одновременно и подражает и вызывает подражание, и говорит «как все» и создает это «как все»... нет в языке ни одного говорящего, который бы не участвовал в создании самого языка»⁶³.

Поэтому, по мнению автора, «роль наблюдателя и роль творца — каждый сам в себе должен разделить и в первой быть объективным, а во второй — субъективным (насколько вообще допускает это такая объективная сфера, как язык)»⁶⁴. Это полностью относится и к специалисту-лингвисту.

«Лингвист не как лингвист, а как участник языкового процесса, как член данной языковой общины, конечно, расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой расценки гораздо больше специальных знаний. И не только расценивает, но сплошь и рядом активной пропове-

⁶¹ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык, с. 53.

⁶² Там же, с. 60.

⁶³ Там же, с. 61.

⁶⁴ Там же, с. 60.

дью вмешивается в процесс языковой эволюции (хотя еще раз подчеркну, что стихийность языковых явлений плохо мирится с индивидуальным вмешательством и придает ему вид донкихотства)»⁶⁵.

Говоря об этом внимании Пешковского к нормативному аспекту языка, К. И. Чуковский замечает: «Здесь раскрывается широта его лингвистической мысли»⁶⁶. Эта черта роднит его с другими языковедами 20-х годов — Г. О. Винокуром, Л. П. Якубинским, В. М. Жирмунским, подчеркивавшими необходимость «языковой политики» и сознательного управления процессами, происходящими в литературном языке. Определенные точки соприкосновения взгляды Пешковского обнаруживают и с воззрениями членов ПЛК, которые также проявляли большой интерес к проблеме нормы. В частности, здесь можно вспомнить доклад Б. Гавранка на IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене в 1934 году, где он определяет норму, с одной стороны, как языковой продукт (*ergon*), а с другой, — как языковое творчество (*energeia*). Подобно Пешковскому, Б. Гавранк в своем докладе «ставит вопрос, должен ли языковед быть только наблюдателем процесса развития и нормализации языка, или же может вмешиваться в него, и отвечает, что такое вмешательство не только допустимо, но и обязательно для языковеда»⁶⁷.

Интерес к проблемам литературного языка, естественно, был связан у ученого с интересом к стилистике. Долгое время эта отрасль науки о языке оставалась практически неразработанной; не случайно, что именно ее избрали своим плацдармом для атак на младограмматическую концепцию К. Фосслер, с одной стороны, и итальянские неолингвисты, — с другой. Большой интерес к вопросам стилистики проявляли в России деятели ОПОЯЗа, а впоследствии и ученые Пражской школы.

Р. А. Будагов, говоря об отношении к стилистике русских лингвистов, отмечает: «Они очень много ею занимались, но занимались так сказать за пределами проблем, подлежащих изучению в курсах «общего языкознания»⁶⁸. Это в из-

⁶⁵ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык, с. 61.

⁶⁶ К. И. Чуковский. Живой как жизнь. Собр. соч. в 6 томах. т. III. М., 1966, с. 202.

⁶⁷ См. об этом: В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. В кн.: «Общее и индоевропейское языкознание». М., 1956, с. 106.

⁶⁸ Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 100.

вестной степени относится и к Пешковскому. Даже в последнем варианте «Русского синтаксиса», когда за плечами его автора был уже целый ряд статей по стилистике, она отсутствует среди перечисляемых им разделов языкознания. Да и названия двух его сборников: «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика» (1925) и «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики» (1930) — как бы говорят о том, что проблемы стилистики не включались Пешковским в круг вопросов, изучаемых лингвистикой как таковой.

Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что стилистические исследования ученого во многом перекликались с его лингво-грамматическими трудами, с одной стороны, базируясь на них, с другой стороны, освещая целый ряд вопросов, имеющих общезыковедческий характер. Так, исходным пунктом анализа любого художественного текста Пешковский считал его целостность и системный характер; в качестве основного приема стилистического анализа им выдвигался экспериментальный принцип, широко применявшийся и в грамматике; наконец, именно в статьях, посвященных стилистическим проблемам, им был поставлен такой важный теоретический вопрос, как семантический критерий слова. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что именно в работе по стилистике им была высказана мысль о возможности применения статистических методов в языкознании: «...В области звуков мы имеем как раз блестящий пример проявления закона больших чисел и притом на ничтожном сравнительно материале»⁶⁹.

Интересно, что в своих стилистических исследованиях Пешковский стремился вскрыть своего рода универсальные закономерности (так, рассматривая соотношения между звуками собранного им материала, он отмечал, что «огромное большинство этих соотношений в своем основном направлении свойственно, конечно, всем языкам человеческим», оговаривая вместе с тем, что «в самых пропорциях преобладания одних категорий над другими могут оказаться большие различия как между отдельными языками, так и для литературных языков, между отдельными литературными жанрами»)⁷⁰.

⁶⁹ А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований). кн.: А. М. Пешковский. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М., 1925, с. 168.

⁷⁰ Там же, с. 181.

Завершая наш разговор об этом предмете, отметим, что под стилем речи Пешковский понимал «пользование средствами языка для особых целей, добавочных по отношению к основной цели всякого говорения — сообщению мысли». Указывая, что такими целями могут быть воздействие на воображение слушателя и пробуждение в нем эстетических переживаний (художественная речь), воздействие на его волю (ораторская речь) и облегчение понимания (лекторская речь, популяризация), он пишет: «Все эти добавочные цели предполагают сознательное или бессознательное приспособление к ним обычных средств языка, и та специфическая оболочка, которою покрывается всякий раз язык в результате такого приспособления, и называется речевым стилем»⁷¹. В связи с этим ученый ставит вопрос о том, какую роль в развитии стилистических навыков играет изучение грамматического строя языка.

Среди проблем общего языкознания, рассматриваемых Пешковским, большое внимание уделяется вопросу взаимоотношения языковедения с другими науками. «Нельзя не признать, — пишет он в статье «Вопросы изучения языка в семилетке» (1930), — что языковедение как наука принадлежит к числу отвлеченнейших ветвей гуманитарного знания вообще, а это последнее в свою очередь во много раз отвлеченнее знания о природе (исключая в области языковедения, может быть, только фонетику как пограничный пункт между ним и естествознанием); что наука эта во всем своем объеме, за исключением отчасти только той же фонетики, в первую голову имеет дело с данными внутреннего опыта, т. е. оказывается ближайшей соседкой логики и психологии; что в своей исторической части она тесно срастается с историей и историей литературы»...⁷².

Как видим, наиболее важными для языкознания Пешковский считал логику и психологию. Это вполне согласуется и с историей лингвистики: именно с указанными двумя науками она взаимодействовала теснее всего, то стремясь опереться на них, то отмежевываясь и провозглашая свою автономию.

Как известно, до XIX века логицизм господствовал в трудах о языке почти полностью. Да и после появления сравнительно-исторического языкознания многие лингвисты стремились сочетать его принципы с традиционной логичес-

⁷¹ А. М. Пешковский. Роль грамматики при обучении стилю. «Избранные труды», с. 148.

⁷² А. М. Пешковский. Избранные труды, с. 215.

кой грамматикой. В России, например, это явственно сказалось в трудах Ф. И. Буслаева.

Но вместе с тем именно сравнительно-историческое языкознание нанесло логицизму сильнейший удар. Уже один из основателей его — Я. Гримм (которого, кстати, очень высоко ценил Буслаев) — писал: «В грамматике я чужд общелогических понятий. Они, как кажется, привносят с собой строгость и четкость в определениях, но они мешают наблюдению, которое я считаю душой языкового исследования»⁷³. Правда, в 20-х годах XIX в. логицизм все еще имел в языкознании довольно сильное влияние — достаточно назвать работы К. Беккера.

Особо сильную критику логицизма дал ученик В. Гумбольдта Г. Штейнталь в книге «Логика, грамматика, психология» (1855), которому принадлежит известная фраза: «Языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом как понятия круга и красного»⁷⁴. С него начинается замена логицизма психологизмом, который в разных формах отразился во взглядах почти всех языковедов второй половины XIX и начала XX в.: А. А. Потебни, Г. Пауля, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и целого ряда других лингвистов вплоть до ранних взглядов членов ПЛК.

Таким образом, при появлении Пешковского на научной арене психологизм был общепризнанной (хотя далеко не однородной) основой большинства лингвистических теорий. Вместе с тем, как отмечал Л. Ельмслев (см. выше), для ученых Московской школы характерно стремление разграничить психологические и языковые категории.

Все это отразилось и на работах Пешковского. В ранних трудах его психологическая установка особенно ошутима.

Так в «Школьной и научной грамматике» ее автор дает краткий очерк становления психологических взглядов на язык. Вслед за своими учителями он начинает с В. Гумбольдта, якобы ставившего своей целью «подвести психологический фундамент под языковые законы» и тем самым «освободить языкознание из-под фетулы логики». Продолжателями Гумбольдта он называет Лацаруса и Штейнталья, а завершителем этого направления — Пауля, который сумел

⁷³ Я. Г р и м м. Из предисловия к «Немецкой грамматике». «Хрестоматия по истории языкознания XIX и XX веков», с. 46.

⁷⁴ Цит. по кн.: «Язык и мышление». М., 1967, с. 33.

«подвести внутреннюю сторону языковой деятельности под общепсихологические законы»⁷⁵.

Легко заметить, что нарисованная здесь картина страдает крайней неточностью, ибо зачисление Гумбольдта в психологию не соответствует действительности. Не раскрыто им и то различие, которое существует между «психологией народов» Лацаруса и Штейнталя и имеющейся у Г. Пауля установкой на индивидуальную психологию. На этом основании, как мы увидим далее, ряд критиков обвинил Пешковского в том, что тот не заметил принципиальной разницы между воззрениями последователей Гумбольдта и последователей Пауля (геср. Потевни и Фортунатова). Отсюда же выводится и пресловутый «эkleктизм» Пешковского. Не касаясь сейчас этого обвинения подробно, мы хотим сделать одно замечание. По нашему мнению, ученого и его коллег, излагавших приведенную выше схему, интересовало не различие между теми или иными формами психологизма, а противопоставление этого течения в целом логицизму. Это вполне понятно, поскольку именно логицизм был основой школьной грамматики, с которой последователи Фортунатова вслед за своим учителем и целым рядом других лингвистов вели упорную борьбу. Что же касается того, что Пешковский, якобы, не заметил разницы между различными оппозиционными логицизму течениями, то не заметить разницы между Г. Паулем, с одной стороны, и Лацарусом и Штейнталем — с другой, для человека, хоть сколь-нибудь знакомого с «Принципами истории языка», вообще невозможно. Отнесение к психологистам В. Гумбольдта, возможно, результат той психологической интерпретации, которую получили его воззрения в трудах Г. Штейнталя.

Так или иначе психологизм явственно ощущается в ранних работах Пешковского. Об этом говорит уже тот факт, что в I издании «Русского синтаксиса» имеется глава «Сведения из общего языковедения и психологии»; психологистичен и проводимый Пешковским анализ взаимоотношения между предложением и психологическим суждением.

Однако, говоря о психологизме Пешковского, необходимо учитывать следующее. Во-первых, стремясь опереться на психологию, он никогда не доходил до утверждения о необходимости вообще порвать связь между лингвистикой и логикой, что было характерно для многих лингвистов. Если полемизировавший с Пешковским Е. Ф. Будде грамматику и логику считал совершенно различными науками, не сос-

⁷⁵ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 46.

тоящими в какой-либо связи⁷⁶, то Пешковский всегда сохранял верность тезису: «Между логикой и грамматикой существует естественный мост»⁷⁷. Поэтому уже в начале своей деятельности он отстаивал мысль о том, что грамматика, «освободившись от рабского служения логике», отнюдь не должна ее игнорировать⁷⁸.

Во-вторых, сам психологизм ученого нельзя считать чем-то раз и навсегда данным, неизменным, застывшим. По-прежнему считая психологию крайне важной для лингвиста, он в последнем варианте «Русского синтаксиса» сделал попытку объяснить одно из важнейших понятий своей концепции — понятие сказуемости — «не на общепсихологической базе (так называемое «психологическое суждение», «психологическое подлежащее», «психологическое сказуемое»), а на специально языковых наблюдениях»⁷⁹.

В-третьих, в соответствии с общими установками Московской школы, Пешковский стремился отграничить собственно-языковые категории не только от логических, но и от психологических. С этим связано и часто встречающееся в его работах указание на несоответствие между языковой стороной и неязыковыми категориями (как логическими, так и психологическими). Это вызвало даже со стороны Н. Н. Дурново упрек в том, что для понимания языка Пешковским характерно «признание определенной иррациональности языка», вследствие чего «Пешковский на каждом шагу наталкивается на противоречия между... грамматическим и логическим мышлением, грамматикой и психологией», тогда как, по мнению критика, «часто подчеркиваемые Пешковским противоречия являются только мнимыми»⁸⁰.

Впрочем, В. В. Виноградов считает, что «лишь изредка Пешковский останавливается на вопросе о «величайших» предметно-логических противоречиях в языке», «о величайшей алогичности, величайшей иррациональности языка»⁸¹.

Таковы вкратце основные общетеоретические воззрения Пешковского на язык. Мы почти ничего не сказали здесь о той области лингвистики, в которой протекала основная ра-

⁷⁶ См.: А. И. Белов. Указ. соч., с. 16.

⁷⁷ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? «Избранные труды», с. 100.

⁷⁸ См., в частности, его ответ на рецензию Е. Ф. Будде.

⁷⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 10.

⁸⁰ Н. Дигново. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 275—276.

⁸¹ В. В. Виноградов. Современный русский язык. Выпуск I-й. М., 1938, с. 81.

бота ученого — о грамматике (особенно синтаксисе), поскольку все остальные главы нашей работы как раз и посвящены различным аспектам грамматической теории Пешковского. А пока кратко подведем итоги рассмотренного в данной главе:

1. Взгляды Пешковского на основные проблемы общего языкознания формировались на основе теории Ф. Ф. Fortunatova и традиций Московской школы лингвистов, с одной стороны, и концепции Ф. де Соссюра, — с другой.

2. Пешковский подходил к языку как к сложной системе, все члены которой находятся в структурной связи и взаимно обуславливают друг друга. Если на первом этапе понимание языка как системы было в трудах ученого неявным, то после знакомства с идеями Соссюра пришло и теоретическое осмысление этого принципа.

3. В соответствии с традицией фортуноватовской школы, Пешковский считал одной из своих основных задач способствование созданию научной описательной грамматики русского языка. Вместе с тем он отстаивал исторический характер языкознания как науки в целом. Приняв четкое различие между синхронией и диахронией, проводившееся Ф. де Соссюром, и указывая, что в каждой из этих областей должен применяться свой метод (в диахронии — сравнительно-исторический и собственно-исторической, в синхронии — экспериментально-сравнительной интроспекции), Пешковский вместе с тем подчеркивал недопустимость разрыва между ними. Синхроническая и диахроническая лингвистики для него — не две разные науки, а два раздела одной науки о языке.

4. Сложным и несколько противоречивым было отношение Пешковского к телеологическому принципу, получившему в начале XX в. распространение в некоторых направлениях языкознания. Подвергая в ранних трудах этот принцип резкой критике, он впоследствии давал некоторым фактам языка телеологическое объяснение.

5. Знакомство с общелингвистическими взглядами Пешковского показывает, что в его трудах отразился тот процесс формирования лингвистического структурализма, который протекал в зарубежном и русском языкознании, в том числе и среди представителей фортуноватовской школы. В частности, в работах Пешковского, с одной стороны, и деятелей Пражской школы, — с другой, имеются определенные точки соприкосновения.

6. В наследии А. М. Пешковского большое место занимают проблемы, связанные с нормированием литературного

языка, вопросами культуры речи и т. д. Глубокий интерес проявлял он и к стилистике. Хотя, подобно большинству русских языковедов того времени, Пешковский не выделял стилистику в качестве отрасли общего языкознания, в своих стилистических работах он высказал ряд положений, имеющих важное общелингвистическое значение.

7. Будучи психологистом (особенно в начале своей деятельности), Пешковский вместе с тем выступал против полного разрыва языкознания с логикой, а также стремился разграничить психологические и грамматические категории. Впоследствии в трудах Пешковского намечается отход от психологизма и стремление опереться на собственно-языковые факты и наблюдения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОРМА И ЗНАЧЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ А. М. ПЕШКОВСКОГО

Ученые, принадлежавшие к Московской лингвистической школе, внесли значительный вклад в различные области языкознания. Но наиболее оригинальным и крупным вкладом Фортунатова в науку о языке является, бесспорно, его грамматическая теория, в частности, учение о форме слова, разрабатывавшееся впоследствии его учениками и последователями. Поэтому в историю грамматической мысли ученики Фортунатова вошли как представители формального направления, а их учитель — как основатель формализма в языкознании. Хотя внимание к формальной стороне языка характеризовало и некоторых зарубежных, в частности немецких лингвистов (Миклошич и др.), однако, по мнению большинства историков лингвистики, «формализм» немецких грамматистов не был столь последовательным и, значит, специфическим, как ...у Ф. Ф. Фортунатова»¹.

Следует сказать, что такая квалификация сыграла негативную роль в дальнейшей судьбе этого направления.

Во-первых, в 20-х (особенно в тридцатых) годах термин «формализм» ощущался как имеющий сугубо отрицательный характер. С ним связывали отрицание роли значения, пренебрежение смысловой стороной языка, гипертрофированное внимание к внешней стороне языковых явлений и т. д. Это обвинение особенно выдвигалось сторонниками марровского «нового учения о языке» (так в упоминавшейся выше книге Е. Н. Петровой говорится, что «формалисты» объявили форму монополярным объектом всех исследований по языку»²). Да и сейчас в работах, посвященных этому направлению, встречается мысль о том, что «у

¹ Ю. В. Попов. Общая грамматическая теория в немецком языкознании. Минск, 1972, с. 68.

² Е. Н. Петрова. Указ. соч., с. 30.

Фортулатова и некоторых его последователей категория значения отодвинулась на задний план»³.

Как мы увидим, определенная доля истины (особенно по отношению к так называемым «ультраформалистам») в такой характеристике была. Однако, сосредоточивая все внимание на отрицательных последствиях учения Фортулатова, провозглашая необходимость «решительной борьбы с ним», многие зачеркивали все наследие Московской школы. Даже ученые, отрицательно относившиеся к марровской доктрине, видели в фортулатовской школе прежде всего «схематизм грамматических наблюдений, игнорирующих структурную целостность разных сторон языковой системы, пристрастие к абстрактно-классификационным формальностям, наивный эмпиризм морфологических построений, не считающихся с присущим коллективу пониманием живой социальной природы языка»⁴ и иные отрицательные моменты. Порой же формалистов обвиняли не в пренебрежении значением, а в отрыве его от формы. Так, С. И. Бернштейн писал: «Ошибка формальной грамматики не в том, что она игнорирует значения — напротив, она все время говорит о значениях... Основной порок ее в том, что она отрывает значение от «формы»⁵...

Так или иначе, но «формализм» ученых Московской школы считался длительное время вредным явлением, подлежащим искоренению. В результате случилось так, что, по словам Р. А. Будагова (являющегося противником формализма), «в 30—40 годы всякое пристальное изучение форм языка объявлялось идеологически вредным»⁶. Правда и в этот период раздавались голоса, призывавшие более объективно оценить наследие фортулатовской школы — ср. высказывание Е. М. Галкиной-Федорук: «Обычно у нас называют

³ Р. А. Б у д а г о в. Общее языкознание в СССР за 50 лет. В кн.: Р. А. Будагов. Язык, история и современность. М., 1971, с. 13.

⁴ В. В. В и н о г р а д о в. Современный русский язык. Вып. I. М., 1938, с. 38.

⁵ С. И. Б е р н ш т е й н. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. В кн.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис ис, изд. VI, М., 1938, с. 40.

⁶ Р. А. Б у д а г о в. Ф. де Соссюр и языкознание нашего времени. В кн.: Р. А. Будагов. Язык..., с. 55. См. также высказывание А. С. Чикобава: «В годы господства марризма изучение формы слова и тем более структуры предложения считалось «формализмом» в крайне негативном понимании данного термина, т. е. объявлялось идеологически вредным» (А. С. Ч и к о б а в а. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1968, с. 017 (на груз. яз., предисловие на рус. яз.)).

эту школу формальной и приписывают ей все смертные грехи. Я полагаю, что это не совсем верная точка зрения. Это был известный период в языкознании, несомненно закономерный в поступательном движении науки. Если логическую грамматику можно назвать тезисом, то формальную грамматику можно назвать антитезисом, и только ее наличие и успехи позволяют подходить к синтезу»⁷.

Второй причиной неудачности термина «формализм» является то обстоятельство, что «формалистами» называют как ученых Московской школы, так и членов ОПОЯЗа, составивших впоследствии формальную школу в литературоведении. Несмотря на то, что некоторые члены последнего (например, Р. О. Якобсон), как мы видели выше, опирались и на фортуатовскую традицию, эти направления сильно отличались друг от друга (В. Эрлих даже указывает, что теория Московской школы имела с формализмом в литературоведении весьма мало общего, кроме названия⁸).

Наконец, в-третьих, учение о форме (опиравшееся на традицию «внутренней формы» Гумбольдта) разрабатывалось в концепции А. А. Потебни. Многие лингвисты — и в их числе Е. Ф. Будде, — говоря о своем намерении «держаться исключительно формальной точки зрения»⁹, в качестве своего предшественника называли Потебню. На это обстоятельство обратил внимание в одной из своих работ А. М. Пешковский, указавший, что «Потебня... называется нередко основателем «формального» направления, несмотря на полную контрастность его с Фортунатовым»¹⁰.

Все сказанное (не говоря уже о том, что среди самих учеников Фортунатова существовали глубокие расхождения в понимании многих проблем грамматики) заставляет нас признать термин «формализм» крайне неточным. Но поскольку он прочно укоренился в научной литературе и использовался самими учеными Московской школы, мы, чтобы не нарушать традиции, также будем употреблять его, понимая под «формалистами» ученых, стремившихся построить грамматическую теорию, используя разработанную Ф. Ф.

⁷ Е. М. Галкина-Федорук. Понятие формы слова. «Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Чернышевского». Т. IX. Философский факультет. М., 1941, с. 110.

⁸ V. Erlich. Op. cit., p. 42.

⁹ Е. Ф. Будде. Вопросы методологии русского языкознания. с. 71.

¹⁰ А. М. Пешковский. Вопросы изучения языка в семилетке. «Избранные труды», с. 228.

Фортуновым концепцию о форме отдельного слова. Кратко напомним здесь ее основные положения.

Язык состоит из слов, могущих вступать между собою в словосочетания. «Отдельным словом является такой комплекс звуков речи, который имеет в языке значение, отдельно от других звуков и звуковых комплексов, являющихся словами¹¹, и который при этом не разлагается на два или несколько отдельных слов без изменения или утраты значения хотя бы той или другой части этого звукового комплекса»¹². Слова бывают полные, частичные, а также междометия.

Полными словами являются те слова, которые имеют форму. «Формой отдельных полных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью. Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях, т. е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, основных принадлежностей тех же слов»¹³.

Форма может осознаваться только благодаря противопоставлению. «Всякая форма слов, образуемая аффиксом, предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного аффикса, т. е. с другим аффиксом или без всякого аффикса»¹⁴. С другой стороны, формальная принадлежность должна осознаваться в словах с разными основами. Иными словами, учение о форме с необходимостью предполагает системный характер языка и исходит из него. Эту сторону фортуновской концепции высоко оценили впоследствии представители структурной лингвистики.

Формальная принадлежность может быть и отрицательной, т. е. выражаться отсутствием звукового показателя. Слово может обладать несколькими формами, так как выделенная основа может, в свою очередь, распадаться на основ-

¹¹ Критику этого определения А. М. Пешковским см. ниже — в главе III нашей работы.

¹² Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. Сравнительное языковедение. В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. т. I, М., 1956, с. 132.

¹³ Там же, с. 136—137.

¹⁴ Там же, с. 147.

ную и формальную принадлежности. Формальные принадлежности могут быть различными: аффиксы, повторение основы и т. д.

Среди форм выделяются формы словоизменения и формы словообразования. «...Формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы, обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами словообразования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли»¹⁵. Примером форм словоизменения (среди которых, в свою очередь, можно выделить ряд подгрупп) будут формы склонения существительных, а форм словообразования (которые также имеют несколько подгрупп) — формы числа.

Наконец, термин «форма», как отмечает Фортунатов, может употребляться и в переносном значении — для обозначения отдельных полных слов в их формах.

Таковы схематично взгляды Фортунатова на форму отдельного слова. Хотя «определения формы слова (или, иначе, «формы языка») из года в год менялись, так как автор искал все более четкое, более точное определение, но ее истолкование оставалось в основе своей неизменным»¹⁶.

Эта теория излагается и в первом издании «Синтаксиса» Пешковского, причем настолько точно, что даже Е. Ф. Будде признал это в своей рецензии (хотя, по своему обыкновению, снабдил свое признание ядовитой оговоркой: «...Все, что хорошо разработано наукою, удалось изложить просто и ясно г-ну Пешковскому, но то, чего он сам не понял, или еще не дала и наука, превысило его силы, и за это, по моему мнению, ему не следовало и браться») ¹⁷.

Как и Фортунатов, Пешковский определяет форму как способность слова распадаться на основную и формальную части и считает необходимым для ее выделения два ряда слов: с одинаковыми основами, но разными аффиксами, и одинаковыми аффиксами, но разными основами¹⁸. Подробно излагается в его книге и учение о формах словообразования

¹⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение, с. 155.

¹⁶ Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975, с. 447.

¹⁷ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 349.

¹⁸ Отметим, что этот подход вызвал в 20-х годах возражение С. И. Карцевского, считавшего, что объяснение наличия формы существованием двух рядов слов — «это не столько объяснение, сколько констатирование факта, который в свою очередь, является производным» (С. И. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, с. 42).

и словоизменения, учение об отрицательной принадлежности, говорится о переносном употреблении термина «форма» и т. д. Казалось бы, на этом разделе его книги можно было бы не останавливаться. Но тем не менее мы считаем необходимым взглянуть в него несколько внимательнее в связи с интересующим нас вопросом — воззрениями Пешковского на взаимоотношение формы и значения.

Мы уже отмечали, что одно из наиболее часто предъявлявшихся формальному направлению обвинений заключалось в том, что его представители пренебрегали исследованием значимой стороны языка. Эта мысль высказывалась и зарубежными исследователями. Так, В Эрлих считает характерным для фортунатовской школы «одностороннее внимание к грамматической форме при фактическом исключении проблемы функции (значения)»¹⁹ и в связи с этим пишет: «Под искусным руководством профессора Фортунатова московские лингвисты показывали изумительное искусство в морфологическом анализе, но они последовательно избегали вопросов функции и значения, как лежащих за пределами области грамматики»²⁰.

Для того, чтобы правильно понять взгляд учеников Фортунатова (в том числе и Пешковского) на место значения в лингвистическом исследовании, нужно прежде всего поставить вопрос: о каком значении идет речь? Ведь одним из краеугольных положений Московской школы был тезис о необходимости дифференцировать значение (кстати сказать, очень высоко оцененный Р. О. Якобсоном много лет спустя²¹). Разделению слова на основную и формальную принадлежности соответствует и разделение значения на вещественное и формальное²². Если вопрос о необходимости учи-

¹⁹ V. Eglіch. Op. cit., p. 42.

²⁰ Там же, с. 42.

²¹ См. Р. О. Якобсон. Значение лингвистических универсалий для языкознания. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. ч. II, М., 1965, с. 396.

²² С. И. Карцевский склонен был видеть здесь определенное упрощение. «В действительности,—писал он,—дело тут сложнее. Слово есть скрещеніе как бы двух координат, из которых одна имеет более общий, родовой (в который включен и категориальный) — характер, а другая — более частный, видовой, даже как бы партикулярный характер... тут дело вовсе не в «основе», роль которой в слове может быть различной срв. топоріще=что-то (рукоятка) от топора, где идея топора является определяющим моментом, и «топоріще»—огромный топор, где она выступает как определяемое» (С. И. Карцевский. Еще к вопросу..., с. 42—43).

тывать и исследовать формальное значение был ясен (без этого само учение о форме теряло смысл)²³, то вопрос о значении вещественном и его соотношении с формальным решался учениками Фортунатова по-разному.

А. А. Шахматов, например, в своем курсе истории русского языка (1910—1911 гг.) уделил внимание проблеме взаимоотношения между реальным и формальным значениями и подчеркивал их взаимосвязь, связав ее с категориями частей речи: «Формальные значения слов... ограничиваются вообще немногочисленными категориями. Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, производная именно от тех трех главных категорий, которые возникают в уме говорящего. С одними реальными значениями связывается представление о предметах и явлениях, видимых или познаваемых, — категория этих значений объединяется термином «имя существительное». С другими реальными значениями связывается представление о качестве или свойстве, присущем предмету или явлению, — категория этих значений объединяется термином «имя прилагательное». Наконец, с третьими реальными значениями связывается представление о действии, состоянии того или иного предмета или явления — категория этих значений объединяется термином «глагол». К этим трем категориям присоединяются еще «местоимения», т. е. те слова, которым присвоено значение более общего определения имен существительных, не зависимое от того или иного индивидуального свойства... Указанные четыре категории реальных значений, определяющие формальные значения слов, называются частями речи: результатом этих изменений являются грамматические формы»²⁴.

С другой стороны, ряд последователей Ф. Ф. Фортунатова считал, что поскольку задачей грамматики является изучение форм, постольку вещественное значение необходимо вообще исключить из исследования, а основное внимание сосредоточить на внешнем выражении формы. Такая тенденция характерна была для так называемых «ультраформалистов».

У А. М. Пешковского в первом издании «Русского синтаксиса» также «в основу изложения, — по его собственным

²³ Хотя не всегда это соблюдалось на практике (см. ниже о полемике Пешковского с ультраформалистами).

²⁴ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 10.

«словам, — положена внешняя звуковая сторона языка»²⁵. Указывает он и на то обстоятельство, что грамматике нет дела до вещественного значения: «В грамматике нам важно только формальное значение... От того же, что для нас в жизни главное, от вещественных значений, мы должны постараться отвлечься, не думать о них, забыть о них, потому что они, иной раз, прямо мешают, прямо заслоняют от нас форму своим жизненным весом, своей, так сказать, массой»²⁶.

Вместе с тем, при выделении формального значения, формальной принадлежности, он обращает внимание на то обстоятельство, что выделение это происходит на основе противопоставления основной принадлежности вещественному значению и связано с ним.

«Никому не придет в голову сравнивать слово «стекло» с прошедшим временем глагола «стекать»..., а также никто не найдет никакого сходства между такими словами, как «стекло, весло, долото и т. д. и такими, как: легко, смешно, хорошо, умно и т. д. Сразу чувствуется, что это «стекл» в прошедшем времени глагола «стекать» совсем не то, что «стекл» в слове «стекло», и это «о» в словах: легко, смешно, хорошо, умно и т. д. совсем не то, что «о» в слове «стекло». Значит, слово «стекло» первой своей частью («стекл») и по звукам и по значению сходно со словами стекла, стеклу, стеклянный и т. д., а второй своей частью («о») тоже и по звуку и по значению сходно со словами весло, помело, сукно и т. д. А стало быть наше «стекло» распадается не на 2 бессмысленные группы звуков, а на части, имеющие значения»²⁷.

Поскольку форма выделяется на основе двух рядов слов — с одинаковым вещественным и с одинаковым формальным значениями — постольку судьба ее тесно зависит от исчезновения или появления новых слов, т. е. связана с другими вещественными и формальными значениями, ибо «если один из этих рядов или оба передеют, то форма исчезнет»²⁸.

С другой стороны, Пешковский отмечает, что в процессе исторического развития языка ярко проявляется взаимосвязь между его звуковой стороной и значением. Изменения звуков могут вызвать изменение или потерю форм, измене-

²⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, с. I.

²⁶ Там же, с. 42.

²⁷ Там же, с. 1—2.

²⁸ Там же, с. 20.

ния значений слов в целом могут вызвать изменение их формальных значений.

Так обстоят дела с формой и значением в морфологии. Еще большую остроту приобретает этот вопрос при переходе к синтаксису. Ибо, как заметил Г. О. Винокур, «морфологические формы, как нетрудно заметить, составляют естественный переход в глубь словесной структуры, на пути к смыслу, как только они перестают быть изолированными и вступают в контекст, где приобретают значение форм синтаксических»²⁹.

Как известно, в европейской грамматической литературе синтаксис был наименее разработанным отделом грамматики. Г. фон Габеленц даже заметил по этому поводу: «Грамматики с преобладающей лингвистической тенденцией, выходящие в настоящее время сериями, все еще оканчиваются там, где начинается синтаксис»³⁰.

В русской лингвистической традиции «синтаксическое» направление грамматической мысли, в первую очередь, связано с А. А. Потебней. У нас нет возможности остановиться на его идеях сколь-нибудь подробно, поэтому скажем только, что сама форма для Потебни может проявиться только в речи («Нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и в языке»)³¹. Синтаксические установки Потебни ясно видны и в том, что он отрицал реальность существования отдельного слова. Саму же форму Потебня, опираясь на идеи Гумбольдта, понимал как значение и подчеркивал, что ее нельзя смешивать с внешним знаком (звуком) и что количество форм определяется не количеством окончаний, а количеством формальных оттенков значений.

Надо сказать, что отношение к потебнианской традиции у формалистов было двойственным. Если М. Н. Петерсон считал, что «Потебня не дает основы, исходя из которой можно было бы построить синтаксис вообще и синтаксис русского языка в частности»³², то Е. Ф. Будде, напротив, подчеркивал, что «наш научный синтаксис восходит своим

²⁹ Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1929, с. 273.

³⁰ Цит. по кн.: Р. О. Шор. Кризис современной лингвистики, с. 35.

³¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II, М., 1958, с. 45.

³² М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка, М.-Пг., 1923, с. 14.

началом к бессмертному А. А. Потебне»³³ и даже, как мы видели выше, провозглашал Потебню представителем формального направления (хотя к синтаксическим взглядам ближайшего ученика Потебни — Д. Н. Овсяннико-Куликовского — Будде относился резко отрицательно).

По-иному подходил к проблемам синтаксиса Ф. Ф. Fortunатов, хотя непосредственно мало занимавшийся вопросами этой области грамматики, однако высказавший ряд идей, оказавших большое влияние на дальнейшее развитие синтаксической мысли. Л. В. Щерба, не относившийся к числу последователей Fortunатова, писал: «Теоретические идеи Филиппа Федоровича в области синтаксиса надо признать особенно глубокими»³⁴.

Вкратце взгляды Fortunатова по интересующему нас вопросу таковы. Синтаксис, в отличие от морфологии, имеет дело не с отдельными словами, а с сочетаниями слов. «Форма словосочетания в собственном значении этого термина, — гласит определение ближайшего ученика Fortunатова В. К. Поржезинского, — это... способность данного словосочетания выделять в нашем сознании в своем составе такую принадлежность, которая имеет формальное значение»³⁵. Само словосочетание определяется на основе отдельного слова — как «целое, которое образуется словосочетанием в мышлении, а потому и в речи одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении»³⁶. Словосочетание может быть законченным (полное предложение), включающим грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, и незаконченным, которое лишено грамматического подлежащего и грамматического сказуемого и обычно является частью сложного словосочетания. Задачей синтаксиса является как раз изучение словосочетаний и их форм.

«Ученики и последователи Fortunатова, — говорится в коллективной работе по истории лингвистики, — продолжали разработку его идей, в частности учения о словосочетании, иногда значительно отходя от его положений, иногда лишь несколько их видоизменяя и делая попытку увязать данные положения с предыдущей и последующей русской

³³ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 344.

³⁴ Л. В. Щерба. Ф. Ф. Fortunатов..., с. 404.

³⁵ В. К. Поржезинский. Введение в языковедение. М., 1916, с. 137.

³⁶ Ф. Ф. Fortunатов. Сравнительное языковедение, с. 182.

грамматической традицией»³⁷. Нам представляется справедливым выделить три основных направления, по которому пошли в разработке синтаксических проблем ученики Ф. Ф. Фортунатова.

Первое, стремившееся построить синтаксис на чисто формальной основе, доведя тем самым «формализм» учителя до логического конца, наиболее ярко представлено работой М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка». Для него, по словам А. М. Пешковского, характерной чертой является то, что «словосочетания рассматриваются только со стороны взаимных отношений слов друг к другу и намеренно не рассматриваются со стороны их отношений к самой мысли»³⁸.

По второму пути в своем «Синтаксисе русского языка» пошел крупнейший ученик Ф. Ф. Фортунатова — А. А. Шахматов, подчинивший учение о словосочетании учению о предложении и положивший в основу теории предложения учение о коммуникации — акте мышления, ставящего целью сообщить окружающим сочетание представлений, наличное в мышлении. «...Синтаксическое мышление Шахматова, — писал С. И. Бернштейн, — началось с усвоения, а затем — критики Фортунатовской системы. Но в конце своего пути он пришел к построению системы, прямо полярной по отношению к учению Фортунатова»³⁹.

Наконец, третий путь избрал А. М. Пешковский. Будучи по существу первым последователем Фортунатова, развившим синтаксические идеи основателя Московской школы и создавшим монументальный синтаксис современного русского языка (ибо книга Е. Ф. Будде «Основы синтаксиса русского языка» (Казань, 1913), несмотря на претензии ее автора, сколь-нибудь существенного влияния на развитие русской синтаксической мысли не оказала), Пешковский уже в первом ее издании стремился учесть тот вклад, который внесла в изучение синтаксиса школа Потебни. «...Мне пришлось, — писал он по этому поводу, — приспособить систему Потебни (и тесно примыкающую к ней популяризацию Д. Н. Овсяннико-Куликовского) к моим целям в таком направле-

³⁷ Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975, с. 452.

³⁸ А. М. Пешковский. Рецензия на книгу М. Н. Петерсона. «Печать и революция». 1924, кн. 2, с. 243.

³⁹ С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», 1920, т. XXV, Пг, 1922, с. 232.

нии, чтобы она, с одной стороны, не стояла в противоречии с усвоенными мной на университетской скамье основными положениями Фортунатовской школы, а, с другой стороны, обнимала возможно большее число синтаксических явлений современного русского литературного языка и была в достаточной мере гибка и детальна для синтаксического истолкования любого школьного текста. К этому не могли, конечно, не присоединяться и некоторые самостоятельные наблюдения в области синтаксической семиологии, и в результате в системе Потебни было сделано несколько существенных изменений»⁴⁰.

Эти слова ученого оказались излюбленной мишенью для критиков. Их приводили как свидетельство теоретической беспомощности Пешковского, неумения его разобраться в различии между фортунатовской и потебнианской традициями, отсутствия четких критериев в понимании взаимоотношения между формой и значением. «Пешковский — эклектик, пытающийся соединить несоединимое» — таково господствовавшее в течение долгого времени мнение об этом лингвисте.

Допустим, что все это правильно (хотя невольно возникает вопрос: если Пешковский действительно не заметил различия между системами Фортунатова и Потебни, зачем же он счел необходимым «делать существенные изменения» в системе Потебни, чтобы она «не стояла в противоречии» с фортунатовской?). Тогда, в свою очередь, правомерно спросить: мог ли Пешковский, начиная работу в области синтаксиса, зачеркнуть то, что было сделано школой Потебни? Или мог ли он, перерабатывая в 20-х годах свою книгу, пренебречь тем, что было сделано А. А. Шахматовым? Нам думается, что нет. Согласимся, что здесь известная слабость Пешковского, но добавим, что в этом определенная сила его: недаром «Русский синтаксис» выдержал рекордное для языковедческого труда количество изданий и, независимо от той оценки, которую в тот или иной период получал в критической литературе, всегда был и остается поныне рабочей книгой для языковедов, в то время как многие, гораздо более «выдержанные» и «последовательные» труды имеют ныне только исторический интерес...

Не случайно еще в 1951 году В. И. Борковский, рецен-

⁴⁰ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе. В кн.: А. М. Пешковский. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л., 1925, с. 78.

зируя статью В. В. Виноградова «Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия», хотя и согласился с тем, что «А. М. Пешковский не имел строго научной лингвистической подготовки, не выработал строго определенной методологии и действительно, сочетал в своих работах и материалистическое и идеалистическое понимание языковых категорий», вместе с тем указал, что содержащаяся в статье В. В. Виноградова характеристика страдает односторонностью, ибо один заголовок ее «сводит на нет все ценное, что, несомненно, имеется в работах А. М. Пешковского, которого нужно оценивать не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и исторически». И отметив, что «в лице А. М. Пешковского мы имеем редкое и своеобразное сочетание великолепного знатока русского языка, тонкого наблюдателя языковых явлений и блестящего, талантливого педагога-методиста». В. И. Борковский подчеркнул, что «нельзя не отдать должного А. М. Пешковскому в отношении того, как он понимал сущность грамматики»⁴¹.

Вернемся, однако, к первому изданию «Русского синтаксиса». В соответствии со взглядом Фортунатова, автор прежде всего разграничивает формы синтаксические и несинтаксические. «Формы, зависящие... от других слов в речи, называются **синтаксическими** (потому что связная речь изучается в синтаксисе), а формы, не зависящие от других слов в речи — **несинтаксическими** или **словообразовательными**»⁴².

Как и Фортунатов, Пешковский основным объектом синтаксиса считает словосочетание и дает определение его формы. Однако здесь он внес и новый момент.

«...Для того, чтобы какая-нибудь группа слов, или, как говорят в грамматике, сочетание слов имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в это сочетание, имело свою форму, а нужно еще, чтобы все сочетание тоже имело определенный вид, определенное **строение**; и вот это-то строение того или иного сочетания мы будем также называть **формой**, но уже, конечно, не формой слова, а **формой сочетания слов**. И эту общую, окончательную форму надо отличать от тех отдельных форм, которые ее создают»⁴³.

⁴¹ В. И. Борковский. Рецензия на сборник: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». «Советская книга», 1951, № 7, с. 96—97.

⁴² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 30.

⁴³ Там же, с. 70.

Форму сочетания слов, согласно Пешковскому, создают следующие признаки:

- 1) бесформенные слова;
- 2) порядок слов;
- 3) интонация и ритм.

Именно последний признак был тем новым, что внес автор книги в учение о форме. Ф. М. Березин, рассматривая теорию Фортунатова, специально отметил: «Понимание Фортунатовым грамматической формы, сводившееся только к выражению отношений, привело его к отказу от учета интонации, имеющей также значение формальной принадлежности»⁴⁴. Сам Пешковский (кстати, всегда очень скромный в оценке своего вклада в науку) отмечал впоследствии, что именно он «впервые в русской литературе систематически вводил описание интонационных явлений в синтаксический труд»...⁴⁵. Это достижение Пешковского учитывалось впоследствии почти во всех трудах русских лингвистов в области синтаксиса и оказало влияние, в частности, и на работу А. А. Шахматова. О том, какое значение имеет разработка Пешковским вопросов интонации, наглядно говорит тот факт, что Г. Глисон в своей книге о дескриптивной лингвистике, написанной более сорока лет спустя после работы Пешковского, специально указывает на то обстоятельство, что «исследования в области интонации или сходных явлений по существу почти полностью отсутствуют»⁴⁶.

Исследования, посвященные интонации как формальному признаку, ученый продолжал и в последующие годы, развивая и углубляя свое понимание этой проблемы. При этом он все более и более подчеркивал специфику интонации, ее отличие от других формальных средств, указывая, что «интонационная грамматика» — это почти особая наука, во всяком случае особый отдел науки»⁴⁷.

Как и в своем понимании фортунатовского учения о форме отдельного слова, в понимании словосочетания автор (опираясь и на традицию Поттебни) стремится исходить из связи формы со значением. Считая, что синтаксис есть «отдел о формальных значениях по преимуществу»⁴⁸, он пишет:

⁴⁴ Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России, М., 1968, с. 95.

⁴⁵ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. «Избранные труды», с. 80.

⁴⁶ Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, с. 452.

⁴⁷ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика, с. 191.

⁴⁸ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 77.

«Нам надо выдвинуть только основные, важнейшие формы современных литературных русских сочетаний. Важнейшими же мы, конечно, должны признать те, которые являются главным орудием нашей мысли. Здесь мы подходим к тому, на что опирается всякий синтаксис, к понятию о мысли человеческой. Ведь сочетаем слова мы для того, чтобы говорить, а говорим для того, чтобы выражать наши мысли. И значит, чтобы понять, почему наши сочетания принимают ту или иную форму, нужно знать, для чего они ее принимают, какая задача стоит перед ними»⁴⁹. Эту задачу ученый, в соответствии со своими общими установками того периода, толкует психологистически — как выражение психологического суждения и соотношения между его членами. Потому-то в своей формулировке задачи синтаксиса современного русского языка Пешковский утверждал равную возможность определить ее как то, из каких форм он складывается, и то, какими формами выражается психологическое подлежащее, психологическое сказуемое и соотношение между ними. Это вызвало следующее замечание М. Н. Петерсона: «Вторая формулировка — полная противоположность первой. Первая исходит от формы (формы сочетаний слов) к значению, вторая — от значения к форме, от психологических категорий к грамматическим. Здесь Пешковский покидает фортуновскую точку зрения и всецело стоит на точке зрения Потемни и Овсяннико-Куликовского, которые в этом пункте близко подходят к традиционной точке зрения и разделяют все ее недостатки»⁵⁰. На наш взгляд, именно это стремление ученого опираться не только на внешнее выражение формы, но также и на внутреннее, семантическое содержание ее, привело к тому факту, который единодушно отмечают почти все исследователи его синтаксической концепции: провозгласив синтаксис учением о словосочетании, Пешковский построил его как учение о предложении. С этим, по мнению В. В. Виноградова, связан и интерес к интонации и ритму⁵¹.

Так между Пешковским и многими «формалистами» пролегла первая трещина. И это ясно отразилось в рецензии Е. Ф. Будде: «Не раз автор предупреждает, что он не делает уступок логике, не смешивает грамматику с логикой, а между тем, рассматривая предложение как выражение мысли, автор постоянно ссылается на отношение слов друг к другу

⁴⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 94.

⁵⁰ М. Н. Петерсон. Рецензия на II изд. книги А. М. Пешковского. «Печать и революция», 1921, кн. 3, с. 231.

⁵¹ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 41.

по смыслу и значению и в этом отношении находит возможным видеть *синтаксическое отношение*... Сам автор часто ссылается на субъективный характер и интонации, и ритма, и все-таки вводит эти элементы в синтаксис «научный», хотя это относится к психологии речи»⁵².

На это замечание Пешковский ответил словами, в которых четко выражен его взгляд на вопрос о взаимоотношении формы и значения и учете последнего в синтаксическом исследовании: «Единственно возможный способ определить отношения слов в сочетании — это вникнуть в *синтаксические значения слов*, т. е. значения синтаксических форм, в синтаксическую сторону многих словообразовательных форм (напр., частей речи), в значения частичных слов, в значение порядка слов, ритма и интонации, наконец, в известных случаях, в связь всего этого с определенными лексическими категориями, словом, во все, что создает *форму словосочетания*. Здесь раскрывается... пропасть между мной и г. рецензентом... Г. рецензент рассматривает форму слова чисто внешне, исключительно с ее звуковой стороны, а форму словосочетания, как механический конгломерат форм отдельных слов. Для меня форма слова — точка пересечения определенной звуковой формальной принадлежности слова с определенным формальным же значением его, а форма словосочетания — точка пересечения определенного внешнего строения его (в которое входят и формы отдельных слов, его составляющих) с определенным *формальным значением всего словосочетания*. При этом *синтаксические* формальные значения отдельных слов существуют только в значении всего словосочетания и могут быть поняты только из него. И я глубоко убежден, что, отказавшись от значений форм словосочетаний, не только синтаксис превращается в морфологию, но и сама морфология превращается в фонетику и даже не в фонетику (ибо и та не может быть оторвана от грамматики, т. е. формальных значений), а в *физиологию звуков речи*... Оторвавшись от внутренней стороны языка вообще и от внутренней стороны форм в частности, грамматист оказывается в безвоздушном пространстве»...⁵³ И доказывая далее, что сам Ф. Ф. Фортунатов постоянно отмечал необходимость учитывать значение при определении основных единиц — слова и словосочетания, Пешковский задает вопрос: «...По чему же еще могут быть отношения в ре-

⁵² Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 354—355.

⁵³ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 415—416.

чи, как не по мысли?»⁵⁴. Что же касается упрека Будде относительно субъективности интонации, то Пешковский отвечает на это, что «каждый языковой факт может быть в одной части своей субъективен, а в другой объективен. Каждый из нас произносит каждый звук речи отчасти не так, как все, но это не мешает нам говорить о звуках русского языка или его наречий и говоров»⁵⁵. Отмечает он и то обстоятельство, что элементы ритма и интонации рассматривались в трудах А. А. Потебни и В. А. Богородицкого.

Подводя итог изложенным выше ранним взглядам Пешковского на форму и значение, можно сказать следующее:

1. Считая себя в понимании формы последователем Ф. Ф. Fortunatova и строя на основе его концепции теоретико-грамматическую часть «Русского синтаксиса», ученый стремился не только к рассмотрению внешнего звукового выражения формы, но и к анализу ее внутренней стороны. Здесь он использовал и наследие А. А. Потебни.

2. Главными предметами грамматического анализа Пешковский, в соответствии с традициями fortunatovской школы, считает форму слова и форму словосочетания. Вместе с тем, стремясь проникнуть в смысловую сторону речи, он в значительной степени строит синтаксис как учение о предложении.

3. Интерес Пешковского к внутренней стороне синтаксических фактов привел к исследованию интонации как формальной принадлежности. Это имело принципиально важное значение для лингвистической науки в целом.

4. Развивая мысли Fortunatova о словообразовательных и словоизменительных формах и говоря о формах несинтаксических и синтаксических, Пешковский подчеркивал, что последние раскрываются только в сочетании с другими словами. Тем самым создавалась объективная предпосылка для своеобразной «переоценки ценностей», т. е. выдвигению на передний план не морфологии, как это наблюдалось в трудах многих представителей Московской школы, а синтаксиса, что соответствовало тенденции А. А. Потебни. Этому способствовало и то обстоятельство, что уже в начале своей деятельности Пешковский рассматривал синтаксис «как необходимое осмысление морфологии»⁵⁶.

Прежде чем переходить к рассмотрению последующей эволюции взглядов ученого на интересующую нас проблему

⁵⁴ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 418.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 77.

еще раз отметим, что в понимании самой категории значения у Пешковского наблюдалось влияние его психологических установок. Хотя, как мы отмечали выше, для зрелого Пешковского характерен отход от психологизма, влияние последнего легко проследить в приводимых ниже формулировках, относящихся ко второй половине 20-х годов.

«Для науки о языке, когда она занимается значениями слов, важно не то, что есть на самом деле, а что представляется говорящим во время разговора»⁵⁷ (1927).

«Языковед должен анализировать только тот образ, который выплывает у говорящего и слушающего при произнесении слова в процессе речи»⁵⁸ (1928).

Обратимся теперь к вопросу о том, как отразились вопросы формы и значения в последующих трудах Пешковского.

Двадцатые годы, как известно, — один из интереснейших периодов развития советского языкознания (в том числе и грамматической теории). С одной стороны, продолжается развитие формальной грамматики, которая на определенное время даже понимается как синоним научной грамматики вообще и завоевывает господствующее положение в средней и высшей школе. С другой стороны, этот расцвет «формализма» оказался лишь прелюдией к его кризису и закату. Этому способствовала и та ожесточенная полемика, которая развернулась вокруг него на страницах ряда периодических изданий, различных лингвистических и педагогических сборниках, на совещаниях и конференциях языковедов и преподавателей и т. д.

Во-первых, против «формального направления» выступили сторонники учения Марра. Для «нового учения о языке», «в принципе отвергавшего морфологию как раздел грамматики»⁵⁹, установки фортуноватовской школы были, естественно, неприемлемы. Впрочем, как известно, марристы вообще довольно широко понимали термин «формализм», наклеивая его как ярлык на всех своих противников. Именно под нажимом «нового учения о языке», как отмечает А. С. Чикобава, оборвался тот процесс формирования структурализма, который шел в Москве (да и в других научных центрах страны) в 20-х и начале 30-х годов.

Во-вторых, против формального направления решитель-

⁵⁷ А. М. Пешковский. Наш язык, ч. III. Книга для учителя. М., 1927, с. 91.

⁵⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. 7, с. 71.

⁵⁹ А. С. Чикобава. Язык и «теория языка»..., с. 522.

но выступил один из виднейших представителей лингвистической науки рассматриваемого периода — Л. В. Щерба. Соглашаясь с тем, что формальная грамматика имеет определенные заслуги в прошлом, «так как возникла из здорового протеста против стремления старой грамматики навязывать данному языку категории, ему чуждые», он вместе с тем подчеркивал, что «формальная грамматика... впала в другую крайность — забвение смысла за формой»⁶⁰ и считал поэтому борьбу с формализмом одной из важнейших задач советского языкознания.

Наконец, в-третьих, в двадцатых годах между самими сторонниками «формального направления» углубился тот раскол, который, как мы видели выше, начался еще в предыдущий период и привел к разделению последователей Фортунатова на просто «формалистов» и «ультраформалистов», ожесточенно споривших друг с другом. Если «ультраформалисты» обвиняли своих коллег в отходе от принципов Фортунатова, непоследовательности и возвращении к традиционной ненаучной школьной грамматике, то «формалисты», в свою очередь, утверждали, что борьба «ультраформалистов» со значением и предпринимаемые ими попытки исключить его из грамматики как раз и представляют собой, во-первых, забвение первоначальных принципов формального направления, выдвинутых Фортунатовым, а во-вторых, что они дискредитировали это направление и «окружили новую грамматику своеобразным ореолом бессмыслия»...⁶¹

Наконец, не могло не повлиять на судьбу «формального направления» и знакомство с идеями А. А. Шахматова. Выход в свет «Синтаксиса русского языка» наглядно показал, как далеко ушел от идей своего учителя этот крупнейший и любимейший ученик Ф. Ф. Фортунатова.

Отражением сложной ситуации, сложившейся в рядах Московской школы, явилась статья А. М. Пешковского «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?» (1924). Основной вопрос, который стоит перед сторонниками формального направления, как указывает А. М. Пешковский, — «совместимо ли с ним изучение смысловой стороны речи»⁶².

Говоря о спорах вокруг формальной грамматики, автор

⁶⁰ Л. В. Щерба. Новая грамматика. В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система..., с. 76.

⁶¹ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? «Избранные труды», с. 96.

⁶² Там же, с. 74.

указывает, что они основываются на двух вещах: на противопоставлении «формы» «значению» и на рассмотрении значения как некоего единого и однородного явления, без расчленения на различные составляющие его элементы. «Мне кажется, — замечает по этому поводу Пешковский, — что такое сбивчивое употребление слов «форма» и «значение», хотя, конечно, и не всегда отражает на себе сбивчивость мысли пишущих, однако всегда производит полную путаницу в умах читающих»⁶³.

Развивая и подробно аргументируя тезис Фортунатова о различных типах значения слова и отмечая трудности изучения его структуры, ученый пишет: «Грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается нецельным, разложенным, расщепленным на отдельные элементы, которые по аналогии с материальным миром и с соответствующими звуковыми отрезками слова приходится назвать «частями значения слова»⁶⁴.

Однако, подчеркивая, что слово «по значению не едино», что оно представляет собою «конгломерат многих и даже разнородных значений», Пешковский вместе с тем отмечает: «Но конгломерат этот — интегрально-дифференциальный. Это не простое множество, не простая сумма слагаемых, а множество в единстве, или, вернее, единство во множестве. Все грамматические части слова связаны между собой и по звукам и по значению теснейшим образом... Ис известной точки зрения, тоже совершенно научной (так называемой «лексической», а не «грамматической»), мы вправе говорить о едином значении слова»⁶⁵.

Положение о расщеплении значения приложимо и к словосочетанию. «Словосочетание — тоже единство и тоже интегрально-дифференциальное. Нет такого словосочетания, которое составляло бы простую сумму входящих в него слов и значений»⁶⁶. Однако оно обладает рядом особенностей (возможность ритмико-мелодических построений в словосочетании, возможность перестановки в нем элементов, отсутствие вращающихся элементов друг в друга, характерное для слова во флективных языках).

Из последовательно проведенного анализа значений и выделения в слове и словосочетании основных и формальных

⁶³ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность..., с. 75.

⁶⁴ Там же, с. 76.

⁶⁵ Там же, с. 77—78.

⁶⁶ Там же, с. 88.

принадлежностей вытекает и само определение грамматики, которая, по Пешковскому, есть «учение о «формальных принадлежностях слов и словосочетаний и их взаимоотношениях между собой и с материальными принадлежностями тех же слов и словосочетаний», тогда как семасиология «определится как учение о значениях материальных принадлежностей слов и словосочетаний, и о значениях целых слов и словосочетаний, поскольку в них не различаются материальные и формальные принадлежности»⁶⁷. Отсюда следует вывод ученого о том, что «смысловая сторона речи не только не может быть изгнана из грамматики, но даже, напротив, составляет как раз ее сущность»⁶⁸.

А. И. Белов, рассматривая эту статью под углом понимания в ней формального значения, приходит к выводу, что здесь «основанием для констатирования формального (грамматического) значения являются морфологические и синтаксические особенности в их совокупности. Но это по существу уже не фортуноватская линия, а линия Шахматова. В известной мере тут сказалось и влияние Потебни (в смысле синтаксического подхода к языковым фактам»⁶⁹). Нам представляется, что тут надо говорить не о «смене линий», а о дальнейшем развитии (в известной степени, питаемом знакомством со взглядами А. А. Шахматова и продолжением изучения взглядов А. А. Потебни) тех мыслей, которые были высказаны Пешковским уже в предыдущие годы (см. выше, в частности, его высказывание о том, что «синтаксические формальные значения отдельных слов существуют только в значении всего словосочетания и могут быть поняты только из него»).

В рассматриваемой статье наше внимание привлекает то обстоятельство, что в ней при общей опоре на идеи Фортунатова высказываются и отдельные критические замечания в его адрес. Так, автор считает здесь, что «в определении грамматики Фортунатов сдвигал понятие формы несколько в другую сторону, конкретизировал его, приближая к понятию «слова, имеющего форму»⁷⁰. И замечая далее, что «понимание формы как «способности» при конкретном применении вызывает немало затруднений»⁷¹, Пешковский пи-

⁶⁷ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность..., с. 94.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ А. И. Белов. Указ. соч., с. 75.

⁷⁰ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность..., с. 85.

⁷¹ Там же, с. 85—86. Ср. высказывание С. И. Карцевского: «Нам всегда как-то режет ухо отождествление понятий «форма» и «свойство»; с первым

шет: «Думаю, что грамматика, как и другие отделы языковедения, не есть наука о «способностях» слов, а есть наука об определенных языковых фактах... А факты эти, конечно, суть проявления соответствующей общей способности слов, вернее, нашей способности сознавать их»⁷². В связи с этим, критикуя тех ученых, которые «склонны вести счет формам по звуковым элементам и тем принижать элемент значения», он отмечает: «Зародыши такого сдвига понятия формы можно найти уже у самого Фортунатова, и одним из таких зародышей я считаю непригнанность определения грамматики к определению формы»⁷³ (хотя «ультраформализм» по-прежнему расценивается Пешковским как «отклонение от первоначального понимания сущности формального направления»)⁷⁴.

Что же касается «синтаксического подхода к языковым явлениям», о котором упомянул А. И. Белов, то оно, на наш взгляд, ярко проявляется в том, что различие между материальными (основными) и формальными (добавочными) принадлежностями Пешковский определяет как «различие, по существу, — чисто синтаксическое (в широком смысле слова)» и отмечает возможность «слово, имеющее форму, приравнять к предложению» ибо «принципиального различия тут нет, так как и слово и предложение суть интегрально-дифференциальные единства, и разница между ними только в степени сложности и способах сложения»⁷⁵. Впрочем, следует иметь в виду, что наряду с вопросом взаимоотношения между морфологией и синтаксисом, Пешковский в этот же период разрабатывал и учение Соссюра о парадигматических и синтагматических отношениях в языке.

Подробнее мы будем говорить об этом, а пока отметим, что в недавно опубликованной статье Н. А. Слюсаревой отмечается, что и в этой работе «А. М. Пешковский четко обрисовывает синтагматические и парадигматические отношения единиц грамматической системы языка, единиц, выделяемых осмысленно с их особым, только им одним присущим значением» и что рассуждения его «показывают, на-

у нас неизбежно связывается представление о чем-то пассивном, со вторым — об активности» (И. С. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, примеч. на с. 42).

⁷² А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность..., с. 86.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, с. 75.

⁷⁵ Там же, с. 87.

сколько глубоко осознавал ученый самую суть взаимоотношений единиц системы языка»⁷⁶.

Мысли, высказанные Пешковским в этой и некоторых других работах 20-х годов, получили дальнейшее развитие и оформление в третьем издании «Русского синтаксиса в научном освещении» (1928).

Мы уже упоминали во введении, что в критической литературе о Пешковском нет единого мнения о том, куда отнести эту книгу. Считать ли ее, по-прежнему, за проведение (хотя и сильно видоизмененное) «линии Фортунатова» в синтаксическом исследовании, утверждать ли, что в ней «совершенно отчетливо обозначена как господствующая синтаксическая точка зрения Потебни»⁷⁷ с сильным шахматовским добавлением, или, напротив, видеть в ней шахматовское влияние с потебнианским оттенком? Или же просто определить работу Пешковского как эклектическую смесь идей Фортунатова, Потебни и Шахматова (плюс вдобавок взгляды «буржуазных западноевропейских лингвистов» (по терминологии, некогда бытовавшей в отдельных работах): Бругмана, Дельбрюка, Риса, Соссюра и др.)?

Нам думается, что эти споры, равно как и дискуссии о том, вполне или не вполне преодолел ее автор формализм, и если вполне, то благодаря чьему влиянию — носят в значительной степени схоластический характер. Нельзя рассматривать одного из наиболее интересных и видных представителей русской лингвистической мысли просто как точку приложения взаимопротивоположных взглядов, как некий флюгер, поворачивавшийся туда, куда дул очередной синтаксический «ветер» (мы уже не говорим о том, что многие из этих «ветров», как например работа А. А. Шахматова, появились уже после того, как Пешковский выступил со своей первой книгой и в значительной степени опирались и на те идеи, которые высказал в ней ученый). Ведь хорошо известен тот факт, что, приступая к работе над «Синтаксисом русского языка», А. А. Шахматов прежде всего счел необходимым зафиксировать свои соображения по поводу книги Пешковского⁷⁸ (хотя созданная им концепция во многом отличалась от той, которая имелась в I издании «Русского синтакси-

⁷⁶ Н. А. С л ю с а р е в а. Дискуссия о формальной грамматике (Из истории советского языкознания), журн. «Филологические науки», 1975, № 6, с. 83—84.

⁷⁷ А. И. Б е л о в. Указ. соч., с. 33.

⁷⁸ С. И. Б е р н ш т е й н. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 8.

са») и дал ей высокую оценку, а последовательный противник «формализма» Л. В. Щерба говорил: «Из новой литературы я более всего обязан книге Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком»⁷⁹. И говоря об эволюции взглядов ученого, на наш взгляд, нужно в первую очередь обращать внимание на то обстоятельство, что, говоря его же собственными словами из предисловия к третьему изданию «Русского синтаксиса», несмотря на все изменения «тема..., общие лингвистические принципы, методы и основные устремления... остались те же»⁸⁰. И для успешного выполнения той задачи, которую Пешковский поставил перед собой, он считал необходимым не замыкаться в тесных пределах одного (хотя бы и очень авторитетного) направления, а учитывать то, что делалось учеными, стоящими вне его. Именно это побудило его обратиться к трудам Потевни и Шахматова.

Именно это продиктовало одному из крупнейших представителей «формальной грамматики», отдавшему много времени ее обоснованию и разработке, слова о том, что «формализм..., в смысле движения, исходящего от Фортунатова, не смеет отождествляться с наукой в полном ее объеме»⁸¹. Именно это заставило Пешковского вести в 20-х годах научный поиск в нескольких направлениях: наряду с уточнением и углублением прежних взглядов выдвигать новый оригинальный подход к выделению основных единиц грамматики.

Так что если труды А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, равно как и знакомство с книгой Соссюра, оказали большое влияние на формирование синтаксической концепции, изложенной в третьем издании «Русского синтаксиса», то произошло это потому, что они во многом перекликались с идеями и исканиями Пешковского, в первую очередь, с его мыслью о необходимости рассматривать форму и значение во взаимосвязи и о невозможности для грамматики игнорировать значимую сторону языка.

Нам представляется, что именно это обстоятельство обусловило положительное отношение Пешковского к шахматовскому учению о грамматической категории. Поскольку, как мы видели, он на протяжении всей своей научной дея-

⁷⁹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система..., с. 78 (примеч.).

⁸⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. 7, с. 9.

⁸¹ А. М. Пешковский. Вопросы изучения языка в семилетке. «Избранные труды», с. 227.

тельности стремился, говоря словами Р. О. Якобсона, «поддерживать семантическую характеристику грамматических форм»⁸², поскольку он вполне естественно решил использовать в своей работе такое понятие, как «ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий хотя бы в части составляющих его форм собственную звуковую характеристику»⁸³, как определяется им грамматическая категория. С другой стороны, не хотел ученый отказываться и от основных положений фортунаатовской школы, важнейшими особенностями которой, по характеристике Ф. М. Березина, были «выявление формы слова и словосочетания из соотнесенности членов грамматической парадигмы, указание на необходимость принимать во внимание существующие в языке отношения, понятие нулевой флексии»...⁸⁴ Поэтому основные определения первого издания — **«форма слова есть особое свойство его, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основную и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой»**⁸⁵ и формы словосочетания (к трем признакам которого — бесформенным словам, интонации и ритму, порядку слов — добавлен еще четвертый — характер связи между словами) — почти полностью повторены и в последнем. Даже те ученые, которые считают, что в третьем издании «Русского синтаксиса» имеются лишь «обломки фортунаатовской системы», отмечают, что «следы влияния Фортунатова очень сильны... в определении формы»⁸⁶ и что понятие формы словосочетания в последнем издании «Русского синтаксиса» хотя и «разработано детальнее, чем в предшествующих, но по существу остается в обеих концепциях почти неизменным»⁸⁷ (хотя при этом порой делаются оговорки, что «это определение фактически в системе синтаксиса Пешковского не реализовано»⁸⁸).

Можно, разумеется, считать путь, по которому пошел в этой работе Пешковский, неверным. Однако вряд ли справедливы утверждения В. В. Виноградова о том, что «семан-

⁸² Р. Якобсон. Beitrag..., с. 24.

⁸³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 27.

⁸⁴ Ф. М. Березин. Русское теоретическое языкознание в Академии наук. ВЯ, № 3, 1974, с. 22.

⁸⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 16.

⁸⁶ С. И. Абакумов. Указ. соч., с. 177.

⁸⁷ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 23.

⁸⁸ С. И. Абакумов. Указ. соч., с. 177.

тические характеристики основных грамматических категорий у Пешковского представляются оторванными от формального базиса его грамматической системы. Они кажутся взятыми напрокат у Потебни, Овсяннико-Куликовского и Шахматова»⁸⁹. Не говоря уже о том, что автору вряд ли нужно было «брать напрокат» идеи, на которых в значительной степени, по утверждению самого же В. В. Виноградова, он основывался, нам думается, что нельзя рассматривать обращение к значению как внешний факт, вызванный теми или иными воздействиями. Даже краткое знакомство с деятельностью Пешковского убеждает нас в том, что он всегда стремился поставить значимую сторону языка в центр лингвистического анализа. Именно этим была вызвана его полемика с ультраформалистами. Именно этим обуславливался признаваемый почти всеми критиками все более и более сильный упор на «собственно-синтаксическую точку зрения», который сказался и в том, что Пешковский «ставит... форму отдельного слова в зависимое положение от формы словосочетания»⁹⁰; и в том, что в работах А. М. Пешковского начинает все громче звучать положение о том, что фортуна-товская концепция «полностью игнорирует собственно-синтаксическую точку зрения на язык»⁹¹ и не учитывает того, что «абсолютно-несинтаксических категорий в языке не существует»⁹²; и даже в самом пресловутом его «эkleктизме». И если это ему и не удалось последовательно осуществить — то, в первую очередь, в силу огромной сложности самой задачи.

На этом можно было бы закончить наш разговор о том, как понимал ученый проблему значения и формы. Однако, на наш взгляд, можно отметить одно небезынтересное обстоятельство. В одной из своих статей А. М. Пешковский говорит о том, что «спор между «формалистами» и «ультраформалистами» есть, так сказать, «домашний», чисто русский спор, который был бы совершенно непонятен европейским лингвистам. Он объясняется исключительно местными историческими условиями: огромностью влияния в русской науке основоположника «формального» направления Ф. Ф. Фортунатова, недоговоренностью некоторых его по-

⁸⁹ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 81—82.

⁹⁰ Там же, с. 78.

⁹¹ А. М. Пешковский. Еще к вопросу о предмете синтаксиса. «Русский язык в советской школе», № 2, 1929, с. 51.

⁹² А. М. Пешковский. О грамматическом разборе. «Избранные труды», с. 239.

ложений, намеренно заостренным противопоставлением их положениям школьной грамматики и т. д.»⁹³.

Действительно, в дискуссии этой было много специфического, обусловленного, в первую очередь, тем, что велась она в связи с конкретной задачей создания научной описательной грамматики именно русского языка. Но главный предмет этого спора — о месте и роли значения в языкознании — далеко выходит за пределы и национальных рамок, и времени его, и той конкретной почвы, на которой он возник. И примечательно, что впоследствии вопрос о месте значения в языковедческом анализе оживленно дебатировался в направлении, территориально весьма отделенном от русского «формализма» — в американской дескриптивной лингвистике.

Конечно, всякая аналогия — дело весьма опасное, могущее повлечь за собой забвение специфических особенностей того или иного явления, стремление к поверхностным сопоставлениям, игнорирование нового, с одной стороны, и модернизацию прошлого, — с другой. Тем более сильна эта опасность, когда мы сопоставляем явления, никак не связанные генетически, развивавшиеся совершенно независимо друг от друга и опирающиеся на абсолютно различный материал (а именно так обстоит дело при сравнении русского «формализма» с американским дескриптивизмом). И все-таки, нам кажется, что при соблюдении должной осторожности определенные параллели могут быть проведены.

Во-первых, как нам кажется, соблюдая все необходимые оговорки, можно найти известное сходство между ролью, сыгранной А. А. Потебней и Ф. Ф. Фортунатовым в развитии русского языкознания и значением Э. Сепира и Л. Блумфилда для американской лингвистики.

А. А. Потебня, как известно, ставил ряд вопросов о взаимоотношении языка и мышления, языка и творчества, продолжал разработку гумбольдтовской «внутренней формы» языка. Э. Сепир также уделял важное внимание вопросам, связанным с ролью языка в мышлении и поведении человека. Не случайно во многом опирающаяся на его идеи теория лингвистической относительности перекликается с мыслями Гумбольдта.

С другой стороны, Ф. Ф. Фортунатов вошел в историю грамматической мысли как автор теории, стремившейся к формализации лингвистической науки, поставивший вопрос

⁹³ А. М. Пешковский. Вопросы изучения языка в семилетке, с. 227.

с четких формальных критериях в определении языковых фактов. Это обстоятельство, в известной мере, приближает его к Л. Блумфилду.

Во-вторых, труды основателя формальной школы, с одной стороны, и дескриптивной лингвистики — с другой, содержат зародыши различной интерпретации взглядов на значение и его функцию. У Ф. Ф. Фортунатова, наряду с самим определением формы через посредство и на основе значения, есть и тенденция трактовать форму с чисто внешней стороны. У Л. Блумфилда, рядом с утверждениями об иррелевантности значения для лингвистики, встречается не только использование, но и теоретический анализ его.

В-третьих, аргументы, которыми пользовались ультраформалисты и ортодоксальные блумфилдианцы, с одной стороны, и формалисты и умеренные блумфилдианцы, — с другой, весьма часто очень схожи. В этой связи интересно отметить, что если А. М. Пешковский использовал для доказательства важности значения для грамматики расщепление значения на материальное и формальное, данное в трудах Фортунатова, то Ч. Фриз прибегает для этой цели к встречающемуся в трудах Блумфилда расщеплению значения с точки зрения процесса коммуникации, цитируя следующее высказывание Блумфилда: «Термин «значение», который используется всеми лингвистами, является неизбежно многообъемлющим, поскольку он должен охватывать все стороны семантического содержания (*semiosis*), которые можно установить благодаря философскому или логическому анализу: отношение на различных уровнях речевых форм к другим речевым формам, отношение речевых форм к языковым ситуациям (предметы, явления и т. д.) и отношения, опять на различных уровнях, к лицам, принимающим участие в процессе общения»⁹⁴. Хотя подход Блумфилда к значению совершенно иной, чем тот, который имелся в Фортунатовской традиции⁹⁵, Фриз использует его с той же целью, что и Пешковский: для доказательства, что ученый, столь тщательно анализирующий типы значений, не мог быть сторонником его элиминации. С другой стороны, противники значения как в России, так и в Америке, утверждали, что именно они последовательно проводят линию своих предшественников и что обращение к значению — это отход от научности.

В-четвертых, как последователи Фортунатова, так и

⁹⁴ Ч. Ф р и з. Школа Блумфилда. НЛ, выпуск 4, М., 1965, с. 270.

⁹⁵ К ней более близок в отдельных чертах подход Э. Сепира.

последователи Блумфилда, стремившиеся обойтись без значения, достигли в грамматике определенного успеха лишь в морфологии (ср. известную характеристику фортунаатовской школы как проникнутой «морфологизмом» в русской лингвистической литературе и определение классической дескриптивной модели как морфологической в трудах по американскому дескриптивизму)⁹⁶. Не случайно, видимо, что именно на почве синтаксиса началась критика «ультраформалистского» в России и ортодоксально-блумфилдианского в США направлений и стремление по-новому подойти к грамматике, основываясь именно на синтаксическом аспекте (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский — с одной стороны, Н. Хомский, — с другой).

Таким образом, борьба Пешковского с ультраформализмом и постоянная защита им тезиса: смысловая сторона языка должна постоянно находиться в центре внимания лингвиста — интересна не только для истории русской грамматической мысли. Она представляет определенный интерес и с точки зрения общего языкознания, так как в некоторых чертах предшествовала той полемике о роли значения в лингвистическом исследовании, которая оказала большое влияние на развитие науки о языке уже в последующие годы.

Коротко подведем итоги сказанному.

1. Исходным пунктом взглядов Пешковского на проблему формы и значения послужила теория Ф. Ф. Фортунатова о форме слова и форме словосочетания. В отличие от тех последователей Фортунатова, которые сводили форму исключительно к ее внешнему выражению, Пешковский уже в ранних трудах рассматривал ее в тесной связи со значением, используя при этом и традиции А. А. Потебни.

2. А. М. Пешковский уделял особое внимание положению о расцепленности значения, развивая его в ряде своих работ. На признании необходимости дифференцировать значение строил он свои взгляды о различии между семасиологией и грамматикой. Вместе с тем Пешковский подчеркивал взаимосвязь и взаимообусловленность типов значения (материального и формального), указывая, что с точки зрения лексической значение едино.

3. Занимаясь проблемами синтаксиса, Пешковский уже в начале своей деятельности уделил большое внимание тези-

⁹⁶ См. например: Н. Д. А р у т ю н о в а, Г. А. К л и м о в, Е. С. К у б р я к о в а. Американский дескриптивизм. В кн.: «Основные направления структурализма», М., 1964, с. 242.

су о наличии синтаксических и несинтаксических форм и подчеркивал, что полностью синтаксические формы могут проявиться только в речи. В дальнейшем, с усилением во взглядах ученого синтаксической точки зрения (в противовес морфологизму некоторых ученых Московской школы), он приходит к выводу об отсутствии в языке абсолютно несинтаксических категорий.

4. В борьбе против «ультраформалистов», стремившихся к элиминации значения из грамматики, Пешковский, с одной стороны, опирался на те стороны фортуатовского учения, которые говорили о необходимости тщательного анализа значения и учета его при построении грамматической концепции, а с другой стороны, использовал труды, написанные с позиций, отличавшихся от формального направления. При этом надо иметь в виду, что их авторы (Л. В. Щерба, А. А. Шахматов) потому и смогли оказать на Пешковского определенное влияние, что их идеи во многом перекликались с научными поисками самого ученого и в определенной степени питались и его мыслями.

5. Полемика с «ультраформалистами», которые также опирались на традиции Фортунатова, постепенно привела Пешковского к критике отдельных положений системы Фортунатова. Вместе с тем ученый всегда считал Фортунатова выдающимся лингвистом, оказавшим огромное влияние на русскую лингвистическую мысль, и сохранил при переработке «Русского синтаксиса» основные положения фортуатовского учения о форме (хотя параллельно им разрабатывалась и иная концепция подхода к грамматике).

6. Дискуссии в русской научной и педагогической литературе о месте значения и его роли в грамматике, несмотря на всю свою специфичность и своеобразие, имеют определенное значение и для общего языкознания в целом, во многих направлениях которого впоследствии эта проблема стала центральной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПЦИИ А. М. ПЕШКОВСКОГО

В предыдущей главе, говоря о взглядах Пешковского на форму и значение, мы коснулись таких важных понятий любой грамматической системы, как форма слова, форма словосочетания, материальное значение, формальное значение, грамматическая категория и т. д. В данной главе мы, во-первых, более подробно остановимся на таких понятиях, как «слово», «грамматическая категория», а, во-вторых, рассмотрим, как сказались общеграмматические воззрения ученого в подходе его к двум проблемам, которые издавна считались важнейшими для традиционных разделов грамматики — морфологии и синтаксиса: проблемам частей речи и членов предложения.

Та классификация частей речи, которая представлена в школьных учебниках всех европейских языков, вызывала критику почти у всех лингвистов XIX века. Однако большинство из них относились к ней так же, как Г. Пауль, заметивший по этому поводу: «Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков. Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определенному классу, нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной»¹.

Такого рода «грамматический нигилизм», как отметил Л. В. Щерба, тесно связан с общей недооценкой роли грамматики в сравнительно-историческом языкознании прошлого века². В 20-х годах нашего столетия Г. О. Винокур писал, что языкознание, погрузившись целиком в исторические изыскания, «тем самым перестало быть грамматикой в собственном смысле слова» и поставил вопрос: «Откуда же при таких условиях могла школьная грамматика, утилитарная, практи-

¹ Г. Пауль. Принципы истории языка, с. 415.

² Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система..., с. 49.

ческая по преимуществу, черпать теоретические основания для своих учений?»³ И хотя огромный разрыв между лингвистикой и школьной грамматикой видели и отмечали почти все, попытку систематического «онаучивания» грамматики в широких масштабах начали лишь представители Московской школы. И естественно, что первоочередное их внимание привлекло «сердце» школьной грамматики — учение о частях речи. Подвергнув его уничтожающей критике, последователи Фортунатова выдвинули тезис: «...Различие между частями речи как грамматическими классами слов может быть основано только на образовании форм»⁴ — и попытались применить к русскому языку классификацию своего учителя, покоящуюся на его учении о форме. Коротко она сводится к следующему.

Все слова, в первую очередь, делятся на имеющие и не имеющие формы. Так выделяются классы с формами словоизменения и без них. Далее по типам форм выделяют слова спрягаемые (глаголы), слова склоняемые (существительные) и прилагательные склоняемые слова. С учетом семантики группу существительных делят на три подгруппы, а группу прилагательных — на четыре: слова — названия, слова — местоимения, причастия и числительные. Среди слов, лишенных форм словоизменения, различают слова с формами словообразования и слова без них.

Эта классификация, весьма последовательная с логической точки зрения, была впоследствии высоко оценена структуралистами. Так, Ю. Д. Апресян во второй половине 60-х годов писал: «Общие принципы этой замечательной для своего времени классификации оказались настолько жизнеспособными, что почти 50 лет спустя использовались без существенных изменений во многих работах по структурной лингвистике»⁵. Примечательно, что Ю. Д. Апресян ссылается при этом именно на труды представителей американского структурализма — книгу Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику» и работу Б. Блока и Дж. Трейгера «Очерк по лингвистическому анализу» (B. Bloch and J. Trager. *Outline of linguistic Analysis*. Baltimore, 1942). Это опять-таки свидетельствует об известном параллелизме между русским формализмом и американским дескриптивизмом.

По-иному оценивали эту классификацию (и ряд других,

³ Г. О. Винокур. Культура языка, с. 42.

⁴ В. К. Поржезинский. Введение в языковедение, с. 20.

⁵ Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, с. 18.

строившихся на ее основе) противники формального направления. Они также не отрицали ее последовательности, однако считали, что она игнорирует внутреннюю сторону языка и поэтому, при всей своей строгой логичности, нерелевантна для грамматики.

Обратимся теперь к основным синтаксическим понятиям в концепции Ф. Ф. Fortunatova. Мы уже видели выше, что центральным пунктом синтаксиса было для него учение о словосочетании, разновидностью которых он считал предложения.

«Среди грамматических словосочетаний, употребляющихся в полных предложениях в речи, — говорил Fortunatov на съезде преподавателей русского языка в 1904 г., — господствующими являются в русском языке те именно словосочетания, которые мы вправе назвать грамматическими предложениями, так как они заключают в себе как части грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Грамматическое подлежащее в словосочетании определяется отношением к данному слову грамматического сказуемого, т. е. грамматическим подлежащим является слово, с которым соединяется, к которому относится в словосочетании грамматическое сказуемое, а грамматическое сказуемое — такое слово или такое соединение слов, в котором формой языка обозначен данный предмет мысли в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом»⁶.

Имеется в концепции Fortunatova и упоминание о традиционных второстепенных членах предложения: дополнении, определении, обстоятельстве. «Дополнением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли в части предложения; определением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности к другому самостоятельному предмету мысли в части предложения; обстоятельством называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому несамостоятельному предмету мысли в части предложения, т. е. обстоятельство обозначает в данном предмете мысли признак признака»⁷.

⁶ Ф. Ф. Fortunatov. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. «Избранные труды», т. II, с. 454.

⁷ Ф. Ф. Fortunatov. Сравнительное языковедение, с. 184.

С. И. Бернштейн отмечает в связи с этим, что Фортунатов «в определение главных членов предложения ввел признак синтаксический, а второстепенные члены классифицировал только «по значению»⁸. Само же предложение в понимании Фортунатова, как указывает В. В. Виноградов, «было в основном семантико-психологической категорией»⁹.

Обратимся к воззрениям А. М. Пешковского. В первом издании «Русского синтаксиса» автор следует в классификации частей речи принципам фортунатовской школы. «...Морфологической классификации слов, — писал он, — мы должны искать у Ф. Ф. Фортунатова»¹⁰.

«Прежде всего спросим себя, — пишет он, — какие разряды вообще возможны здесь? По каким признакам будем мы устанавливать те или другие разряды? Так как речь идет о делении слов по их формам, а формы имеются далеко не у всех слов, то все слова языка, очевидно, должны распасться прежде всего на слова, **имеющие форму**, и слова, **не имеющие формы**. Далее, так как самые формы слов распадаются на 2 основных, существенно различных разряда (формы синтаксические и несинтаксические), то очевидно и форменные слова должны разбиться на те же основные разряды: слов с **синтаксическими формами** и слов с **несинтаксическими формами**. А так как в одном и том же слове одни формы могут быть синтаксическими, а другие — несинтаксическими, то возможен и третий разряд слов, **имеющих и те и другие формы**. Наконец, в каждом из этих основных разрядов могут быть установлены дальнейшие подразделения уже по тем или иным **отдельным формам**, характерным для той или иной группы слов, причем в словах с синтаксическими формами главные разряды должны определиться, конечно, по их синтаксическим формам, как по важнейшим»¹¹.

Слова с синтаксическими формами подразделяются Пешковским на спрягаемые (глаголы), имеющие синтаксические формы лица, числа, времени и наклонения, а также несинтаксические формы залога и вида, и склоняемые (имена), обладающие синтаксической формой падежа, а в некоторых случаях — и формами числа и рода. Имена делятся на существительные и прилагательные, среди последних, в свою оче-

⁸ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 34.

⁹ В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 390.

¹⁰ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 79.

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 33.

редь, различаются слова, имеющие глагольные формы времени, залога и вида (глагольные прилагательные, или причастия). Слова с несинтаксическими формами подразделяются на три группы: наречие с формами времени, залога и вида и инфинитив, обладающий формами залога и вида и специальной формой инфинитива.

«Применяя термин «часть речи» к мельчайшим делениям нашей схемы, — пишет Пешковский, — и откидывая группу бесформенных слов как чисто отрицательную, мы получим следующие семь частей речи в русском языке:

- 1) глагол
- 2) существительное
- 3) прилагательное
- 4) причастие
- 5) наречие
- 6) деепричастие
- 7) инфинитив»¹²

Автор подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность частей речи, утверждая, что «формы частей речи создаются всеми другими формами»¹³.

Эта классификация, естественно, не могла вызвать особых возражений даже со стороны ультраформалистов, хотя М. Н. Петерсон счел необходимым заметить: «...Только жаль, что в основу этой классификации положены два основания (и формы словоизменения, и формы словообразования), а не одно (формы словоизменения). Это делает классификацию непоследовательной: глагол, существительное и прилагательное не соотносительны с причастием, наречием, деепричастием и инфинитивом»¹⁴. Интересно, что считавший себя ортодоксальным сторонником формального направления Е. Ф. Будде свою критику системы Пешковского основал на том, что «отношение такой классификации к учению *Потебни* довольно отдаленное», и на этом основании обвинил автора «Русского синтаксиса» в том, что им «устраивается *прокрустово ложе* для частей речи»¹⁵. В этой связи любопытно отметить, что П. А. Бузук, резко возражавший против того, что Потебню «совершенно неосновательно провозгласили у нас родоначальником чистого формализма»¹⁶ (а как мы видели

¹² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 35.

¹³ Там же, с. 36.

¹⁴ М. Н. Петерсон. Рецензия на II издание «Русского синтаксиса», с. 231.

¹⁵ Е. Ф. Будде. Вопросы методологии русского языкознания, с. 94.

¹⁶ П. А. Бузук. Основные вопросы языкознания. М., 1924, с. 105.

выше, Е. Ф. Будде грешил именно этим) и выступавший против формального направления (точнее, за сочетание формально-грамматического принципа с семасиолого-психологическим) в споре Будде с Пешковским поддержал именно Будде за то, что у него определения выдержаны в более синтаксическом духе! И вместе с тем П. А. Бузук говорит о сочетании в «Русском синтаксисе» «формального и семасиологического», мотивируя это как раз тем, «что в своих определениях Пешковский почти всецело следует Потебне»¹⁷.

Действительно, Пешковский не ограничился приведенной выше формальной классификацией. В связи с всегда присущим ему стремлением рассматривать внешнюю сторону языка в неразрывной связи с внутренней, ученый дал каждой части речи и семантическую характеристику, указав, что:

1) форма **глагола** выражает признак, создаваемый деятельностью предмета;

2) форма **прилагательного** выражает признак, заключенный в природе предмета;

3) форма **существительного** выражает предмет;

4) форма **причастия** выражает признак, создаваемый деятельностью предмета, но в то же самое время заложенный в природе его;

5) форма **наречия** выражает признак признака предмета;

6) форма **деепричастия** выражает признак, создаваемый деятельностью предмета, но приписанный не предмету, а его глагольному признаку;

7) форма **инфинитива** выражает признак, создаваемый деятельностью предмета, но без отношения к самому предмету»¹⁸.

В этих характеристиках, по собственному указанию Пешковского, он опирался на труды А. А. Потебни и Д. Н. Овсяннико-Куликовского¹⁹. К этому можно добавить, что последователь и биограф Потебни Т. И. Райнов охарактеризовал «Русский синтаксис» (речь идет о первом издании) как «основанный на идеях Потебни и представляющий попытку их школьного изложения»²⁰. При всей неполноте и односторонности такой характеристики она звучит весьма любопытно в свете приведенных выше обвинений Е. Ф. Будде...

Специально остановился Пешковский на инфинитиве. От-

¹⁷ Там же.

¹⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, с. 69.

¹⁹ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 81—82.

²⁰ Т. И. Райнов. Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924, с. 15.

метив, что эта часть речи впервые выделяется в самостоятельную категорию и указав на терминологические трудности, связанные с этим, он пишет: «...Я стараюсь выделить инфинитив, как особую словообразовательную форму, как особый способ представления, совершенно самостоятельный по отношению и к глаголу и к имени, и заключающийся, коротко говоря, в формальном представлении действия без деятеля, при чем оба эти элемента одинаково важны, значение это должно быть осознано и выделено, по моему мнению, в его полной своеобразности и полной языковой иррациональности (ведь вне языка действие без деятеля не может быть мыслимо)»²¹.

Характеризуя эту классификацию, Пешковский писал: «Хотя формы частей речи и имеют огромное синтаксическое значение и рассматриваются обычно в синтаксисе, но все-таки, по существу, это словообразовательные формы, вносящие каждая свой особый оттенок в вещественное значение слова»²².

Рассмотрим теперь собственно-синтаксические разряды слов в ранней концепции Пешковского. «Так как при строго морфологической классификации слов, — пишет он, — частичные слова ускользают от определения, попадая в разряд бесформенных слов, то, очевидно, классификация членов предложения должна начаться с основного деления слов на полные и частичные. Первые будут полными или знаменательными членами предложения, вторые — служебными членами предложения»²³.

В качестве критерия различения знаменательных членов предложения Пешковский выдвигает, во-первых, логико-психологические отношения и, во-вторых, понятие синтаксического подчинения. С первой точки зрения «подлежащее и сказуемое суть грамматические коррелятивы таких элементов мысли, которые различимы и вне языка, и, как таковые, они должны быть отличаемы от других членов, различаемых только в языке»²⁴. Вторая точка зрения исходит из того, что формальным признаком соотношения обладает лишь одно из двух соотносящихся слов. «Следовательно, один из соотносящихся элементов всегда самостоятелен, а другой к нему относится, т. е. по отношению к нему несамостоятелен. Само собой разумеется, что элемент, самостоятельный по отноше-

²¹ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 82.

²² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 38.

²³ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 84.

²⁴ Там же, с. 85.

нию к одному из элементов, может быть в то же самое время несамостоятельным по отношению к другому. Поэтому *абсолютно* самостоятельным является в предложении только *подлежащее*, лишенное вообще синтаксических форм. Однако и несамостоятельность сказуемого, в силу его психологического значения, чрезвычайно слаба, что выражается и многими грамматическими признаками (опущение подлежащего, безличность, согласование по смыслу). Все остальные члены являются уже в полной мере несамостоятельными и, с этой точки зрения, могут быть выделены как второстепенные. Таким образом, и с этой точки зрения мы приходим к тому же результату: подлежащее и сказуемое — главные члены, остальные второстепенные»²⁵.

Сама сущность мысли, согласно автору, заключена в сказуемом, из которого вытекает значение подлежащего как предмета, создающего действием признак, выраженный сказуемым. Среди второстепенных членов различаются дополнение («форма, изображающая предмет в его отношениях к другому предмету или признаку предмета»), определение («имя, согласующееся с другим именем предложения и выражающее при помощи этого согласования признак, заложенный в природе предмета»), обстоятельство («слово, обозначающее признак признака в предложении») и второстепенное сказуемое²⁶.

Последнему понятию ученый посвятил довольно много места как в своем «Синтаксисе», так и в статье «Синтаксис в школе». Отмечая, во-первых, его определенную неудачность, а, во-вторых, то обстоятельство, что «инфинитив не изменяет своего основного значения ни при каких условиях и ни при какой синтаксической обстановке»²⁷, Пешковский говорит о второстепенном сказуемом: «Как термин оно, собственно, далеко не безупречно. И тем не менее мы, за неимением лучшего, решили остановиться хотя бы на нем, так как считаем, что какой-нибудь синтаксический термин на сущно необходим. Для науки конечно достаточно одного термина («инфинитив»), потому что синтаксические функции всякой формы можно изучить и без соответствующего синтаксического термина. Но для школы и популяризации повторение морфологических терминов в синтаксисе было бы крайне нежелательно, раз уже вообще существует двойка терминология»²⁸. Иначе создается опасность того, что «меняя одни тер-

²⁵ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 85.

²⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 115—118.

²⁷ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 89.

²⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 185—186.

мины при переходе от морфологического разбора к синтаксическому и не меняя других, мы внесем путаницу в представления учеников, не говоря уже о том, что термин «инфинитив» среди остальных членов предложения будет звучать дико: те все, как-никак, указывают на внутреннюю сторону предложения (удачно ли — это другой вопрос), а этот один будет безотносителен со всеми другими»²⁹.

В «Русском синтаксисе» Пешковский, как отметил С. И. Бернштейн, «привел классификацию членов предложения в строгое соответствие с классификацией частей речи и системой грамматических форм»³⁰, результатом чего явилась следующая схема, данная после рассмотрения синтаксических типов связи: согласования, управления и примыкания:

Сказуемое — **согласуемый глагол.**

Подлежащее — **несогласуемое, неуправляемое и непримыкающее имя.**

Дополнение — **управляемое или примыкающее имя.**

Определение — **согласуемое имя.**

Обстоятельство — **наречие.**

Второстеп. сказ. — **инфинитив»**³¹.

Эта схема подводит нас (да и самого автора) к вопросу: нужна ли вообще двойная классификация одних и тех же фактов, коль скоро они получают в конечном итоге одинаковое истолкование?

Этот вопрос оживленно дебатировался в русской литературе по синтаксису.

А. А. Потебня, по мнению ряда исследователей, прямо отождествил члены предложения с частями речи³². В. В. Виноградов, рассматривая синтаксическую концепцию А. В. Добиаша, указывает на «стремление А. В. Добиаша обойтись... без понятия «членов предложения» с одними «частями речи»³³. В начале XX в. Д. Н. Кудрявский писал: «Невозможность ясного различения этих двух видов грамматических категорий явствует уже из того, что *речь* всегда состоит из

²⁹ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 85.

³⁰ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 9.

³¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 189—190.

³² Ср., однако, мнение Ф. М. Березина, согласно которому Потебня «четко различает члены предложения и части речи» (Ф. М. Березин. История лингвистических учений. М., 1975, с. 93).

³³ В. В. Виноградов. Синтаксические взгляды профессора А. В. Добиаша. В. кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 336.

предложений, и без предложений нет речи. Поэтому каждая ч/асть/ речи должна быть и ч/леном/ предложения и наоборот»³⁴. Поэтому он считал возможным обойтись только одной из них — а именно, классификацией по членам предложения.

С другой стороны, против традиционного учения о членах предложения и частях речи выступили и некоторые последователи Фортунатова, для которых, по словам В. В. Виноградова, было характерно стремление вообще изгнать учение о предложении из синтаксиса³⁵. Так, М. Н. Петерсон писал: «С точки зрения синтаксиса, как учения о словосочетаниях, отпадает деление простого предложения на главные и второстепенные члены»³⁶.

Наконец, в традиционных терминах членов предложения многие усматривали уступку логицизму. Так, Е. Ф. Будде (классифицировавший, кстати сказать, члены предложения на подлежащее, сказуемое, определение и дополнительные слова, мотивируя это тем, что они «имеют для своего выражения особые синтаксические формы»³⁷) писал, что «Пешковский как раз забывает, что для грамматики нет никаких «обстоятельств», нет «определений»; для нее есть форма согласования и управления»³⁸. Да и Л. А. Булаховский, гораздо более благожелательно оценивший труды Пешковского и специально подчеркнувший, что «ясное разграничение логики и грамматики в сознании самого автора... предохранило его от насилия над этой последней»³⁹, отметил, что у него «понятие члена предложения неясно» и указал: «Я представляю себе член предложения как категорию, устанавливаемую анализом видов отношений между формальными элементами, т. е. согласование, управление и, скажем, примыкание... выделяют категории: 1) Глагольное согласование — глагол и слово, определяющее его лицо — сказуемое и подлежащее 2) Именное согласование — определение (разные типы, соответственно разным морфологическим признакам...) 3) Управление — управляемое слово — дополнение 4) Примыкание — примыкаю-

³⁴ Д. Н. Кудрявский. Части предложения. «Энциклопедический словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 38, СПб., 1903, с. 407.

³⁵ В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 389.

³⁶ М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М. — Пг., с. 33.

³⁷ Е. Ф. Будде. Вопросы методологии русского языкознания, с. 79.

³⁸ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 355.

³⁹ Л. А. Булаховский. Рецензия на книги А. М. Пешковского, с. 2.

щее слово — обстоятельство. Психологическое содержание каждой из полученных таким образом категорий является объектом исследования»⁴⁰.

На упрек в использовании старых логических терминов, сделанный Е. Ф. Будде, Пешковский ответил, что в своей книге он стремился «вливать в старые, логические термины новое грамматическое содержание (что, конечно, удобнее, чем выдумывать новые термины)»⁴¹. Что же касается самого наличия принципа двойной классификации, то, приведя мнение Д. Н. Кудрявского о том, что ее сохранение — преимущественно влияние традиции, Пешковский пишет: «Мне кажется, что если бы даже это и было так, то и то нам ничего не оставалось бы делать, как подчиниться этой традиции, так как наличный состав терминов (а совершенно новые термины создать почти невозможно) позволяет определить многие синтаксические явления только с помощью *обеих* классификаций, которые таким образом необходимо *дополняют* друг друга. Так, среди частей речи нет термина для прилагательного, функционирующего как существительное... и мы можем обозначить это замещение, только назвав здесь прилагательное подлежащим или дополнением. С другой стороны, среди членов предложения не найдется, например, термина для *наречия* в морфологическом смысле (т. е. для слов на «О»). Все эти выхваченные здесь лишь для примера, а фактически гораздо более многочисленные затруднения, с одной стороны, показывают, что считаться с традицией двойного деления слов необходимо, а, с другой стороны, доказывают, что дело тут и не только в традиции, *а в двух различных точках зрения*, создавших ту и другую классификацию — морфологической и синтаксической. Конечно, части речи выработывались в языках как члены предложения, да и в настоящее время не могут быть оторваны от тех синтаксических форм, которые характерны для них; конечно, члены предложения выражаются теми же грамматическими формами, что и части речи. Но части речи — это застывшие члены предложения, выкристаллизовавшиеся в определенные формы и системы форм, распознаваемые и вне своих сочетаний и приобретшие в связи с этим определенное словообразовательное значение; наоборот, члены предложения — это пришедшие в движение части речи, части речи в самом процессе как части словосочетаний. Эта двойная точка зрения на одни и те же факты, выразившаяся в общем разделении грамматики на морфоло-

⁴⁰ Л. А. Булаховский. Рецензия на книги А. М. Пешковского, с. 3.

⁴¹ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 420.

гию и синтаксис, должна быть сохранена, думается мне, и здесь. Само собою разумеется, что все высказанное обязывает меня строго разграничить ту и другую классификации, сделав первую исключительно морфологической, а вторую исключительно синтаксической»⁴².

Классификация знаменательных членов предложения дополняется классификацией служебных членов предложения, поскольку они являются бесформенными и не могут быть рассмотрены в морфологии. Пешковский выделяет здесь семь членов (предлоги, союзы, глаголы-связки и т. д.). Как указывает сам Пешковский, классификация эта восходит к Фортунатову, но один разряд (повелительные служебные члены) взят у Д. Н. Овсяннико-Куликовского⁴³.

Таковы в общих чертах основные грамматические понятия раннего Пешковского. Естественно, что эволюция его взглядов сильнее всего отразилась именно на них. Однако прежде чем переходить к ней, нам кажется целесообразным заметить следующее.

Обычно, рассматривая теоретические работы ученого, их делят на два этапа: первый, включающий в себя ранние работы (первое издание «Русского синтаксиса», «Школьную и научную грамматику», некоторые статьи) и второй, нашедший отражение в ряде статей 20-х годов и наиболее полно воплотившийся в третьем издании «Русского синтаксиса». Иногда к этому добавляют, что к концу своей жизни ученый, оба издания своей книги строивший по принципу восхождения от низших единиц к высшим, хотя как мы видели в предыдущей главе, вместе с тем всегда подчеркивавший (особенно в последнем варианте книги), что низшая единица полностью раскрывает свои свойства только в составе высшей и может быть понята только из нее — ср. его мысли о форме слова и форме словосочетания, к концу жизни пришел к выводу о необходимости обратного подхода к языковым фактам⁴⁴. С другой стороны, И. И. Мещанинов, ссылаясь на последнее издание «Русского синтаксиса», говорит о том, что взгляды Пешковского на строение грамматики (морфология и синтаксис) резко расходятся со взглядами Соссюра (учение о синтагматических и парадигматических отношениях)⁴⁵, вместе с

⁴² А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 78—79.

⁴³ Там же, с. 97.

⁴⁴ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 40.

⁴⁵ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. М., 1940, с. 11.

тем В. В. Виноградов квалифицирует одну из работ середины 20-х годов (статья «Понятие отдельного слова») как попытку совместить теорию Фортунатова с Женевской школой⁴⁶.

Ввиду этого мы сочли необходимым говорить не об одной концепции зрелого Пешковского, а о двух. Хотя обе они во многом перекликаются (в первую очередь, стремлением опереться на синтаксическую точку зрения), но все-таки поиск Пешковского идет в них несколько различными путями.

Первая как раз и представлена в третьем издании «Русского синтаксиса». Говоря об ее основном отличии от ранней по интересующему нас вопросу, автор пишет: «Основные грамматические категории, на которых зиждется вся книга — части речи — устанавливаются не классификационным путем, а путем, намеченным статьей С. И. Бернштейна⁴⁷... В настоящее время я считаю классификационный путь вообще непригодным для установления синтаксических категорий»⁴⁸.

В этой статье С. И. Бернштейн писал: «...От так называемого «морфологического» принципа классификации — по признаку способности слов к тому или другому роду морфологических изменений — унаследованного от Schleicher'a современными синтаксистами — Paule'm, Фортунатовым, а через него и Пешковским — Шахматов решительно отказывается»⁴⁹.

У нас здесь нет возможности сколь-нибудь подробно останавливаться на грамматических взглядах А. А. Шахматова. Поэтому приведем только определения тех частей речи, которые в третьем издании «Русского синтаксиса» получили название основных:

«Существительное» означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки.

Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, склонения, вида.

Прилагательное определяется как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится не-

⁴⁶ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 69.

⁴⁷ Речь идет о статье «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова».

⁴⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 9—10.

⁴⁹ С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, с. 221.

изменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представления грамматические категории числа, рода, падежа, субъективной оценки), причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Наречие определяется как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии — состоянии или качества — свойстве, вызывает представление о бытии — состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями; впрочем, наречия качественные могут вызывать представление о степенях сравнения»⁵⁰.

А. А. Шахматов указывает также и семасиологические основания для выделения частей речи: «Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений»⁵¹. Отмечая невозможность установления прямого такого соотношения, А. А. Шахматов вместе с тем подчеркивает его необходимость и дает следующие определения: «Существительное это часть речи, соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве — свойстве или действии — состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их; следовательно, существительное это часть речи, соответствующая в своей независимой грамматической форме независимому представлению, не зависящему от другого господствующего над ним представления; при этом всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени. Прилагательное это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве (пассивном признаке), мыслимом в атрибутивной зависимости от другого господствующего над ним представления, представления субстанции. Глагол это часть речи, соответствующая представлению о действии — состоянии (активном признаке), мыслимом в зависимости от другого господствующего над ним представления, представления о субстанции. Наречие это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве, мыслимом в сочетании с представлением о другом качестве — свойстве или с представлением о действии-состоянии»⁵².

Несколько слов о членах предложения. С. И. Бернштейн, подчеркнувший в своей статье близость Шахматова ко взгля-

⁵⁰ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М.—Л., 1941, с. 422.

⁵¹ Там же, с. 427—428.

⁵² А. А. Шахматов. Синтаксис..., с. 428.

дам Поттебни, вместе с тем указывает, что «Шахматов решительно восстал против намеченного Поттебней отождествления определений частей речи с определениями членов предложения. Исходя из анализа коммуникации, он построил оригинальную классификацию членов предложения — в зависимости от их функций в предложении; классификация частей речи... установлена в его синтаксической системе на другом принципе деления»⁵³.

А. А. Шахматов, как известно, выделял предложения односоставные и двусоставные. «Главными членами предложения оказываются господствующие слова в составе господствующих грамматических единств, составляющих словосочетание, равное предложению, или обоих словосочетаний, обоих членов предложения»⁵⁴. Между главным членом господствующего состава — подлежащим и главным членом зависимого состава — сказуемым налицо предикативные отношения. На основании других типов отношений: атрибутивных, атрибутивно-предикативных, объективных и релятивных — Шахматов выделяет зависимые члены: определение, предикативное определение, приложение, предикативное приложение, дополнение, релятивное дополнение, дополнительный глагольный член, обстоятельство. Кроме главных и зависимых членов, он различает служебный член (связку) и слова, стоящие вне предложения (обращение, вводные слова).

Обратимся к Пешковскому. В своем выступлении на Всероссийской конференции преподавателей-словесников школ политпросвета (1928) Пешковский говорил: «Я думаю в настоящий момент, что вся морфология и весь синтаксис легко могут быть обоснованы на понятии грамматического предмета (= имени существительного). Укрепившись на существительном как названии предмета, мы легко объясним прилагательные как слова, обозначающие, какие бывают предметы, глаголы — как слова, обозначающие, что делают предметы и что делается с ними, подлежащее — как слово, обозначающее главный предмет, управляемое существительное (дополнение) — как слово, обозначающее второстепенный предмет и т. д.»⁵⁵.

Естественно, вставал вопрос: насколько соответствует подобный подход принципам формальной грамматики? С точки зрения ультраформалистов — абсолютно не соответствует. По

⁵³ С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, с. 224.

⁵⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис..., с. 37—38.

⁵⁵ А. М. Пешковский. Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школе для взрослых. «Избранные труды», с. 169.

мнению же Пешковского, — вполне соответствует. И, приведя высказывание Ф. Ф. Фортунатова о существительных как обозначающих предметы как вместилища признаков и подчеркивая, что «Фортунатов отчетливо признавал предметность»⁵⁶, с одной стороны, а с другой, — что никто из крупнейших русских и европейских лингвистов не сомневался в существовании предметности, ученый отвечает ультраформалистам, ссылавшимся на взгляды Фортунатова: «Почему же Фортунатов (если даже считать, что он отрицал предметность, что неверно..) ...«научнее» в этом пункте, чем Потеня, Бодуэн де Куртенэ, Щерба, Богородицкий, Булаховский, не говоря уже о всех западных лингвистах?»⁵⁷. И резюмируя свое мнение о важности предметности, Пешковский пишет: «Без понятия же предмета как основы всего дальнейшего мы неизбежно скатываемся либо в то звукоедство, которое составляет по моему теперешнему убеждению главный недостаток «Нашего языка» и всех учебников, от него зависящих, либо в традиционное логическое определение подлежащего как того, «о чем говорится», и сказуемого как того, «что говорится»⁵⁸.

С анализа предметности и начинает Пешковский свой разговор о частях речи. При этом он указывает, что, говоря о предметности, «придется по необходимости касаться и всех остальных частей речи, ... еще не рассмотренных, так как только ими и будет определяться... предметность существительного в словосочетании»⁵⁹.

К числу способов выражения предметности Пешковский относит:

- 1) соединимость с прилагательным в порядке согласования;
- 2) затруднение соединения с другим существительным в порядке сочинения;
- 3) соединимость косвенных падежей с другим существительным в порядке подчинения (управления);
- 4) соединимость их с глаголом в том же порядке;
- 5) соединимость их с предлогом;
- 6) соединение именительного падежа с глаголом в порядке согласования;

⁵⁶ А. М. Пешковский. Вопросы изучения языка в семилетке. «Избранные труды», с. 227 (примеч. 2).

⁵⁷ Там же, с. 227.

⁵⁸ А. М. Пешковский. Как вести занятия..., с. 169.

⁵⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 67.

7) почти полная несоединимость с наречием.

В соответствии с той важностью, которую придавал Пешковский принципу расчлененного взгляда на значение (см. предыдущую главу), он подробно останавливается на тех случаях, когда соотносимое со словом понятие противоречит, по его словам, грамматическому значению. «...Анализируя образ, возникающий в нас при слове *чернота*, мы находим в нем черту двойственности: с одной стороны, логическая его природа не может не мыслиться нами, мы не можем не знать, даже и в процессе речи, что черноты отдельно не существует; с другой стороны, мы все-таки мыслим ее отдельно. **Признак предмета сам представлен здесь как предмет**»⁶⁰. Пешковский отмечает, что любое непредметное представление может опредмечиваться посредством определенных грамматических средств.

При определении глагола и прилагательного автор указывает, что оба они обозначают то, что приписывается существительному, с чем связано и наличие у них формы согласования с существительным. Вместе с тем Пешковский подчеркивает и разницу между этими категориями. «В глаголе признак изображается как деятельность предмета. Это возможно, очевидно, только при том условии, если будет показано, что предмет сам свой признак делает.

...Значит мы можем сказать, что в глаголе изображаются признаки, создаваемые деятельностью предмета. Напротив, в прилагательных признаки изображаются как качества. А качества предметов не зависят от них самих, а зависят только от их природы ...Значит, мы можем сказать, что в прилагательных изображаются признаки, заложенные в природе предмета. Это и будет наиболее точным определением категорий глагола и прилагательного»⁶¹. Это отличие Пешковский связывает с категориями времени и склонения, которые подвергает подробному анализу. Исследуются им также категории лица, числа, падежа и др. Не останавливаясь на этом вопросе, отметим только, что Пешковский, на основании проведенного анализа, выделил два типа категорий. «Мы будем впредь, — пишет он, — называть категории, обозначающие отношения между словами и словосочетаниями, объективными синтаксическими категориями, а категории, обозначающие отношение самого говорящего к этим отношениям, субъективно-объективными синтаксическими категориями, имея в виду второй

⁶⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 71.

⁶¹ Там же, с. 84.

частью термина обозначить, что «субъект» здесь надиндивидуален, что это языковой субъект, т. е. не просто «говорящий», а «всякий говорящий»⁶².

Относительно наречия Пешковский замечает: «...Наречия выражают признаки не предметов, а их признаков. В них изображаются **признаки признаков**. В этом и состоит их значение»⁶³.

Резюмируя свое исследование, автор пишет: «Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие являются **основными** частями речи и основными грамматическими категориями ее. Это сказывается в том, что: 1) категории эти в той или иной степени оформления существуют во всех человеческих языках, независимо от того разнообразия языковых средств, какими они выражаются, 2) всюду они являются категориями, обуславливающими все другие категории..., 3) все другие категории столь же общего порядка, могущие претендовать на такое исключительное положение (причастие, деепричастие, герундий и т. д.) являются по значению смешанными категориями, причем в их значениях смешаны элементы именно этих четырех категорий»⁶⁴.

В. В. Виноградов, говоря о понимании Пешковским грамматической категории, подчеркивает, что для него это «не форма грамматической мысли и не одно из основных грамматических понятий, лежащих в основе системы форм языка, а прежде всего — эмпирический ряд форм с общим значением или общим комплексом значений, обособляемых по «собственной звуковой характеристике»⁶⁵. Однако несколькими страницами ниже В. В. Виноградов, чтобы подчеркнуть эклектизм Пешковского и его стремление «брать напрокат» у Потемни и других лингвистов семантические характеристики основных грамматических категорий, приводит следующее высказывание Пешковского: «Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменную **сущность** сменяющих друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (substantivum; впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция. А тому, что в философии называется «атрибутом» и «акциден-

⁶² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 89—90.

⁶³ Там же, с. 96.

⁶⁴ Там же, с. 102.

⁶⁵ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 79.

цией», в языке соответствует... прилагательное и глагол. Части речи есть, таким образом, не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития»⁶⁶. Правда, В. В. Виноградов считает, что «семантические эскизы категорий, рисуемые как бы сверх (или поверх) грамматической (преимущественно синтаксической) характеристики относящихся к данной категории форм, оторваны от формальных признаков и обнаруживают иную манеру понимания и изображения»⁶⁷. Однако остается фактом, что Пешковский стремился связать категории языка и мысли (этому служат и его экскурсы в историю становления тех или иных категорий и попытки связать их с особенностями первобытного мышления, вызвавшие, как мы видели, критику со стороны Н. Н. Дурново). Поэтому нам представляется, что замечание В. В. Виноградова: «А. М. Пешковский изучал синтаксические явления современного русского языка как самодовлеющую сферу речевого выражения. Иногда он апеллирует к «мысли», но нередко обходится без нее» (да еще, при этом, «отрывая язык иногда от мысли и почти всегда от действительной жизни»⁶⁸) — не совсем справедливо. Что же касается спорности тех или иных его трактовок и их недостаточной согласованности с собственно-грамматическими, формальными, то здесь, по нашему мнению, надо учесть, во-первых, то, что сама форма связана была в понимании ученого со значением, мыслью (см. предыдущую главу), образуя своего рода единство в противоречии; во-вторых, что Пешковский писал все-таки синтаксис современного русского языка, а не философско-лингвистический трактат относительно становления и взаимосвязи языковых и логических категорий (можно заметить, кстати, что и до сегодняшнего дня авторы таких работ часто противоречат друг другу и опровергают друг друга) и прибегал к подобным объяснениям как раз для показа связи языка «с мыслью и действительной жизнью»; наконец, в-третьих, в связи с самой сложностью связи и боязнью исказить картину, впад в логицизм или прямолинейный примитивизм объяснений (известно, к чему привело стремление во что бы то ни стало «согласовать» семантику с грамматикой и становление категорий языка с категориями мысли школу Н. Я. Марра). Кстати, нам кажется, именно по этой причине Пешковский постоянно высказывал определенный скептицизм при приведе-

⁶⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 74.

⁶⁷ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 82.

⁶⁸ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 71.

нии тех или иных объяснений и подчеркивал, что любая гипотеза о происхождении той или иной части речи и отражении в ней тех или иных особенностей первобытного мышления обязательно «должна быть проверена историко-культурным исследованием о временном соотношении эпохи анимизма с эпохой первого зарождения языка»⁶⁹, что, в свою очередь, связано с проблемой происхождения языка, которую нельзя считать разрешенной.

Помимо частей речи, случаев их смешения (к смешанным относится причастие, деепричастие, инфинитив, которые тесно связаны с глаголом) и перехода, Пешковский специально рассматривает местоименность и — что особенно важно для нас — сказуемость. Последняя приводит нас, во-первых, к вопросу о взаимоотношении между ней и глагольностью, во-вторых — к общему вопросу о частях речи и членах предложения. Прежде чем переходить к ее рассмотрению, приведем несколько высказываний, принадлежащих исследователям Пешковского.

С. И. Бернштейн говорит о нем следующее: «Он присоединяется к господствовавшему в синтаксисе отождествлению глагольности, предикативности и предложения... Отождествление сказуемости с глагольностью влечет за собой последствия в отношении различения членов предложения и частей речи. Члены предложения отождествляются с частями речи в тех или иных формах, и терминологическое различие тех и других становится ненужным»⁷⁰.

Мнение В. В. Виноградова: «Пешковский долго колебался в вопросе о соотношении и взаимодействии членов предложения и частей речи и, в конце концов, принял половинчатое решение, которое едва ли кого могло удовлетворить. Он признал главные члены предложения — подлежащее и сказуемое, хотя и стремился отождествить сказуемое с определенной «частью речи» — именно с глаголом.

Но он отверг добавочные понятия и термины для обозначения отдельных второстепенных членов — дополнение, определение и обстоятельство (а также для инфинитива в зависимом его употреблении — «второстепенное сказуемое» или «дополнительный глагольный член»)»⁷¹.

Точка зрения А. И. Белова: «Широкий учет Пешковским грамматических форм слов как частей речи и их синтакси-

⁶⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 75.

⁷⁰ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 32, 34.

⁷¹ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 70.

ческих функций (как членов предложения) позволяет нам отвергнуть тезис проф. Бернштейна о том, что Пешковский вслед за Потемной отождествляет части речи с членами предложения. Рассмотрение тех и других в тесной связи и взаимодействии не есть еще их тождество»⁷². При этом А. И. Белов отмечает, что «Пешковский позднее склонен был рассматривать различие частей речи и членов предложения лишь как терминологическое различие», однако вместе с тем считает, что имеющаяся в новой концепции ученого «унификация названий при разделении слов по частям речи и членам предложения была обусловлена больше всего соображениями методическими, чем теоретическими»⁷³.

Приведем, наконец, высказывание Пешковского: «Традиционное разделение... было основано на убеждении, что части речи и члены предложения — явления разного порядка. Первые считались морфологическими (на тогдашнем языке «этимологическими»), вторые — синтаксическими. Отсюда возникло два разбора: «по частям речи» (со всеми их «атрибутами») и по «членам предложения». Неограмматическая школа сблизила эти две рубрики настолько, что Кудрявский мог уже поставить вопрос, нужна ли тут науке двойная терминология... и приходил к выводу, что только для подлежащего и сказуемого она может быть сохранена... Пишущий эти строки в первом издании своего «Русского синтаксиса» еще стоял на том, что это не двойная терминология, а два разных подхода к одним и тем же фактам, две разные точки зрения. А в третьем издании он уже признает это различие только терминологическим и для большинства случаев от него отказывается»⁷⁴.

Следует сказать, что разобраться во взглядах ученого на проблему сказуемости и глагольности, членов предложения и частей речи нелегко — об этом наглядно свидетельствуют приведенные выше высказывания. И приводимые нами ниже замечания отнюдь не претендуют ни на бесспорность, ни на исчерпывающий ответ на все аспекты данной проблемы, а лишь представляют собой попытку дать анализ этой трудности.

Категория сказуемости действительно выделяется Пешковским в качестве основной: «Сказуемость — это граммати-

⁷² А. И. Белов. А. М. Пешковский..., с. 199.

⁷³ Там же, с. 184, 185.

⁷⁴ А. М. Пешковский. О грамматическом разборе. «Избранные труды», с. 237—238.

ческая категория и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью⁷⁵. Несколько раз подчеркивается, что «в категории сказуемости мы находим какую-то связь с категорией глагольности»⁷⁶ и что в известном смысле «сказуемость построена на глагольности»⁷⁷. Однако вместе с тем автор считает нужным отметить, что при всей своей тесной связи «категория сказуемости не совпадает с категорией глагольности»⁷⁸, ибо, помимо собственно глаголов, туда входят сочетания глагола связки с рядом форм и бесформенных слов (в известных случаях, и без глагола связки); определенные бесформенные слова, по значению связанные с глаголами (есть, нет, да); именительные падежи существительных с определенным значением и соответствующей интонацией и инфинитивы. Точно так же Пешковский, с одной стороны, подтверждая зависимость сказуемого от подлежащего, с другой стороны, считает, что «значение подлежащего определяется всецело значением глагольного сказуемого»⁷⁹ и подчеркивает, что согласование глагольного сказуемого с подлежащим «носит менее подчинительный характер, чем согласование прилагательного с существительным. Причина этого явления коренится в особенностях категории сказуемости. Слово самое главное для выражения процесса мысли оказывается **подчиненным** другому слову, потому что обозначает признак, а не предмет. Здесь заключена известная антиномия, известное столкновение основ языка, и странно было бы, если бы это столкновение не отразилось на внешних фактах. И действительно, мы находим в формах согласования глагола значительную долю противоречащей самой идее согласования самостоятельности»⁸⁰. По этому поводу В. В. Виноградов иронически заметил: «Будучи подчиненной формой, глагольное личное сказуемое тем не менее в оценке А. М. Пешковского как бы возвышается над другими словами отчасти в силу будто бы почившей над ним благодати предикативности, отчасти вследствие своей близости к подлежащему» и говорит, что для Пешковского «важно было лишь спасти престиж сказуемого»⁸¹. С. И. Берн-

⁷⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 165—166.

⁷⁶ Там же, с. 166.

⁷⁷ Там же, с. 169.

⁷⁸ Там же, с. 167.

⁷⁹ Там же, с. 183.

⁸⁰ Там же, с. 184.

⁸¹ В. В. Виноградов. Идеалистические основы, с. 69. Ср. также

штейн считал, что понятие сказуемости нужно Пешковскому вообще для того, чтобы «сохранить традиционное, восходящее к античности, воспринятое Гумбольдтом, разделявшееся и Потебней и Фортунатовым, от Потебни перешедшее к Овсяннико-Куликовскому учение о глагольности как основе предложения»⁸².

Особенно большое внимание уделялось глаголу А. А. Потебней. Как известно, он ставил вопрос о глагольности не только в собственно-грамматическом, но и философско-историческом аспекте. Рассматривая глагол как более отвлеченную категорию, Потебня утверждал, что глагол вытесняет существительное, трактуя это как вытеснение категории субстанции категорией процесса. И анализируя отношение Пешковского к этой теории Потебни, мы, как нам кажется, получим определенные данные и для разрешения интересующей нас, на первый взгляд, сугубо грамматической проблемы о сказуемости и глагольности в концепции ученого.

«Идея эта, — пишет Пешковский, — до сих пор не доказанная и огромным большинством лингвистов не принятая, составляет одну из самых заманчивых и увлекательных сторон потебнианства. Именно она и ей подобные идеи превращают историю языков в историю человеческой мысли и позволяют находить связующие нити между историей языка, с одной стороны, и историей науки, философии, поэзии, с другой...»⁸³. Любопытно, что с этой целью Пешковский прибегает к сопоставлению роста глагольности в языках с энергетическими концепциями, имевшими хождение среди некоторых тогдашних физиков. Эта неудачная аналогия не раз уже подвергалась критике как впадение в идеализм, поэтому мы не будем на ней останавливаться, тем более, что можно вполне согласиться с А. И. Беловым (да и другими лингвистами), что идеалистическая философия не нашла в трудах

замечание С. И. Карцевского: «Вслед за Потебней автор считает предикат и глагол как бы синонимами. В действительности никакой «предикативности»... не существует. Любое понятие, отнесенное к другому, как его определяющее, актом воли лица говорящего, является предикатом» (С. И. Карцевский. Еще к вопросу..., с. 36).

⁸² С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, с. 33—34.

⁸³ А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство. «Избранные труды», с. 101.

Пешковского прямого отражения⁸⁴ (ср. также высказывание М. И. Стеблин-Каменского)⁶⁵.

Таким образом, ученый вслед за Потребней считал, что рост глагольности в языке — результат тесной связи его с мышлением, все более стремящимся к замене субстанции энергией. Однако поскольку само мышление, по Пешковскому, не однородно и поскольку язык не тождественен какому-то определенному его типу (да и самому мышлению в целом), постольку он может вырабатывать 'сказуемость' (т. е. «оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли»⁸⁶) и иным путем, помимо глагольности. Характерно рассуждение Пешковского о кратком прилагательном: «Вследствие своего обязательного соседства со связкой, т. е. сказуемостью, и полного разрыва со всеми другими членами предложения, оно само... оскандуимилось. А то, что оно при этом ни на йоту не оглаголилось... делает его еще интереснее. В нем мы имеем совершенно **новый** тип сказуемости, совершенно **новый** способ выражать человеческую мысль. Здесь язык начинает выходить за пределы глагольности и начинает выражать в своей мысли отношение сосуществования, обычно открываемое только надязыковым мышлением ... Любопытно, что этот результат был получен не творческим усилением языка, а только утратой склонения кратких прилагательных, т. е. совершенно пассивно»⁸⁷.

Нам кажется также, что определенную роль в стремлении Пешковского разграничить сказуемое и глагольность могло сыграть и его убеждение в том, что чем важнее для языка какая-либо категория, тем большим числом языковых средств она выражается (см. главу первую нашей работы — об отношении ученого к телеологическому принципу). Поскольку сказуемое, по его мнению, — это важнейшая категория языка, постольку язык не может обойтись для ее выражения одним глаголом, какой бы ценностью он ни обладал, а должен прибегнуть и к другим средствам.

Сказанное, как нам кажется, бросает определенный свет и на проблему частей речи и членов предложения в концепции Пешковского. Разграничив сказуемое и глагол, автор,

⁸⁴ А. И. Белов. Указ. соч., с. 146.

⁸⁵ М. И. Стеблин-Каменский. Несколько замечаний о структурализме. В кн.: М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. М., 1974, с. 48.

⁸⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 165.

⁸⁷ Там же, с. 225.

естественно, должен был разграничить и существительное от подлежащего, чтобы избежать терминологической путаницы (возможно, впрочем, что тут играла определенную роль и традиция: как мы видели выше, ссылаясь на пример Кудрявского, Пешковский указал, что для подлежащего и сказуемого Кудрявский считал возможным сохранить двойную терминологию). Что же касается названий второстепенных членов, то А. М. Пешковский говорит о них следующее: «Термины эти представляют известное удобство как сокращенные обозначения соответствующих понятий (кроме терминов для инфинитива, которые, наоборот, являются удлиненными обозначениями), но они представляют и большие неудобства, так как: 1) в школьных грамматиках они применялись до сих пор в совершенно ином смысле, 2) сами по себе они очень неудачны, 3) не будучи не чем иным, как сокращенными обозначениями... они внушают читателю мысль, что выражают какую-то другую сторону дела, помимо понятий второстепенного предмета, второстепенного (покоящегося) признака, признака признака и действия, отвлеченного от деятеля. Между тем никакой другой стороны здесь нет. В настоящей книге сделана попытка обойтись совсем без этих добавочных терминов»⁸⁸.

С. И. Бернштейн, говоря об отношении этой попытки Пешковского к воззрениям других русских лингвистов, отмечает: «Кудрявский... задумывался над упразднением названий частей речи в пользу терминов, обозначающих члены предложения..., т. е. замышлял реформу в направлении, противоположном избранному Пешковским. В действительности приоритет в упразднении номенклатуры членов предложения принадлежит М. Н. Петерсону — представителю того направления, которое Пешковский назвал «ультраформализмом»⁸⁹... Однако надо иметь в виду, что под существительным, прилагательным и т. д. М. Н. Петерсон и поздний А. М. Пешковский понимали совершенно разные вещи, поэтому сблизить (а тем более отождествлять) их реформу не следует.

Таковы вкратце взгляды Пешковского на основные грамматические понятия, как они даны в «Русском синтаксисе». Мы сознаем, что наше мнение о взаимоотношении в концепции Пешковского частей речи с членами предложения может

⁸⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 283 (примеч.).

⁸⁹ С. И. Бернштейн. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. с. 35 (примеч.).

показаться весьма спорным (особенно это касается вопроса о глагольности и сказуемости), однако, нам представляется, что оно в какой-то степени позволяет связать взгляд ученого на эту проблему с его общелингвистическими и общеграмматическими воззрениями и отчасти объяснить ту двойственность в ее толковании, на которую указывали критики его.

Разумеется, попытка Пешковского не может считаться правомерной, поскольку она привела к отождествлению принципиально разных подходов к языковым явлениям (о чем в предыдущих своих трудах говорил и он сам). Эта попытка, как бы завершающая искания русских лингвистов, еще раз проиллюстрировала, что несмотря на все недостатки традиционного подхода к проблеме частей речи и членов предложения, чрезвычайно трудно найти такое соотношение между этими единицами, которое могло бы стать общепризнанной заменой школьной грамматики. Для аналогии можно указать, что один из представителей дескриптивного языкознания — Ч. Фриз, считающий, что предложение — это «структура, состоящая из формальных классов или частей речи» определяет эти классы на основании их употребления в определенной позиции, ибо «позиционные свойства слова в любом конкретном предложении сильнее его морфологических свойств» — иными словами, «при объединении слов в классы Ч. Фриз отдает предпочтение синтаксическим признакам перед морфологическими»⁹⁰.

В заключение укажем, что Пешковский, как и другие лингвисты, специально выделял слова и словосочетания, не образующие предложений и их частей, относя к ним вводные слова и словосочетания, обращение, междометие, а в последней редакции «Русского синтаксиса» выделяя и именительный представления.

На этом мы кончаем рассмотрение первого пути зрелого Пешковского и переходим ко второму.

В 1929 г., высказываясь о статье А. П. Боголепова, посвященной проблемам синтаксиса, ученый писал: «Как и все «ультраморфологи», автор склонен рассматривать язык как сложное целое, *составленное* из своих элементов, причем мельчайшие элементы складываются в более крупные, эти в еще более крупные и т. д. Но вся эта концепция языка (между прочим, чрезвычайно характерная... для Ф. Ф. Фортунатова) представляется мне перевертывающей природу изучаемого предмета. Язык не составляется из элементов, а *дробится* на элементы. Первичными для сознания фактами являются не

⁹⁰ «Основные направления структурализма», с. 282 (выделено нами—Г. Х.).

самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы. Фразы уже делятся на словосочетания, словосочетания (после постепенного разделения их на все более и более мелкие) на слова, слова — на морфемы. ...Поэтому нельзя, собственно, определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а фразу как совокупность словосочетаний. Все определения должны бы быть выстроены в обратном порядке... Если это пока еще по ряду причин и не делается (ведь у меня у самого словосочетание определяется на базе слова, а форма словосочетания — на базе формы слова), то в идеале это должно быть когда-нибудь сделано, и на нынешние определения надо смотреть как на временные, как на *Notbehelf*, как на «рабочие» определения, отнюдь не делая из них ... широких теоретических выводов»⁹¹.

Это высказывание, которое часто цитируется в работах о Пешковском, привлекает внимание по двум причинам.

Во-первых, оно довольно близко к следующему положению С. И. Карцевского: «Наша речь распадается на высказывания. Каждое высказывание выражается особой фразой. Фразы распадаются на слова, соединенные между собою по законам грамматики и объединяемые общей интонацией»⁹².

Во-вторых, попытку предпринять изучение языка, идя от целого к частям, ученый предпринимал еще в первой половине двадцатых годов — с одной стороны, в своей педагогической деятельности (учебники для средней школы), с другой, — в статье «Понятие отдельного слова» (1924—1925 гг.). Нам думается, что этому способствовал целый ряд обстоятельств.

Сыграла свою роль, в частности, сама педагогическая практика Пешковского. Еще Ф. И. Буслаев говорил, что «дитя говорит предложениями, а не словами, ему легче понять предложение, нежели слово; а начинают обыкновенно с известного, из коего извлекают неизвестное»⁹³. Первые упражнения в книге Пешковского «Наш язык» — это именно разбивка речевого потока, выделение из него значимых частей⁹⁴. В этой связи интересно, что А. Н. Гвоздев, говоря о концепции, ис-

⁹¹ А. М. Пешковский. Еще к вопросу о предмете синтаксиса (по поводу статьи А. П. Боголепова). «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, с. 52—53.

⁹² С. О. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М., 1928, с. 14.

⁹³ Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. М., 1941, с. 32.

⁹⁴ А. М. Пешковский. Наш язык, М., 1925, с. 3.

ходящей из положения «о первичности сложных элементов и о их ведущей роли при формировании более простых элементов», и упоминая в этой связи имя А. М. Пешковского, ссылается на то обстоятельство, что «формирование грамматического строя у ребенка... начинается с предложения, в котором сначала возникают и формируются словосочетания, члены предложения, а затем части речи»⁹⁵.

Кроме того, как мы видели выше, во взглядах Пешковского все более усиливался синтаксический момент. Естественно, что логичным завершением этого процесса было бы опереться на сложные единицы и от них нисходить к простым, иначе в выделении единиц продолжал бы господствовать морфологизм. А поскольку ученым признавалось наличие единиц более сложных, чем предложение, постольку последовательное осуществление указанного принципа требовало обращения к ним.

Наконец, нужно учитывать и знакомство его с теорией синтагмы, выдвинутой де Соссюром и разработанной С. И. Карцевским. В. В. Виноградов заметил по этому поводу, что А. М. Пешковский, не принимая активного участия в разработке вопроса о синтагме, «принципиально склонялся... к соссюровскому учению о синтагме — в изложении С. И. Карцевского...»⁹⁶. Следует иметь в виду, однако, что статья «Понятие отдельного слова», где ученый дает свое понимание синтагмы, вышла в свет на несколько лет раньше книги С. Карцевского, где теория синтагмы применена к современному русскому языку. По-видимому, познакомившись с работой Соссюра, и находясь некоторое время в контакте с Карцевским, Пешковский развивал эту идею параллельно со своим женевским коллегой. Об этом мы еще поговорим ниже, рассматривая соответствующее место его статьи, к изложению которой переходим.

Пешковский начинает свою работу с указания на неопределенность понятия слова и отсутствие четких критериев выделения этой единицы. «Самая природа отдельного слова, приведшая человечество к ... обнаружению его на письме и самые *принципы* членения речи на слова остаются... по-прежнему бессознательными»⁹⁷. Все употребляющиеся для этой цели критерии (отдельное употребление, собственное ударение, сочетаемость с другими словами и т. д.), как считает автор,

⁹⁵ А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961, с. 155.

⁹⁶ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 71.

⁹⁷ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. «Методика родного языка»..., с. 123.

позволяют судить лишь о степени сложности слова и части слова, а не о принципиальной разнице между ними.

Аналогичная картина наблюдается и при попытке разграничить слово и словосочетание. Ф. Ф. Фортунатов, например, считал, что слово, в отличие от словосочетания, не может быть разложено на составные части без изменения или утраты значения. По этому поводу А. М. Пешковский замечает: «Основное... неудобство критерия Фортунатова заключается в том, что всякое *синтаксическое* целое не выносит разрыва. ...Ни одно *синтаксическое единство* (а пожалуй, даже и вообще ни одна цельная речевая масса, например, даже ни одно литературное произведение) «не распадается на части без утраты или изменения значения той или иной части». И «слово» по своей максимальной цельности как раз именно не противопоставляется синтаксическому единству, а, наоборот, является наиболее ярким его выражением, оно есть синтаксическое единство *по преимуществу*»⁹⁸.

С неразработанностью понятия слова связана и нечеткость в понимании словоизменения и словообразования. Если понимать различие между ними традиционно, то, по мнению автора, придется признать, что франц. *parle* — *parlais* — одно слово, а русск. *говорю* — *говорил* — два разных слова. Если же разница между данными категориями — это разница между синтаксическими и несинтаксическими формами, то в деле их разграничения возникают серьезные затруднения, поскольку относительно многих форм (например, времени и наклонения глагола) между учеными ведутся споры о том, считать ли их синтаксическими или несинтаксическими.

«После всего сказанного, — резюмирует ученый, — читатель не удивится, что такие корифеи русской (и не одной русской) лингвистической мысли, как Бодуэн де Куртенэ и Фортунатов, определяют слово явно неудовлетворительно»⁹⁹.

Критерии Бодуэна — «морфологическую законченность», и «самостоятельность» — Пешковский считает неопределенными, а отношение между ними — неясным. Не удовлетворяет его и характеристика отличия слов от частей слов, предложенная Бодуэном: слова разлагаются на части путем сравнения с другими словами, в которых эти части повторяются с приблизительно одинаковым значением; сами же слова могут быть переносимы в другие предложения. «Перенесение»

⁹⁸ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 130. См. также главу вторую нашей работы (о статье «В чем же наконец, сущность формальной грамматики»).

⁹⁹ Там же, с. 131.

элементов речи из одних сочетаний в другие и «сопоставление» сочетаний между собой не два разных процесса, а совершенно один и тот же»¹⁰⁰, — замечает Пешковский.

Фортуатовское же определение слова как звука речи, имеющего значение, отдельное от других звуков, являющихся словами, — вызывает у автора двойственное отношение. С одной стороны, Пешковский подчеркивает грубую логическую ошибку Фортуатова: в определение слова вносится само определяемое понятие («являющихся словами»). С другой же стороны, он утверждает, что «этот логический промах и есть как раз самая оригинальная и глубокая сторона фортуатовского определения. Действительно... слова соотносительны... каждое «слово» только потому «слово», что другие соотносительные с ним элементы — «слова», т. е. только на фоне всех других комплексов, «являющихся словами»¹⁰¹. Нетрудно заметить, что это рассуждение Пешковского переключается с известным положением Ф. де Соссюра: «В языке... то, чем знак отличается, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу»¹⁰².

К Соссюру восходит и используемое ученым при определении слова разграничение линейных (синтагматических) и ассоциативных отношений в языке. Недифференцированное понятие слова, по мысли Пешковского, должно замениться соответствующими единицами для каждого из рядов — синтагматического и ассоциативного. Для их обозначения используются термины «слово-член» и «слово-тип».

«Под «членом», — пишет автор, — мы будем, вслед за Saussur'ом разуметь всякую языковую единицу, выделяемую сознанием в процессе речи, путем противопоставления ее тому, что следует за ней, или тому, что предшествует ей, или и тому и другому... ассоциации тут только синтаксические (в широком смысле слова)»¹⁰³. Под словами же «типами» (лексемами) Пешковский понимает «ассоциативные группы, составившиеся из сходных «слов-членов», тем более широкие по объему, чем слабее сходство и вызываемая им ассоциация»¹⁰⁴.

Аналогию подобному разграничению он находит в учении о фонеме и ее отличии от звука речи: он приводит слово коло-

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, с. 133.

¹⁰² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, М., 1933, с. 120.

¹⁰³ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 134.

¹⁰⁴ Там же, с. 138.

кол [колакал] и определяет его как состоящее из 7 звуков, но только 4-х фонем: к, о, л, а.

Эта теория Пешковского вызвала резкое возражение В. В. Виноградова: «Если понятие «слова-члена» настолько узко, что не вмещает в себя подлинного слова, а дробит его на отдельные морфологические (и, по-видимому, лексико-семантические) разновидности, изолируя отдельные формы словоупотребления, то, напротив, понятие «слова-типа» настолько широко, что в его пределах расплываются реальные очертания живого слова, и форма отдельного слова теряется в «гнезде» слов. Здесь аналогия с фонемой сослужила Пешковскому плохую службу, потому что эта аналогия односторонняя, неполная. Кроме того, она Пешковским неправильно использована. Ведь фонема вовсе не ассоциативная группа сходных звуков, а социально осмысленный целостный и единый звук — тип, имеющий оттенки, варианты и комбинаторные формы»¹⁰⁵. Нам кажется, что если даже и признать выдвинутое ученым разделение неудачным, не следует делать это путем сопоставления терминов Пешковского с «живым словом»: ведь именно полная неопределенность последнего и заставила его предпринять попытку уточнить понятие слова на основе синтагматических и парадигматических отношений. Что же касается ссылки автора на различие звука и фонемы, то нельзя не признать, что понимание фонемы у Пешковского несколько расходится с теми, которые это понятие получило в различных направлениях современной лингвистики. Однако сама по себе попытка перенести понятия фонологии в область грамматики нам представляется весьма интересной с историко-сопоставительной точки зрения, поскольку подобные попытки предпринимались в последующие годы в различных направлениях структурализма.

Переходим теперь к учению о синтагме. Де Соссюр, как известно, понимал под синтагмами «сочетания, опирающиеся на протяженность»¹⁰⁶, в основе которых лежит отношение определяющего к определяемому. Такое же понимание синтагмы, развитое применительно к русскому языку, находим в «Повторительном курсе» С. Карцевского, где различаются внутренние и внешние синтагмы: «Синтагматическое сочетание слов является внешней синтагмой по отношению к внутренней синтагме, заключенной в слове. Определяющее внутренней синтагмы указывает постоянный признак определяемого, а определяющее во внешней синтагме является

¹⁰⁵ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 71.

¹⁰⁶ Ф. де Соссюр. Указ. соч., с. 121.

признаком более или менее случайным, таким, который можно заменить иным»¹⁰⁷. Фраза же представляет сложную синтагму.

Против теории де Соссюра—Карцевского резко выступил В. В. Виноградов. Считая, что пониманию синтагмы в ней свойственны «смысловая опустошенность, грамматическая бесплодность и антиматериалистическая направленность», В. В. Виноградов обвинял творцов теории синтагмы в том, что у них «вся речь превращалась в плоскую, однообразную, оторванную от живой действительности, от потребности социального общения, от многообразия общественной практики и реального опыта, от сложности социальных отношений последовательную цепь синтагм, смыкающихся одна с другой на основе одного принципа — отношения определяющего к определяемому»¹⁰⁸.

А. М. Пешковский, как отмечалось выше, положительно оценил вклад Соссюра и Карцевского в теорию синтагмы. Говоря о книге Карцевского, он указал, что «здесь нащупано как раз то, изучение чего является очередной задачей синтаксиса»¹⁰⁹. В частности, отмечая важность изучения взаимоотношений между словосочетаниями как цельными единицами внутри предложений, а также словосочетаниями и отдельными словами, Пешковский считал, что «теория синтагм (исправленная и дополненная учетом ритмико-мелодической стороны дела) является необходимым преддверием такого изучения»¹¹⁰.

Однако вместе с тем он писал: «...Я должен сказать, что для меня совершенно неприемлемо сведение всей грамматической системы языка к взаимоотношению «определяемого» и «определяющего». ...Взаимоотношение *главного* и *второстепенного* («самостоятельного и несамостоятельного», «подчиненного и подчиняющего» и т. д., термины многообразны и безразличны) могут переkreщиваться в языке с взаимоотношениями «определяемого» и «определяющего», что «определяющее» может быть в нем важнее «определяемого». Взаимо-

¹⁰⁷ С. О. Карцевский. Повторительный курс русского языка, с. 25.

¹⁰⁸ В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. В кн.: «Вопросы синтаксиса»..., с. 186.

¹⁰⁹ А. М. Пешковский. Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса. Прага, 1931. Цит. по кн.: В. В. Виноградов. Идеалистические основы, с. 71.

¹¹⁰ Там же, с. 71—72.

отношения же «главного» и второстепенного» я кладу в основу всей языковой системы»¹¹¹.

В. В. Виноградов, ссылаясь на учебники Пешковского, подчеркивал, что при рассмотрении синтаксических целых (фраз, в терминологии учебников — «сказов») автор рассматривал их как явление чисто-фонетическое, ритмико-мелодическое. «О том, что это прежде всего единство смысловое, он как бы забывает»¹¹². Однако вернемся к определению синтагм (в том числе и фраз) в относящейся к тому же времени статье «Понятие отдельного слова». «Все члены речи, — читаем в ней, — мы разделим на две принципиально различные категории: на *значащие* и *не значащие*. «Не значащими» будут *звук, слог* и *такт* (ритмическое объединение слога от ударения к ударению), а «значащими» все остальные (значащая часть слова, слово, словосочетание, предложение, сочетание предложений, фраза и т. д.). Условимся называть *значащие* части *синтагмами* (термин, обычно употребляемый в несколько ином смысле)»¹¹³. Поэтому нам думается, что для Пешковского, с одной стороны, смысловой признак был и здесь важнейшим, а с другой, — он стремился разграничить фразу от предложения на основе единственно оставшегося — ритмо-мелодического—признака. Отсюда идет подчеркивание того, что «понятие фразы и предложения как интонационно-синтаксического единства и собственно-синтаксического оказываются в довольно сложных и запутанных отношениях друг с другом»¹¹⁴ рядом со стремлением установить параллелизм между обоими понятиями: «Если мы условимся называть всякое ритмо-мелодическое единство, выражающее законченную мысль «фразой»; причем в это понятие не включим никаких собственно-формальных признаков, а с другой стороны, всякое собственно-формальное единство, выражающее законченную мысль, — «предложением», не включив в него абсолютно никаких ритмо-мелодических признаков, то соотношение между этими двумя понятиями установится чрезвычайно простое и ясное: так называемое «простое предложение» будет «односоставной фразой», а так называемое «сложное предложение» — «двусоставной» или «многосоставной фразой», причем под отдельным «составом» будет разумеаться именно то, что

¹¹¹ А. М. Пешковский. Ответ на статью С. И. Карцевского. «Родной язык и литература в трудовой школе». № 2, 1928, с. 56.

¹¹² В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 57.

¹¹³ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 135.

¹¹⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 460—461-

выше названо предложением...»¹¹⁵. Можно согласиться с тем, что в воззрениях Пешковского нет полной четкости (что вполне понятно, учитывая сложность самого вопроса), однако нам представляется, что стремление ученого, с одной стороны, разграничить собственно-формальные и ритмо-мелодические средства, а с другой, — рассматривать процесс речи как «непрерывное и сложнейшее скрещение их обоих» и подчеркнуть, что «основной задачей синтаксиса представляется... как раз изучение всех деталей этого скрещения»¹¹⁶, было вызвано не якобы свойственным ему «механическим рассечением живой смысловой ткани речи»¹¹⁷, а именно стремлением более глубоко проанализировать эту ткань с разных сторон.

Деля синтагмы на основные (фраза, предложение, слово, корень или аффикс) и неосновные (обособленные группы предложений во фразе и слов в предложении), Пешковский ставит вопрос о том, в каком порядке следует их определять: возрастающей или убывающей сложности? И отвечает на него ясно и недвусмысленно: «Так как синтагмы есть *значащие* члены, то, очевидно, порядок определения должен соответствовать порядку *внутреннего членения речи — мысли*. Примыкая во взглядах на этот предмет всецело к идеям Вундта и Морриса (S. P. Morris. On principle and methods in latin syntax) и считая, что внешнее членение речи не есть результат *сложения* представлений, а есть наоборот, результат *расчленения* первоначально цельного «зародыша мысли», мы должны, очевидно, определять в порядке *убывающей* сложности. Следовательно, «слово» должно определиться из предложения или из фразы»¹¹⁸. При этом Пешковский подчеркивает, что «слышимых границ между словами *нет вовсе*, так как слова — исключительно *смысловые* элементы речи, продукты *внутреннего неслухового* анализа ее (в непонятном для нас языке мы не слышим границ между словами, и до тех пор не услышим, пока не начнем понимать его; в родном языке каждый «слышит» эти границы по внушению смысла)...»¹¹⁹.

¹¹⁵ А. М. Пешковский. Научные достижения... Цит. по указ. соч. В. В. Виноградова, с. 61.

¹¹⁶ Там же, с. 62.

¹¹⁷ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 60.

¹¹⁸ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 136.

¹¹⁹ А. М. Пешковский. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. «Методика родного языка»..., с. 156.

Согласно Пешковскому, предложение распадается на три группы:

1. Отрезки, имеющие собственное ударение, допускающие после себя остановку и распадающиеся на синтагмы. Это — подлинные слова.

«...Здесь при переходе от такого «слова» к «части» слова приходится констатировать действительно резкий скачок в отличие от всех предыдущих звеньев... Этот скачок делается особенно ясен, если обозреть всю схему синтаксического и ритмического дробления речи. На *высших* ступенях ее (фраза, предложение, группа слов) синтаксическое и ритмическое дробление в общем и целом совпадают. В слове *начинается* расхождение: словосочетания синтаксически делятся на слова, а ритмически на такты, которые не во всем совпадают со словами (только общая ударяемая верхушка и возможность для слова быть тактом). Наконец *после* слова происходит уже *полный* разрыв: синтаксически слова делятся на корни и аффиксы, а ритмически на слоги и звуки, и между тем и другим делением нет уже *никакого* соотношения. Таким образом «слово» в этом его собственном значении есть, действительно, великий рубеж, на котором *смысл порывает с ритмом*»¹²⁰.

2. Отрезки, имеющие собственное ударение и допускающие после себя остановку, но не распадающиеся на меньшие синтагмы. Их Пешковский называет бесформенными полными словами.

3. Отрезки, не имеющие названных выше признаков, но вместе с тем не являющиеся частями слов. Это — частичные слова.

«Определение «слова», — резюмирует Пешковский, — очевидно, и будет зависеть от того, какие из этих категорий мы будем называть словами... В сущности, следовало бы иметь три разных термина для каждой из этих категорий, один термин для первых двух, взятых вместе, и один для всех трех. Но традиция дала нам вместо шести терминов один — «слово»¹²¹.

При рассмотрении ассоциативных единиц автор подчеркивает, что сходство одного слова с другим может быть полное или частичное, по звукам или по значению. На основе этого им была создана подробная схема ассоциативных «гнезд» и отмечено наличие множества переходных и переkreщающихся групп. При этом Пешковский указал, «как

¹²⁰ А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 136—137.

¹²¹ Там же, с. 137—138.

условно традиционное деление на «словоизменение» и «словообразование», если эти термины понимать не как категории синтаксических и несинтаксических форм (что относится совсем не сюда, а к учению о частях слова как синтагмах), а в их буквальном смысле, как «изменение слов» и «образование слов»¹²²....

В. В. Виноградов, критикуя концепцию А. М. Пешковского, отмечал «научную бесполезность классификации «слов» у Пешковского» и подчеркивал, что предлагаемые им группировки — это «плод индивидуальной аналитической мысли лингвиста (или поэта), склонного к наивному грамматическому логицизму, к классификационной схематизации или к индивидуально-творческим комбинациям речевых элементов»¹²³. Нам кажется, однако, что если даже рассмотренной выше работе Пешковского и свойственны определенные недочеты, неточности, известный субъективизм (особенно при классификации ассоциативных групп), то тем не менее она представляет значительный интерес как для общего языкознания, так и для тех, кто интересуется психологической стороной речи (здесь даже самый «субъективизм» может оказаться весьма ценным). Недаром В. В. Виноградов признал «остроту и тонкость отдельных его наблюдений, относящихся к структуре слова»¹²⁴.

Наше рассмотрение основных грамматических понятий концепции Пешковского подходит к концу. В заключение предлагаем некоторые выводы:

1. Первоначально взгляды ученого на состав и выделение грамматических единиц опирались на взгляды Ф. Ф. Фортунатова. Части речи классифицировались по формально-морфологическому признаку, члены предложения сохраняли свои традиционные названия. Вместе с тем, на основе изучения формального значения, Пешковский стремился установить строгое соответствие между морфологической и синтаксической классификациями, что привело его в конечном счете к их неправомерному отождествлению, хотя в начале он сам считал их разным подходом к явлениям языка. Этому способствовало стремление подчеркнуть в определении частей речи семантико-синтаксический момент.

2. В дальнейшем А. М. Пешковский стал разрабатывать два основных подхода к языку. Первый наиболее полно воплотился в последнем издании «Русского синтаксиса», второй —

¹²² А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова, с. 140.

¹²³ В. В. Виноградов. Современный русский язык, с. 71, 72.

¹²⁴ Там же, с. 71.

в ряде статей, написанных в двадцатых — начале тридцатых годов. Имея много общего (в частности, усиление синтаксического начала), они отличались направленностью выделения единиц грамматики: первый шел от простых к сложным, второй — от сложных к простым.

3. Центральное место в вопросе о грамматических единицах занимают в «Русском синтаксисе» понятия сказуемости и глагольности. Подчеркивая, с одной стороны, их тесную связь друг с другом, автор, с другой стороны, по ряду причин считает необходимым разграничить сказуемость и глагольность, что приводит к терминологическому разграничению существительного и подлежащего.

4. В своих исследованиях природы грамматических понятий Пешковский стремился связать их с категориями человеческой мысли. Этому же служат его экскурсы в историю их происхождения и приводимые в книге гипотезы о становлении существительного, глагола и других категорий (правда, не всегда уместные, по мнению некоторых критиков).

5. Наряду с переработкой «Русского синтаксиса», Пешковский занимался созданием концепции, где определения единиц давались бы на основе членения потока речи и шли, следовательно, в порядке убывающей сложности. На его поиск в этом направлении влиял ряд факторов, важнейшими из которых были педагогический опыт, усиление синтаксической точки зрения и знакомство с теорией синтагм Соссюра — Карцевского.

6. Пешковский, в соответствии со своими общелингвистическими и общеграмматическими установками всегда уделял большое внимание внешней и внутренней стороне выделяемых единиц, их ритмо-мелодической и семантической характеристике. Подчеркивая взаимосвязь этих факторов, он вместе с тем стремился к их разграничению и уточнению.

7. Используя в трактовке основных грамматических понятий опыт своих предшественников и современников (Фортунова, Потемни, Шахматова, Карцевского и др.), Пешковский вместе с тем подходил к нему критически, стремясь создать полную и адекватно отражающую языковую действительность систему единиц. Хотя это, естественно, не могло удасться ему полностью, грамматические воззрения ученого внесли большой вклад в русское языкознание и представляют и поныне значительный интерес.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ТРУДАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО

Приступая к рассмотрению основных принципов лингвистического анализа в трудах Пешковского, мы хотим предпослать ему несколько вступительных замечаний.

Во-первых, содержание данной главы почти целиком опирается на вопросы, рассмотренные в предыдущих главах, во многих случаях представляя собой их конкретизацию. Это вполне понятно, поскольку, как заметил ученый, «методика всякой науки опирается прежде всего на всю данную науку»¹.

Во-вторых, методика лингвистического анализа разрабатывалась А. М. Пешковским в тесной связи с методикой обучения и преподавания русского языка. Поэтому, хотя рассмотрение педагогических идей А. М. Пешковского не входит в наши задачи, коснуться отдельных взглядов его относительно преподавания русского языка нам неизбежно придется.

Кстати, Пешковский неоднократно указывал, что «ребенок повторяет в сокращенном виде процесс научного исследования» и что «ученик... по самому типу умственных операций ничем не отличается и не может отличаться в этой работе от квалифицированного лингвиста»².

В-третьих, говоря о методике анализа языковых фактов, мы должны будем обратиться к самой структуре работ А. М. Пешковского (в первую очередь, «Русского синтаксиса»), поскольку именно она ярче всего иллюстрирует особенности подхода Пешковского к тем или иным явлениям языка.

Наконец, в-четвертых, отметим, что в оценке методичес-

¹ А. М. Пешковский. О терминах «методология» и «методика» в новейшей литературе. «Русский язык в советской школе», № 2—3, 1931, с. 120.

² А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения, с. 91, 92.

ких особенностей³ Пешковского, как и всего его наследия в целом, в критической литературе существуют большие разногласия. Если С. Карцевский, например, говоря об учебниках Пешковского, отмечает, что подход к явлениям языка «страдает излишним эмпиризмом» (связывая это с общим состоянием всей лингвистики, за исключением последователей Соссюра) и говорит, что они рассчитаны исключительно на индуктивный подход к языку, в то время, как «не следует... упирать исключительно на одну индукцию: в живой мысли индукция и дедукция слиты воедино»⁴, — то Н. Н. Дурново, рассматривая «Русский синтаксис», критикует его автора за противоположный недостаток, отмечая, что автор часто основывает свои определения и выводы на чисто априористических соображениях, подыскивая затем факты для уже готовой схемы⁵.

Разумеется, вопрос о методике лингвистического анализа в первую очередь перекликается с вопросом о том, как решалась Пешковским проблема метода. В главе первой мы отметили, что ученый, соответственно делению языкознания на историческое и описательное, различал, с одной стороны, методы сравнительно-исторический и просто исторический, используемые диахронической лингвистикой, а с другой, — метод экспериментально-сравнительной интроспекции, принадлежащий лингвистике синхронической. Указано было также, что, хотя четко Пешковский изложил эти взгляды в двадцатых годах, различие между двумя подходами к языковым фактам он осознавал уже в ранних своих работах. Вместе с тем на протяжении всей своей деятельности он старался сочетать эти методы друг с другом, в связи с общим своим взглядом на синхронию и диахронию как явления взаимосвязанные.

Поскольку научные интересы А. М. Пешковского лежали, главным образом, в области современного русского языка, постольку, как мы уже говорили, начиная с самых первых работ, когда синхроническая лингвистика еще вообще не выделялась, он главный упор делал именно на современный («семасиологический») подход к языковым фактам, «отводя истории только подсобную роль»⁶. Сравнительно-исторический метод и обращение к истории языка уже в первом изда-

³ Речь идет именно о методике лингвистического анализа, а в связи с ней — и обучения.

⁴ С. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского, с. 25.

⁵ Н. Дурново. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 278.

⁶ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 413.

нии «Русского синтаксиса» используется им, главным образом, не столько в методике исследования, сколько в методике изложения материала (глава о звуковых и семантических изменениях, рассказ о форме рода в глаголе и т. д.) с целью иллюстрировать современный языковой материал и в некоторых случаях, как отмечал Пешковский, — объяснить те или иные его «иррациональности» (см. главу первую нашей работы).

Иное дело анализ синхронический. В известном смысле он также применялся в сравнительно-историческом языкознании XIX в., но носил характер не собственно-лингвистический, а психологический. Ярче всего он проявился в рассуждениях о взаимоотношении между предложением, с одной стороны, и психологическим суждением, — с другой. Нашел себе отражение этот анализ и в известном труде Г. Пауля. Приведем здесь основные мысли его по интересующему нас вопросу.

«...Всякое предложение, — пишет Пауль, — состоит по меньшей мере из двух элементов. Эти элементы неодинаково относятся друг к другу, они отличаются по своей функции. Их принято называть подлежащим и сказуемым. Правда, мы должны отличать психологическое подлежащее (или соответственно сказуемое) от грамматического, поскольку... они не всегда совпадают. Но тем не менее их грамматические отношения строятся лишь на основе отношений психологических. Психологическое подлежащее — это та совокупность представлений, которая с самого начала имеется в сознании говорящего и к которой затем присоединяется другая совокупность — психологическое сказуемое»⁷. Каждый член предложения, следовательно, может быть, с психологической точки зрения, либо подлежащим, либо сказуемым, либо связующим членом, либо частью одного из этих членов.

Как в психологическом суждении наличны два исходных члена — психологический субъект и психологический предикат — так и предложении выделяются подлежащее и сказуемое. Из исходной двучленной формы предложения можно вывести и все остальные.

Задача лингвиста и будет состоять в том, чтобы соотнести языковой материал с психологическим и показать взаимосвязь между различными типами предложений и психологическим суждением.

Психологический подход к языку, как известно, характерен и для Ф. Ф. Фортунатова. Из него он исходит в конечном итоге в своем учении о словосочетании. «Учение Фортунато-

⁷ Г. Пауль. Принципы истории языка, с. 147.

ва о психологическом суждении, в котором он выделяет психологическое сказуемое и психологическое подлежащее, соответствует основным положениям психологического синтаксиса Г. Пауля»⁸. А. С. Чикобава также отмечает, что для Фортунатова «предложение есть выражение психологического суждения»⁹.

Таким образом, анализ предложения как языкового факта в известной мере подменялся анализом процессов, происходящих, по мнению лингвиста, в человеческой психике. Однако не следует забывать и того обстоятельства, что психологические теории предложения в известной мере способствовали более углубленному вниманию к внутренней стороне речи, а отчасти стали источником для разрабатывавшейся впоследствии в Пражской школе теории актуального членения предложения.

Так или иначе у Пешковского были все основания примкнуть к господствовавшей в его время психологической концепции. Естественно, что он начинает с анализа человеческой психики.

По его мнению, следует различать три типа мышления: доязыковое, языковое и сверхъязыковое («мышление поверх слов»). «...Это, в сущности, 3 стороны всякой нашей мысли: всегда перед тем, как мы скажем что-нибудь, или подумаем словами, у нас проносятся бессловесные образы; всегда за ними следуют, по крайней мере в зачаточном виде, словесные представления; всегда, наконец, мы сознаем, что сущность нашей мысли могла бы быть выражена и другими словами и формами, т. е. сознаем чисто-логические отношения между понятиями»¹⁰.

Языковедение ставит своей целью изучение языкового типа мышления. Схема «психологический субъект + психологический предикат» в наиболее чистом виде воплощается в двухчленном предложении. Поэтому Пешковский подчеркивает: «Главнейшей формой словосочетания, лежащей в основе всех остальных, является в нем так назыв. «нераспространенное предложение», т. е. «именительный падеж имени + согласуемый с ним глагол»... Значение всего словосочетания может быть определено так: «такой-то предмет производит такой-то свой признак»¹¹. Более сложные формы можно рассматривать

⁸ Т. А. Амирова и др. Очерки по истории лингвистики, с. 451.

⁹ А. С. Чикобава. Проблема простого предложения..., с. 64.

¹⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 118—119.

¹¹ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 18; Русский синтаксис, изд. I, с. 190.

как его распространение, а более простые (одночленные) — как полученные вследствие отсутствия выражения уже известного — психологического подлежащего. Поскольку таким образом один из членов психологического суждения может быть как выраженным, так и отсутствующим, постольку предложения можно разделить на полные и неполные. «...С грамматической точки зрения полное предложение есть не что иное, как определенная форма сочетания... Соответственно определится и неполное предложение, как недостаточный тип сочетания, как та же комбинация, что установлена для полного предложения, но усеченная, лишенная тех или других форм»¹².

Само «предложение», как указывает Пешковский, — термин логико-психологический; в традиционном его понимании, как «мысли, выраженной словами», отразился взгляд, согласно которому формам словосочетаний соответствуют отдельные мысли, т. е. логико-психологические суждения. «Теперь мы должны рассмотреть, в какой мере все эти традиционные утверждения являются истинными ... нас будет занимать ... вопрос о соответствии или несоответствии... основных форм словосочетаний основным формам языкового мышления... Задача наша будет — определить, в каком отношении к общей форме мышления стоят ... специальные формы языкового мышления»¹³.

Как и Г. Пауль, Пешковский начинает свой анализ с характеристики психологического ударения, которым отмечается в речи каждое психологическое суждение. Это ударение (соответствующее традиционному логическому) более сильно, чем то, которое существует в отдельном слове. «Совершенно невозможно высказать что-либо, не сделав такого ударения хотя бы на *одном* из высказанных слов. Речь без таких ударений уподобилась бы звукам говорильной машины и для живого *мыслящего* существа невозможна. Если все высказывание состоит из одного слова... то это слово произносится обычно *с той самой силой* ударения, с какой произносится выделенное психологическим ударением слово, когда их несколько. С другой стороны, каждый сам по себе может заметить, что употребляя в речи на небольшом протяжении ... несколько ударений ... он испытывает при каждом ударении особое ощущение усилия, и не только чисто речевого, т. е. старания произнести эти слова сильнее и громче, но и какого-то внеязыкового усилия, лежащего в основе язы-

¹² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 114.

¹³ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 25—26.

кового, какого-то как бы психологического центра речи, момента наибольшей заинтересованности, наиболее *активного* отношения к мыслимому и говоримому. Это переживание и есть отдельный волевой акт, который... характерен для каждого отдельного психологического суждения, и таким образом непосредственное самонаблюдение доказывает, что *сколько психологических ударений* в речи, столько скрывает за ней *психологических суждений*»¹⁴.

Конкретное исследование соотношения между членами психологического суждения и предложения связано с рядом трудностей. На первый взгляд оно вообще отсутствует: психологическое ударение может падать на любой член предложения, поскольку психологический субъект и психологический предикат могут быть выражены любым членом; в одном предложении может быть несколько психологических ударений и т. д. Однако Пешковский считает, что более глубокий анализ способен выявить в кажущемся хаосе определенную закономерность. Для этого используется ряд приемов.

Первый прием — это стилистическая дифференциация речи по степени аффективности. Согласно автору, чем меньше аффективность, тем больше степень совпадения между суждением и предложением. «В научном языке, — отмечает Пешковский, — по нашим наблюдениям, число предложений и границы их всегда в точности соответствуют числу и границам возможных психологических суждений ... Таким образом, в наиболее *объективной* сфере языка предложение действительно оказывается выражением отдельного психологического суждения»¹⁵.

Второй прием — наблюдение за распределением ударения по членам высказывания. Оно показывает, что далеко не каждый член может нести на себе ударение, т. е. являться психологическим сказуемым. В частности, для русского языка ударение на приименном дополнении представляется необычным; ударение на грамматическом подлежащем (т. е. выступление его в качестве психологического сказуемого) влечет за собой постановку его в предложении после грамматического сказуемого. «Значит, — заключает Пешковский, — между членами суждения и членами предложения все-таки оказывается какая-то связь, но только более *сложная*, чем это обычно предполагается. Обычность ударения на *приглагольном* дополнении можно понимать как результат

¹⁴ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 26—27.

¹⁵ Там же, с. 29.

того, что сказуемое со *всеми зависящими от него членами* все-таки выражает психологич. сказуемое, при чем ударение попадает только на одно слово, выражающее часть этого сложного ... Перестановку подлежащего и сказуемого в тех случаях, когда на подлежащем ударение, можно понимать как стремление говорящего хотя бы порядком слов, соответствующим порядку представлений, компенсировать тот разлад, который получился между психологической стороной речи и грамматической. Наконец, усиление ударения на подлежащем, когда оно выражает психол. сказуемое и стоит на первом месте... можно понимать, как результат наибольшего расхождения грамматики и психологии»¹⁶. В этой связи Пешковский подчеркивает, что само значение сказуемого соответствует внутренней связи между членами психологического суждения, поскольку именно его формы выражают отношение, новое для мысли, тогда как значения подлежащего или определения суть значения, уже открытые мыслью.

Проведенный анализ приводит автора к выводу, что «прямого соответствия между предложением и психологическим суждением и между членами того и другого *в языке нет*, но в нем замечаются *две противоположные тенденции*: одна — провести это соответствие, другая — нарушить, запутать, видоизменить его»¹⁷. Здесь описательный анализ дополняется включением исторического момента.

Подобно Г. Паулю, Пешковский склонен думать, что первоначально между членами психологического суждения и членами предложения существовала полная гармония, т. е. полное соответствие их друг другу. Таким образом, первая тенденция связана с самой сущностью глагольного предложения.

Вторая тенденция находит объяснение в психологии речи и объясняется подсознательностью языковой формы и автоматическим характером процесса говорения. «В центре внимания всегда стоит то, *что* мы говорим, а не то, *как* мы говорим, — указывает Пешковский. — Отдельные формы слов и словосочетаний, нами употребляемые, так же мало замечаются нами, как отдельные движения ног, составляющие столь сложный и так подробно изучаемый в физиологии процесс ходьбы. Ясно, конечно, что чем *древнее* форма, чем *исконнее*, чем *«основнее»* она, так сказать, для языка, тем привычнее она становится, тем глубже она спускается в область подсознательного и тем легче она облекает собой всякое психоло-

¹⁶ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 31.

¹⁷ Там же, с. 32.

гическое содержание. В этом отношении для формы нераспространенного и распространенного предложения соперников нет. Ведь это — самые *основные* и самые *общие* формы словосочетаний языка, по отношению к которым все остальные являются лишь разновидностями и частностями. Поэтому-то здесь и наблюдается наибольшее расхождение между психологией и грамматикой»¹⁸.

Впоследствии, как уже отмечалось в главе первой, Пешковский сделал попытку отказаться от психологической трактовки предложения и заменить ее собственно языковыми наблюдениями. Однако опора на психологию в известном смысле сохраняется и в последнем издании «Русского синтаксиса», в частности, при рассмотрении глагола: «...В глаголе и только в глаголе мы имеем то сцепление воли с представлением, которое рождает мысль. Психология учит нас, что процесс мышления тем именно и отличается от простой ассоциации представлений, что в нем мы соединяем наши представления, а не они соединяются в нас... мысль есть активное соединение представлений, а глагол выражает действие, т. е. активное отношение предмета к своему признаку. Нельзя не видеть здесь полного соответствия»¹⁹. С другой стороны, в самом определении метода описательного языкознания как экспериментально-сравнительной *интроспекции* и подчеркивании того, что «в описательном языковедении, совершенно одинаково и в грамматике и в словаре, исследователь оперирует только с непосредственными данными внутреннего опыта»²⁰ — также можно найти отголоски психологического анализа языковых фактов.

Второй вопрос, который нам необходимо рассмотреть, — это проблема соотношения внешнего и внутреннего анализа — иначе говоря, вопрос относительно взаимосвязи между звуковой и значимой сторонами языка и методами ее обнаружения. Пешковский отмечал, «что здесь яростно борются два методологических течения, которые можно коротко обозначить лозунгами: «от звуков к значениям» и «от значений к звукам». Первое развилось на почве сравнительно-исторических изучений. Второе провозглашено в последнее время некоторыми французскими лингвистами. Оба течения сознают се-

¹⁸ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 32.

¹⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 169.

²⁰ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения, с. 90.

бя именно методологическими и именно в этом качестве противопоставляют себя друг другу»²¹.

Как мы видели в главе о форме и значении, одним из основных принципов Пешковского на всем протяжении его деятельности был принцип неразрывной связи звуковой и значимой сторон языка, хотя на первых порах в соответствии с традициями формального направления и в связи со стремлением резче отграничить свои труды от традиционной школьной грамматики он подчеркивал важность именно внешней стороны. Следует отметить, что углубляя впоследствии семантическую базу своей концепции и отозвавшись о некоторых своих работах как о пропитанных «звукоедством», Пешковский отнюдь не ослаблял внимания к внешней стороне языка и в своей полемике с Карцевским отметил, что для него «неприемлемо... систематическое недооценивание С. И. Карцевским *звуковой* базы языка»²². Считая взаимосвязь звуковой и семантической стороны объективным фактом языка, Пешковский подчеркивал, что представители каждого из борющихся направлений по сути дела проделывают обе стороны лингвистического анализа, только одна из них выступает в неявной форме. Как мы видели в главе второй, еще в первом издании «Русского синтаксиса» ученый подчеркнул равноправность вопросов «из каких форм слагается в настоящее время в русском языке полное предложение» и «какими формами выражаются в русском языке психол. подлежащее, психол. сказуемое и соотношение между ними»²³. В двадцатых годах это получает уже теоретическую формулировку: «...Мы никогда не вскрываем значений в звуках и никогда не ищем звуков для значений. Да это и было бы невозможно при том единстве звука и значения, которое так глубоко проанализировал Де-Соссюр. Раз звука без значения в языке нет (ведь даже отдельный звук — это фонема, т. е. дифференциальный носитель значения) и значения без звука тоже, то как же можно исходить из звука или исходить из значения? Как можно исходить из того, чего как отдельной величины нет и чего как отдельной величины даже и представить себе нельзя? Можно только удивляться, как некото-

²¹ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения..., с. 84.

²² А. М. Пешковский. Ответ С. И. Карцевскому, с. 56.

²³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 114.

(ср. отзывы М. Н. Петерсона и Л. А. Булаховского о проявившемся здесь влиянии А. А. Потебни).

рые ученые, стоя целиком на позиции Де-Соссюра, настаивают все же на том, что надо идти от звука к значению, а другие, стоя на той же позиции, настаивают на обратном. В описательном языковедении мы изучаем только звукозначения и их взаимные соотношения»²⁴. Поэтому Пешковский считает, что спор здесь «протекает на самом деле не в плоскости метода, а скорее в плоскости порядка исследования, и, может быть, даже только порядка изложения предмета»²⁵. Здесь уже все зависит от материала и — поскольку речь идет о преподавании — от способности обучаемых воспринять его в каждом конкретном случае, однако всегда необходимо «опасаться бездушной игры в звуки» и следить, «чтобы смысловая сторона по возможности не затенялась звуковой»²⁶.

Таким образом, лингвистический анализ протекает путем исследования данных внутреннего опыта, причем языковед «их вырывает из естественных условий, планомерно облегчает себе наблюдения над ними при помощи сопоставлений и сравнений, создает даже совершенно противоестественные иной раз комбинации фактов ... и с помощью всех этих средств проникает в те соотношения, благодаря которым они все вместе образуют языковую систему»²⁷.

Мы подошли к третьему и, пожалуй, интереснейшему компоненту методики Пешковского — эксперименту.

Как известно, из советских лингвистов наиболее усиленно занимался экспериментом Л. В. Щерба. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует попробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата... Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря и т. п.... Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике»²⁸. По мнению

²⁴ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения..., с. 88.

²⁵ Там же, с. 84.

²⁶ Там же, с. 93.

²⁷ Там же, с. 90—91.

²⁸ Л. В. Щерба. О тройком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система..., с. 32.

Л. В. Щербы, успешное занятие этими областями без эксперимента вообще невозможно. Схожего мнения придерживался и А. М. Пешковский, разрабатывавший методику эксперимента в двух областях: стилистике и грамматике.

Мы уже отмечали в главе первой нашей работы, что разработке вопросов стилистики Пешковский уделял большое внимание. Основным приемом стилистического анализа он считал именно эксперимент, подчеркивая, что речь идет об эксперименте «в буквальном смысле слова, в смысле искусственного придумывания стилистических вариантов к тексту»²⁹...

Исходным пунктом и теоретической основой эксперимента является для ученого принцип системности. «Так как всякий художественный текст, — пишет он, — представляет собою систему определенным образом соотносящихся между собою фактов, то всякое смещение этих соотношений, всякое изменение какого-либо отдельного факта ощущается обычно чрезвычайно резко и помогает оценить и определить роль элемента, подвергшегося изменению»³⁰.

Разумеется, речь идет не о замене менее удачных вариантов более удачными. Напротив. «Всякий художественный текст, поскольку он истинно художественен, не выносит замены одного слова другим, одной грамматической формы — другой, одного порядка слов — другим и т. д.»³¹. Поэтому, в предлагавшемся Пешковским эксперименте со вступительной фразой из «Песни торжествующей любви» И. С. Тургенева, где глагол «вычитал» («Вот, что я вычитал в одной старинной итальянской рукописи») заменяется другими («прочитал», «нашел») — полученные варианты всегда хуже тургеневского текста. Однако именно в этих «отрицательных результатах» и содержится громадная положительная роль эксперимента (ср. приведенное выше замечание Л. В. Щербы). «...Если вы постараетесь вскрыть причину этого ухудшения, — указывает автор, — то вы придете к известным положительным выводам относительно самого текста, в частности относительно той системы соотношений языковых фактов, которую он представляет»³². Показывая далее причину возникшей неудачности (одни глаголы меньше подходят к образу, другие имеют другой материаль-

²⁹ А. М. Пешковский. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. «Вопросы методики»..., с. 133.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 133—134.

ный оттенок, третьи нарушают аллитерацию и т. д.) — Пешковский резюмирует: «Мы видим, что подстановка неудачных вариантов и, что самое главное, исследование причин их неудачности приводит нас к пониманию причин удачности текста. Вот это-то я и называю экспериментальным приемом анализа, и этот прием я считаю правой рукой аналитика»³³.

Эксперимент, по мысли ученого, охватывает все стороны языка произведения: звуки, их соотношение с содержанием, ритм, словарь — включая, естественно, и грамматику. И тут уже встает вопрос об отличии стилистического эксперимента от собственно-грамматического, при ответе на который Пешковский подчеркивает, что при исследовании грамматики со стилистической точки зрения «речь может идти, конечно, только о тонких оттенках, о нюансах, потому что стилистика вообще ведает только ими. Разница между *посылаю брата* и *посылаю брату*, как ни тонка и ни трудна она для анализа сама по себе, все еще слишком груба для стилистики. Эта разница не стилистическая. А вот *сделал мне* и *сделал для меня* будет уже разницей не только грамматической, но и стилистической. Точно так же *взял на нож* и *взял ножом* различны только грамматически, а *швырял камни* и *швырял камнями* — и грамматически и стилистически. Другими словами, изучаться и сравниваться здесь должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, т. е. значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу. При этом синонимы, *совершенно* тождественные по значению..., а также синонимы, всецело диктуемые словарем... тоже должны будут выпасть из поля наблюдения»³⁴.

Говоря об эксперименте в области грамматики, имеют в виду обычно последнее издание «Русского синтаксиса в научном освещении», где он действительно «применяется очень широко при исследовании самых различных явлений»³⁵ (хотя в нем нет теоретического осмысления экспериментального принципа как такового). Нам представляется, что это можно рассматривать как результат всей предшествующей деятельности Пешковского и как лингвиста-теоретика, и как педагога — практика. Стремление объяснить те или иные языковые факты, с одной стороны, и обеспечить правильное усвоение их уча-

³³ А. М. Пешковский. Принципы и приемы..., с. 134.

³⁴ Там же, с. 153.

³⁵ См. об этом: Р. А. Будагов. Постановка эксперимента в «Русском синтаксисе А. М. Пешковского». В кн.: Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974.

щимися — с другой, приводило его к экспериментальному изучению данных явлений.

Поясним сказанное. В традиционном школьном разборе решающую роль при анализе того или иного слова играли так называемые «вопросы». Любопытно, что такой ярый противник традиционной логической грамматики, каким считал себя Е. Ф. Будде, не только не отказался от них, но и утверждал, что «система вопросов» ... остается *единственно* научно-правильным приемом для определения синтаксических отношений между предложениями»³⁶.

По-иному уже в начале своей деятельности смотрел на них А. М. Пешковский, впоследствии писавший, что «вопросы» — это могила понимания, это дурман, одинаково наводящий тяжелый и безумный сон и на учителя и на учеников»³⁷, с которым необходимо бороться. Остановимся на ходе этой «борьбы» несколько подробнее.

В первом издании «Русского синтаксиса» отмечается, что «метод вопросов может свести что угодно к чему угодно»³⁸. Но этот метод еще не изгоняется совсем, а только ограничивается. В связи с этим Е. Ф. Будде заметил: «Сам автор пользуется «методом вопросов» в своей книге, а потому нельзя высмеивать этот метод, как это делает автор в нескольких местах своей книги»³⁹. Ответ Пешковского отражает известную двойственность тогдашней его позиции: «Но высмеиваю я их как орудие исследования, а применяю как орудие пояснения в популярной книге.

...Я вслед за Потемной ... считаю их для науки *совершенно* ненужными и признаю за ними лишь педагогическое значение, и то весьма ограниченное ... вопрос не дает ничего *нового*. А метод, не дающий мысли ничего нового, не есть научный метод»⁴⁰.

На этом Пешковский не остановился. В «Школьной и научной грамматике» дана еще более резкая критика: «Метод вопросов, сыгравший очень печальную роль в истории теоретической разработки синтаксиса ... оказался не менее роковым и в школе... К несчастью, из учебного средства, из своего рода «наглядного пособия» он превратился ... именно в метод

³⁶ Е. Ф. Будде. Вопросы методологии русского языкознания, с. 75.

³⁷ А. М. Пешковский. Вопрос о «вопросах». «Избранные труды», с. 34.

³⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 271.

³⁹ Е. Ф. Будде. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 351.

⁴⁰ А. М. Пешковский. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, с. 413—414.

отыскивания синтаксической истины. ... В этом отношении вопросы принесли неисчислимый вред»⁴¹. И взамен его он предлагает использовать в морфологии и (в меньшей мере) синтаксисе метод подстановки, т. е. экспериментирования.

Наконец, в двадцатых годах проблема эта получает в трудах Пешковского свое завершение. Прежде всего исчезает двойственность в отношении к ним, и вопросы признаются ненужными не только в морфологии, но и в синтаксисе. Далее дается детальная их критика с разных точек зрения, в результате которой ученый приходит к выводу, что сами «вопросы» «есть один из видов грамматического экспериментирования, в частности, один из видов подстановки...»⁴². А поскольку это есть «неудачный вид экспериментирования... неудачный вид подстановки»⁴³, то вполне естественно, что вопросы «должны быть заменены удачным экспериментированием, в частности удачной подстановкой», причем «виды экспериментов могут быть чрезвычайно разнообразны»⁴⁴. Так принцип экспериментирования теоретически осмысливается как важнейшее средство исследования языка.

Другой пример. Русскими лингвистами двадцатых годов большое внимание придавалось проблеме сочинения и подчинения. Старое учение о паратаксисе и гипотаксисе вызывало немало критических замечаний, и М. Н. Петерсон, говоря о формальном синтаксисе, подчеркивал, что в нем «нет места ... сочинению и подчинению»⁴⁵.

А. М. Пешковский признал остроумие критики Петерсоном традиционного понимания сочинения и подчинения. Перед самим Пешковским вопрос о них встал еще при работе над первым вариантом «Русского синтаксиса». Ознакомимся с его тогдашними взглядами.

«Отграничить подчинение предложений от сочинения на основании специальных синтаксических внешних признаков казалось мне невозможным, — писал Пешковский, — так как и то и другое выражается у нас одними и теми же грамматическими средствами»⁴⁶. Ввиду этого критерием для различения их друг от друга был в книге Пешковского чисто лексический признак — значение союзов, на нелогичность которого указал сам автор («хотя» с логической точки зрения равно

⁴¹ А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика, с. 59.

⁴² А. М. Пешковский. Вопрос о «вопросах», с. 35.

⁴³ Там же, с. 42.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка, с. 33.

⁴⁶ А. М. Пешковский. Синтаксис в школе, с. 105.

«но»). Отметил ученый и то обстоятельство, что «положительное определение выпадает на долю только подчинения, как такого соединения предложений, при котором в значении союза есть признаки несовпадения моментов обеих соединяемых мыслей с моментом соединения их. Сочинение же определяется отрицательно, как соединение с помощью союзов, не имеющих этой особенности в значении. Такое понимание подчинения и сочинения, субъективность и спорность которого я вполне признаю, подтверждается, как мне кажется, еще и тем, что и частные значения подчинительных союзов все связаны именно с *неодновременностью* моментов внимания по отношению к обоим мыслям (сравнение, причинность, уступление, цель, следствие и т. д.)»⁴⁷.

Итак, автору понимание подчинения и сочинения в изложенном выше виде кажется «субъективным и спорным» (хотя он допускает вдобавок к изложенным выше признакам и то, что «возможно, что дальнейшее изучение ритмико-мелодической стороны сложного предложения откроет и определенную произносительную разницу между подчинением и сочинением») ⁴⁸. Казалось бы, после знакомства с критикой М. Н. Петерсона критицизм и скептицизм ученого должны были углубиться. Однако произошло обратное. Считая основой синтаксиса понятие зависимости одних членов от других (ср. приведенные в предыдущей главе слова его об отличии «главного от второстепенного» как о стержне языковой системы), Пешковский подчеркивает, что Петерсон рушит ее и вместе с ней все здание современного синтаксиса. «Но если бы удалось укрепить эту основу, если бы удалось довести до конца осознание ее, если бы удалось столкнуться в ее формулировке, здание осталось бы на своем месте и потребовало бы, может быть, только частичного ремонта»⁴⁹. Для этой цели Пешковский использует эксперимент с обращением.

По его мнению, можно выделить два типа синтаксических отношений между словами внутри предложения. Первый — подчинительный (неравносторонний, непараллельный и т. п.). Здесь звуковой показатель отношения имеется только в одном из соотносящихся. Формула такого отношения: $A:B = I = B:A$ (при символическом изображении $A \rightarrow B$).

Второй тип — сочинительный (равносторонний, парал-

⁴⁷ А. М. Пешковский, Синтаксис в школе, с. 107.

⁴⁸ Там же, с. 107 (примеч.).

⁴⁹ А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? «Избранные труды», с. 132.

лельный и т. п.), где показатель отношения имеется в каждом из соотносящихся. Здесь формула $A:B = B:A$, а символическое изображение — $A < - > B$.

Понятия эти тесно связаны с семантической стороной языка. Рассматривая сочетание «ножка стола», Пешковский пишет: «Отношения представлений между собой здесь взаимно не совпадают, потому что представление о ножке не так относится к представлению о столе, как представление о столе к представлению о ножке: ножка «принадлежит» столу, но стол «не принадлежит» ножке. С этим связана и необратимость подобных отношений: нельзя сказать «стол ножки»⁵⁰. В тех же случаях, когда внешне такая перестановка допустима (брат учителя — учитель брата), эксперимент выявляет полярную разницу отношений между словами.

Говоря о втором типе отношений (совпадающих обратимых и т. д.), Пешковский отмечает, что они обозначают один и тот же реальный предмет и потому относятся друг к другу совершенно одинаково. При этом он оговаривает: «Логически и словарно они часто бывают в неравных отношениях друг к другу (например, в словосочетании гражданин Иванов они относятся друг к другу как видовое понятие к единичному и единичное к видовому, в словосочетании *школа — семилетка* — как родовое понятие к видовому и обратно, в словосочетании *красавица-зорька* — как признак к предмету и обратно и т. д.), и это лежит в основе школьного учения о «приложении»⁵¹. Но это, по Пешковскому, не меняет грамматической природы дела, ибо отличие между Иванов-гражданин и гражданин Иванов — чисто стилистическое. «В словосочетании *брат учителя* мы можем даже и без перестановки слов произвести такие изменения, из которых ясно будет, что представления здесь не одинаково относятся друг к другу: *брат учителя* и *учителя брат* (менее обычный словопорядок) обозначают одно, а *учитель брата* и *брата учитель* (то же замечание) — другое. Напротив, в словосочетании *брат-учитель* мы никакими средствами не можем вызвать ни внешне, ни внутренне подобных перемен...»⁵².

Аналогично исследуются словосочетания, отношения в которых выражены служебными словами. Здесь подчеркивается различие между союзными и предложными сочетаниями. Эксперимент с первыми, согласно Пешковскому, приводит к формуле $A:B = B:A$, т. е. к отношениям обратимости. Правда,

⁵⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, с. 54.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 55.

он оговаривает, что «при противительных союзах ... получается при перестановке какой-то сдвиг, но этот сдвиг, по-видимому, чисто психологический, а не грамматический. При этих союзах второе из противопоставляемых представлений всегда кажется важнее первого (строг, но **справедлив**), и это сохраняется и при обращении (**справедлив**, но **строг**). Но самого отношения противоположности данных двух представлений это не касается, так как противоположность эта ощущается совершенно одинаково и в том и в другом случаях»⁵³.

Что же касается связи слов в предложных сочетаниях, то здесь эксперимент приводит либо к невозможным сочетаниям (ключ от замка — замок от ключа), либо к смысловым сдвигам (человек без зуба — зуб без человека), т. е. налицо подчинение.

Переходя к сложному предложению («сложному целому»), Пешковский пишет: «В первых изданиях своего «Русского синтаксиса в научном освещении» я пытался, исходя из буквального смысла термина «подчинение», вскрыть в значениях подчинительных союзов элементы неравноправности соединяемых ими мыслей, преобладания одной из них над другой, хотя бы и не логического, а чисто психологического. В настоящее время такая точка зрения не кажется мне продуктивной. ...Теперь мне кажется более целесообразным исследовать сами отношения, выражаемые союзами, со стороны их обратимости и необратимости, как это мы сделали с отношениями внутри предложений. Подходя к вопросу с этой точки зрения, мы увидим, что те союзы, которые употребляются внутри предложений, обозначают и между отдельными предложениями отношения обратимые, а все остальные союзы и союзные слова — необратимые. С этим связан и ряд других отличий в предложениях, соединяемых союзами последнего рода. Таким образом, разницу между сочинением и подчинением я провожу теперь там же, где проводил ее в 1914 г. (союзы, употребляющиеся в слитном предложении — сочинительные, а все остальные — подчинительные), но самое содержание понятий сочинения и подчинения меняю в корне»⁵⁴. Вместе с тем Пешковский подчеркивает, что «обратимость или необратимость отношений, выражаемых союзами, зависит, конечно, только от значений самих союзов»⁵⁵, что «исследуя обратимость или необ-

⁵³ Там же, с. 56.

⁵⁴ А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке..., с. 139—140.

⁵⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, с. 465.

ратимость отношения, выражаемого тем или иным союзом, надо все время помнить, что речь идет только о значении союза и ни о чем больше»⁵⁶, связывая тем самым новый подход со старым.

Таким образом, экспериментальная проверка является, по мнению автора, надежным методом и при анализе отношений между предложениями. В случае сочинения эксперимент не меняет заключающегося в предложении смысла (Язык мой немеет и взор мой угас — взор мой угас и язык мой немеет) в случае же подчинения эксперимент либо приводит к полной бессмыслице (он говорит, что хозяин приехал — хозяин приехал, что он говорит), либо, как это было и в отношениях между словами, к случаям, когда «перестановка будет лексически и стилистически возможна, но тем яснее будет сдвиг выражаемого союзного отношения»⁵⁷. (Он не был в классе, потому что заболел — он заболел, потому что не был в классе).

Пешковский не обходит и тех трудностей, с которыми сталкивается экспериментальный анализ сочинения и подчинения. Так, при исследовании сочинительной связи можно обнаружить, что «многие случаи этого рода противятся перестановке. Но, исследуя причины такого противодействия, мы всякий раз находим их не в значении самого союза и не в неразрывности связи его с вводимым им предложением, а в различных побочных, привходящих обстоятельствах»⁵⁸. Обстоятельства эти подвергаются тщательному анализу, который приводит Пешковского к следующим выводам.

В одних случаях обращение, приводящее к нелепости (Дверь раскрылась и вошла Марья Павловна), перевертывает хронологию. Однако сами союзы, могущие соединять самые различные по времени факты (одновременные, последовательные и вневременные), никакой временной последовательности не выражают, а выражается она последовательностью самих предложений. «Немудрено, поэтому, что, перевертывая предложения, мы перевертываем факты, но к значению союзов это в данном случае никакого касательства не имеет»⁵⁹. Аналогично обстоит дело с оттенками причины и следствия в предложениях типа «становилось жарко и я поспешил домой».

В других случаях обратимость отношения, выраженного

⁵⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, с. 466.

⁵⁷ А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке..., с. 144.

⁵⁸ Там же, с. 141.

⁵⁹ Там же.

союзом, нейтрализуется необратимостью, вызванной местоимением (На острове том есть могила, а в ней император зарыт). Эксперимент с устранением или переносом местоимения дает возможность успешного эксперимента и с перестановкой (Император зарыт в могиле, а могила (она) находится на острове).

Наиболее трудный случай, по мнению автора, — это наличие уступительного характера в первом из предложений, соединенных противительным союзом (Бей, но выслушай!), где эксперимент требует замены противительного союза уступительным (Выслушай, хотя и бей). «Однако и тут, — считает Пешковский, — углубленный анализ вскрывает те особые условия, которые создают необратимость отношения и которые со значением самого союза, собственно, не связаны. Эти особые условия заключаются здесь в предыдущей и последующей речи, причем наравне с предыдущей речью может влиять и обстановка речи... Здесь в сущности... *mutadis mutandis* происходит то же самое, что при последовании фактов, выраженном соединительными союзами: порядок предложений выражает порядок мыслей, а этот последний обусловлен общим порядком изложения, т. е. ближайшим образом непосредственно предшествующей и непосредственно последующей речью. Как там перестановка перевертывает хронологию, так здесь она перевертывает ассоциативный ход мыслей, не меняя отношения между ними. И чем крепче у первой мысли ассоциации с предыдущим, а у второй с последующим, тем труднее, очевидно, переставить их, оставляя в той же связи. Но поскольку возможно их изолировать, постольку их можно и переставить»⁶⁰.

Наконец, эксперимент может быть затруднен вследствие наличия особых стилистических условий (Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен). Однако некоторые предварительные перемещения обеспечивают его положительный результат и тут (Княжеский дар волхвам не нужен, а они не боятся могучих владык). «Очевидно, — резюмирует Пешковский, — и тут дело не в значении союза и не в неразрывности связи его с предложением, которое он собой начинает»⁶¹.

Что же касается подчинения, то здесь «перестановка с сохранением союза на прежнем месте (т. е. в сущности отрыв предложения от его союза) никогда и ни при каких

⁶⁰ А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке..., с. 143.

⁶¹ Там же.

условиях невозможна»⁶², т. е. все эксперименты дают отрицательный результат. Касаясь предложений, связанных временными и сравнительными союзами, Пешковский указывает, что, на первый взгляд, эксперимент с их обращением дает тот же результат, что и эксперимент с предложениями, связанными сочинительной связью и выражающими последовательность действий, либо с предложениями, связанными противительным союзом (Только что я вошел в опушку, вальдшнеп со стуком поднялся из куста — Только что вальдшнеп со стуком поднялся из куста, я вошел в опушку; Он говорит, точно горохом сыплет — Он горохом сыплет, точно говорит). «Но дело все в том, — указывает ученый, — что здесь сам союз обозначает временное последование или сравнительную ассоциативную связь, так что порядок предложений здесь не играет роли... и, следовательно, переменной порядка самой по себе нельзя объяснить перемены отношения, как это было при сочинении. Остается только одно объяснение: перемена отношения вызвана отрывом союза от того предложения, которое он собой начинает, и прикреплением его к другому предложению. А если так, то союз здесь не ритмически только примыкает к своему предложению, а составляет его органическую формальную принадлежность, какую составляет морфема в отдельном слове. Другими словами, здесь показатель отношения не только внешне, но и внутренне помещен лишь в одном из соотносящихся, что и создает подчинительный тип сочетания»⁶³. К дополнительным внешним признакам подчинения Пешковский относит различные особенности форм сказуемости и возможность вставки подчиненного предложения в разные пункты подчиняющего (Когда я приехал, все были дома — Все, когда я приехал, были дома), опирающуюся на тот же экспериментальный принцип.

Рассмотренная выше экспериментальная методика выявления типов связи и основанная на ней теория обратимости — необратимости вызвала к себе разное отношение в языковедческой литературе.

Резче всего выступил против нее В. В. Виноградов. По его мнению, теория эта «чересчур обща, формальна, схематична, недостаточно грамматична и не считается с смысловым

⁶² А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке..., с. 141.

⁶³ Там же, с. 145.

содержанием речи и с многообразием ее конструкций»⁶⁴, в виду чего «носит схематический и односторонний характер» и «не вооружает современного советского языковеда новыми плодотворными идеями»⁶⁵.

Критически отнесся к теории Пешковского и Н. Н. Дурново, отмечавший, что «установленный Пешковским принцип обратимости и необратимости как признак сочинения и подчинения наталкивается... на трудности» и в конечном итоге «этот критерий оказывается недостаточным»⁶⁶.

По-иному смотрит на методику Пешковского С. И. Карцевский: «Ему удалось обнаружить, — отмечал он, — что морфологический план языка действительно различает сочинение и подчинение, что это не есть только логико-психологическое отношение, внеязыковое, и тем самым разрушить все построение М. Н. Петерсоном «ультра-формального синтаксиса»⁶⁷. Правда, Карцевский считает необходимым дополнить разграничение сочинения и подчинения выделением внесения — вводных элементов фразы.

Любопытна точка зрения А. И. Белова. Соглашаясь с В. В. Виноградовым в том, что понятия обратимости и необратимости «ограничены и в целом несостоятельны, т. е. не отражают сложных диалектических отношений между сочинением и подчинением»⁶⁸, он тем не менее указывает: «Подходя к этому вопросу исторически, следует подчеркнуть, что рассуждения Пешковского о сочинении и подчинении в свое время имели прогрессивное значение: глубокий и тонкий синтаксический анализ языковых фактов современного русского языка, возбуждал научный интерес к нему, будил мысль и обострял чутье языка и его стилистическое восприятие»⁶⁹. А для учителя, по мнению Белова, она и сейчас не совсем бесполезна — «в методическом плане эта теория в известных случаях может быть использована при синтаксических экспериментах с переделкой предложений: дети любят переставлять порядок

⁶⁴ В. В. Виноградов. Идеалистические основы..., с. 66.

⁶⁵ Там же, с. 68.

⁶⁶ Н. Дигново. Рецензия на книгу А. М. Пешковского, с. 284, 285.

⁶⁷ С. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского, с. 44.

⁶⁸ А. И. Белов. А. М. Пешковский..., с. 170.

⁶⁹ Там же, с. 172.

слов и предложений и наблюдать при этом изменения в смысловых оттенках»⁷⁰.

Это замечание А. И. Белова, как нам представляется, содержит зерно истины в том смысле, что рассуждения А. М. Пешковского интересны, в первую очередь, своей методической стороной: впервые экспериментальный принцип был применен не только для иллюстрации того или иного любопытного оборота, возникающего при перестановке (самой игрой словами типа «кровь с молоком» — «молоко с кровью» занимались, конечно, задолго до Пешковского и не одни только лингвисты)⁷¹, а для теоретического осмысления ряда важнейших грамматических особенностей. Слова же А. И. Белова (видимо, имевшие целью «извинить» его увлечение) — «Любопытно, что сам Пешковский искренне верил в реальность своей теории обратимости и необратимости как в словосочетаниях, так и в предложениях; он считал ее самой заманчивой перспективой не только своих исследований, но и языкознания вообще»⁷² — говорят сейчас не об «ограниченности» Пешковского, а о его большой лингвистической интуиции: лингвистика второй половины XX в. наглядно показала, что экспериментировать с языковыми единицами и наблюдать за правильностью — неправильностью полученного результата и происшедшими семантическими сдвигами любят отнюдь не только дети — достаточно назвать трансформационную грамматику Н. Хомского и его многочисленных последователей, где лингвистический эксперимент с преобразованием предложений (проводимый, разумеется, уже на ином теоретическом уровне) занимает, по существу, центральное место⁷³. Кстати, трансформационная методика в целом часто расценивается как видоизменение экспериментальной методики анализа⁷⁴, а А. С. Чикобава указал даже на принципиальную близость взглядов Пешковского современным трансформационным описаниям языковых фактов⁷⁵.

Как мы уже отмечали выше, функция эксперимента у

⁷⁰ А. И. Белов. А. М. Пешковский..., с. 171.

⁷¹ См. например.: С. Я. Маршак. Искусство поэтического портрета. В кн.: С. Я. Маршак. Соч. в 4-х томах, т. IV. М., 1960, с. 336—337.

⁷² А. И. Белов, А. М. Пешковский..., с. 171.

⁷³ См.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. НЛ, вып. 2, 1962.

⁷⁴ Б. Н. Головин. Введение в языкознание. М., 1973, с. 280.

⁷⁵ А. С. Чикобава. Лингвистика как интегральная наука о языке. ВЯ, 1966, № 4.

Пешковского разнообразна. С его помощью, как указывает Р. А. Будагов, ученый «приходит к определению той или иной части речи или грамматической категории», и демонстрирует «смысловое «наполнение» различных грамматических форм» и показывает (а порой и обостряет) «противоречия между семантическими и грамматическими «силами языка»⁷⁶ и т. д. Мы не останавливаемся на конкретных примерах более подробно, поскольку это займет слишком много времени (часть из них приводится в упомянутой работе Р. А. Будагова).

Подытожим вкратце сказанное о лингвистическом эксперименте в трудах Пешковского:

1. Методика экспериментального исследования широко применяется ученым в работах по синтаксису и стилистике русского языка.

2. При общих чертах синтаксического и стилистического эксперимента, они имеют и существенное различие: первый является критерием коммуникативной стороны высказывания (правильно сказано — неправильно сказано), второй — экспрессивной (удачно выражено — неудачно выражено).

3. В принципе лингвистического эксперимента ярко проявляется стремление Пешковского рассматривать внешнюю и внутреннюю сторону языка в их единстве. «...Ни в одном из ... подобных экспериментов никогда не приходится идти ни от звука к значению, ни от значения к звуку, а всегда только от... единства звука и значения...»,⁷⁷ — говорил Пешковский.

Экспериментальный принцип тесно увязывался Пешковским с методикой наблюдения над языком. Считая, что «всякое осознание фактов языка основано прежде всего на сознательном выхватывании данных фактов из общего потока речи-мысли и на наблюдении над выхваченным»⁷⁸, ученый указывал, что по отношению к наблюдениям «эксперимент играет роль интенсификации исследования и сбережения времени»⁷⁹. Вместе с тем Пешковский отмечал и разницу между ними: так, говоря об отличии своего понимания эксперимента от выдвигавшегося А. Белым принципа «экспериментального изучения стиха», он замечал, что в этом изучении нет «ни малейшей доли эксперимента, а лишь тщательное и пристальное наблюдение»⁸⁰.

⁷⁶ Р. А. Будагов. Постановка эксперимента..., с. 204—206.

⁷⁷ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения..., с. 87.

⁷⁸ А. М. Пешковский. Грамматика в новой школе. «Избранные труды», с. 123.

⁷⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. VII, с. 465.

⁸⁰ А. М. Пешковский. Принципы и приемы..., с. 133.

Вопрос о направлении исследования (от конкретных языковых фактов к обобщениям и выводам, или от установленной заранее системы понятий к конкретным языковым фактам) Пешковский решал, сообразуясь со спецификой материала, стоящей задачей и во многих случаях педагогическими требованиями, замечая, что «в этом отношении языковедение вряд ли представит какие-либо крупные специфические отличия от других наук»⁸¹. Поэтому в его книгах мы обнаружим оба пути. Так, «Русский синтаксис» строится следующим образом: в начале работы дается общая часть (озаглавленная в первом издании «Сведения из общего языковедения и психологии»), где сообщаются основные понятия его концепции: форма слова, форма словосочетания, части речи и т. д., а за ней уже следует специальная часть, где эти понятия используются для описания конкретных фактов русского языка. Вместе с тем почти все теоретические понятия постулируются не в качестве аксиом, а выводятся на основе обобщения отдельных фактов (ср. определение формы слова после исследования двух рядов слов — с одинаковым вещественным и одинаковым формальным значением). При этом ученый порой показывает могущую возникнуть при буквальном понимании того или иного термина неточность: отмечая, что форма времени «означает, на первый взгляд, согласно названию, время проявления того или иного признака, или, короче, время деятельности подлежащего», он затем показывает при анализе конкретных фактов возможность для настоящего времени отражать прошедшее, для прошедшего времени будущее, вследствие чего приходит к выводу, что «форма времени вообще обозначает не просто время деятельности подлежащего, а отношение времени деятельности его к моменту речи»⁸². В целом можно согласиться с Р. А. Будаговым, что у Пешковского «дедукция... опирается на языковой материал, как бы выводится из этого материала и вместе с тем помогает по-новому его осмыслить»⁸³ (Р. А. Будагов связывает это качество и с экспериментальным методом).

В заключение, суммируем содержание данной главы:

1. Применявшаяся А. М. Пешковским методика лингвистического анализа тесно связана с его общелингвистическими и общеграмматическими взглядами. Считая методом описательного анализа экспериментально-сравнительную ин-

⁸¹ А. М. Пешковский. Проблемы взаимоотношения..., с. 91.

⁸² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, изд. I, с. 121, изд. VII, с. 6.

⁸³ Р. А. Будагов. Постановка эксперимента..., с. 203.

троспекцию, Пешковский широко пользовался самонаблюдением, наблюдением над языком, сравнительным анализом и лингвистическим экспериментом.

2. В первый период деятельности А. М. Пешковского заметное влияние на приемы исследования оказал психологизм, вследствие чего ученый уделял большое внимание установлению соотношения между предложением и психологическим суждением. В дальнейшем он стремился опереться на собственно-языковые наблюдения, однако и в методике более поздних работ можно заметить остатки психологизма.

3. Будучи решительным сторонником рассмотрения внешней и внутренней стороны языка в единстве и взаимосвязи, Пешковский выступал, с одной стороны, против исключительной опоры на звуковую сторону, а с другой — против пренебрежения ею. Единственно верный путь, по мнению Пешковского, — это исследование единства звука и значения («звукозначения» герм. знака) и тех взаимных соотношений, которые существуют между ними в системе языка.

4. Одной из наиболее интересных особенностей методики А. М. Пешковского был широко применявшийся им эксперимент. Этот прием использовался им в стилистическом и синтаксическом анализе, причем в каждой области имел специфические черты.

5. С помощью эксперимента Пешковский решал целый ряд задач, как педагогических и наглядно-иллюстративных (показ тех или иных особенностей языковой системы), так и теоретических, где эксперимент служил выведению основных грамматических понятий.

6. Эксперимент и наблюдение выступают в концепции А. М. Пешковского как взаимосвязанные приемы, дополняющие друг друга. Вместе с тем он указывает и на определенное различие между ними.

7. Применявшаяся Пешковским экспериментальная методика анализа языковых фактов, независимо от той или иной оценки добытых с ее помощью конкретных результатов, имеет важное историко-лингвистическое значение, предвосхищая в некоторых чертах трансформационный анализ современного языкознания.

8. В зависимости от ряда фактов (особенностей материала, рассматриваемого вопроса, педагогических требований и т. д.) Пешковский применял как индуктивный метод обобщения языковых фактов, так и дедуктивный путь исследования, переходя от широких общих понятий к конкретному проявлению их в языковой системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая нашу работу, мы еще раз хотим напомнить, что она отнюдь не претендует на всестороннее и исчерпывающее рассмотрение лингвистического наследия А. М. Пешковского. Читатель без труда обнаружит в ней целый ряд пробелов: мало сказано об исследованиях Пешковского в области интонации, почти совсем не разобраны учебники его, недостаточно внимания уделено вопросу о предложении и словосочетании и т. д. Некоторые из этих вопросов уже затронуты в критической литературе о Пешковском, некоторые же еще ждут своего исследователя.

Однако и тот ограниченный материал, который был нами изучен, позволил прийти к определенным выводам относительно лингвистической концепции А. М. Пешковского. Эти выводы, представляющие как бы обобщение всей работы, мы и помещаем ниже:

1. А. М. Пешковский — один из интереснейших лингвистов первой трети XX века. Как и многие его современники он, с одной стороны, завершает традиции классического русского языкознания, представленного традициями А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова, а с другой — стоит на пороге направления, которое реализовалось впоследствии в виде различных течений структурной лингвистики.

2. Хотя А. М. Пешковский не создал специальной работы по общему языкознанию, знакомство с его трудами свидетельствует о наличии у него интересной общелингвистической концепции. Ряд ее положений (системная природа языка, взаимоотношение между синхронией и диахронией и др.) представляет собой попытку по-своему ответить на вопросы, получившие после Ф. де Соссюра кардинальное значение для теоретического языкознания. Вместе с тем, к разрешению многих из них Пешковский подходил и до выхода в свет соссюрской книги, опираясь во многом на русскую лингвистическую традицию.

3. Будучи сторонником формального направления, связанного с именем Ф. Ф. Фортунатова, Пешковский постоянно подчеркивал необходимость рассматривать внешнюю и внут-

ренную сторону языка в их единстве и взаимосвязи, не впадая в «звукоедство», но и не пренебрегая звуковой стороной языка. Это положение он считал основным как в теоретическом, так и в методическом плане.

4. Выработывая основные грамматические понятия своей концепции, Пешковский тщательно изучил то, что было достигнуто как его предшественниками (А. А. Потебней, Ф. Ф. Фортунатовым и др.), так и современниками (А. А. Шахматовым, Л. В. Щербой, С. И. Карцевским и др.), в свою очередь, оказывая обратное влияние на них. Стремясь к адекватному отображению языковой системы, он менял на протяжении своей эволюции те взгляды, которые казались ему не соответствующими природе языка.

5. Тезис об эклектизме взглядов Пешковского и отрицание их самостоятельной ценности, имеющий широкое распространение в критической литературе, представляется упрощающим существо дела. Хотя стремление использовать все ценное, созданное в области синтаксической теории, и приводило иногда Пешковского к определенной непоследовательности, оно вместе с тем способствовало многоаспектности его воззрений, освещению ряда вопросов с разных точек зрения и тем самым предохраняло его от опасности догматизма.

6. Говоря о взаимодействии взглядов Пешковского с воззрениями других лингвистов, необходимо учитывать, что ученый отбирал для своих трудов, как правило, лишь те положения, которые шли в русле его собственных творческих исканий. Будучи достаточно широко мыслящим лингвистом и обладая научной терпимостью, он вместе с тем часто полемизировал и с учеными, в целом ему близкими (см. его полемику с С. И. Карцевским).

7. Будучи одним из зачинателей лингвистического эксперимента, Пешковский широко применял его в стилистике и грамматике; при этом экспериментирование всегда опиралось на его теоретические положения и, в свою очередь, служило орудием для выявления определенных теоретических понятий. Эксперимент тесно увязывался у Пешковского с наблюдением над языком.

8. Стремясь подчеркнуть самостоятельность языкознания и указывая на специфические особенности его, А. М. Пешковский всегда рассматривал лингвистику в тесной связи с другими гуманитарными науками, особенно логикой и психологией. При этом необходимость избегать логицизма подчеркивалась Пешковским всегда; психологизм же доминирует в его ранних работах и остатки его можно найти и в трудах, относящихся к последнему периоду его деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов С. И. Современный русский язык., М., 1942.
2. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
3. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
4. Арутюнова Н. Д., Климов Г. А., Кубрякова Е. С. Американский дескриптивизм. В книге: «Основные направления структурализма». М., 1964.
5. Ахманова О. С., Падучева Е. В., Фрумкина Р. В. и др. О точных методах исследования языка. М., 1961.
6. Белов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. М. 1958.
7. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975.
8. Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России. М., 1968.
9. Березин Ф. М. Русское теоретическое языкознание в Академии наук. ВЯ, 1974, № 3.
10. Бернштейн С. И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук», 1920, т. XXV, Пг, 1922.
11. Бернштейн С. И. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. В книге: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
12. Борковский В. И. Рецензия: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950. «Советская книга», 1951, № 7.
13. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
14. Будагов Р. А. Общее языкознание в СССР за 50 лет. В книге: Р. А. Будагов. Язык, история и современность. М., 1971.
15. Будагов Р. А. Фердинанд де Соссюр и языкознание нашего времени. Там же.
16. Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? В книге: Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974.
17. Будагов Р. А. Постановка эксперимента в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского. Там же.
18. Будде Е. Ф. Вопросы методологии русского языкознания. Казань, 1917.

19. Будде Е. Ф. Основы синтаксиса русского языка. Казань, 1913.
20. Будде Е. Ф. Рецензия: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914. ЖМНП, 1914, № 12.
21. Бузук П. А. Основные вопросы языкознания. М., 1924.
22. Булаховский Л. А. Рецензия: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении; Школьная и научная грамматика. М., 1914. Отд. оттиск из журнала «Наука и школа». 1915, № 1.
23. Булыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа. В книге: «Основные направления структурализма», М., 1964.
24. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1941.
25. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
26. Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия. В книге: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.
27. Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе современного русского языка. Там же.
28. Виноградов В. В. Синтаксические взгляды проф. А. В. Добиаша. В книге: В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
29. Виноградов В. В. Современный русский язык, выпуск I-й. М., 1938.
30. Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929.
31. Галкина-Федорук Е. М. О форме и содержании в языке. В книге: «Мышление и речь». М., 1957.
32. Галкина-Федорук Е. М. Понятие формы слова. «Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского», т. IX. Философский факультет. М., 1941.
33. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
34. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
35. Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1973.
36. Гримм Я. Из предисловия к «Немецкой грамматике». В книге: «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков». Составитель В. А. Звегинцев. М., 1956.
37. Дурново Н. Н. Рецензия: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. «Slavia», Ročník V, Sešit 4, Praha, 1927.
38. Карцевский С. О.¹ Повторительный курс русского языка. М., 1928.
39. Карцевский С. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1.

¹ Инициалы Карцевского даются в соответствии с текстами работ.

40. Карцевский С. И. Рецензия: «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова. Выпуск I. «Slavia», Ročník VI, Sešit I, Praha, 1927.
41. Кудрявский Д. Н. Части предложения. «Энциклопедический словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 38, Спб., 1903.
42. Леонтьев А. А. Предисловие к книге: Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России. М., 1968.
43. Лоя Я. В. История лингвистических учений, М., 1967.
44. Маршак С. Я. Искусство поэтического портрета. Соч. в 4-х томах, т. IV, М., 1960.
45. Мещанинов И. И. Общее языкознание. М., 1940.
46. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
47. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.—Пг., 1923.
48. Петерсон М. Н. Рецензия: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. II. М., 1920. «Печать и революция», 1921, кн. 3.
49. Петерсон М. Н. Язык как социальное явление. «Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН», т. I, М., 1927.
50. Петрова Е. Н. Грамматика в средней школе. М.-Л., 1936.
51. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд., I, М., 1914.
52. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. VII, М., 1956.
53. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. М., 1925.
54. Пешковский А. М. Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса. Прага, 1931.
55. Пешковский А. М. Наш язык (книга для ученика), ч. I, М., 1925.
56. Пешковский А. М. Наш язык (книга для учителя), ч. III. М., 1927.
57. Пешковский А. М. Десять тысяч звуков (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований). В книге: А. М. Пешковский. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.,—Л., 1925.
58. Пешковский А. М. Понятие отдельного слова. Там же.
59. Пешковский А. М. Синтаксис в школе. Там же.
60. Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. В книге: А. М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930.
61. Пешковский А. М. Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения. Там же.
62. Пешковский А. М. В чем же, наконец сущность формальной грамматики? В книге: А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
63. Пешковский А. М. Вопрос о «вопросах». Там же.

64. Пешковский А. М. Вопросы изучения языка в семилетке. Там же.
65. Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство. Там же.
66. Пешковский А. М. Грамматика в новой школе. Там же.
67. Пешковский А. М. Интонация и грамматика. Там же.
68. Пешковский А. М. Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школе для взрослых. Там же.
69. Пешковский А. М. Еще к вопросу о предмете синтаксиса (по поводу статьи А. П. Боголепова). «Русский язык в советской школе», 1929, № 2—3.
70. Пешковский А. М. О терминах «методология» и «методика» в новейшей литературе. Там же.
71. Пешковский А. М. Ответ на рецензию Е. Ф. Будде. ЖМНП, 1915, № 4.
72. Пешковский А. М. Ответ на статью С. И. Карцевского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 2.
73. Пешковский А. М. Рецензия: Р. О. Шор. Язык и общество. М. 1926. «Печать и революция», 1927, книга 3.
74. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. В книге: А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
75. Пешковский А. М. О грамматическом разборе. Там же.
76. Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? Там же.
77. Пешковский А. М. Роль грамматики при обучении стилю. Там же.
78. Пешковский А. М. Рецензия: М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М.— Пг., 1923. «Печать и революция», 1924, кн. 2.
79. Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание. В книге: «Общее и индоевропейское языкознание», М., 1956.
80. Попов Ю. В. Общая грамматическая теория в немецком языкознании. Минск, 1972.
81. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. М., 1916.
82. Поржезинский В. К. А. А. Шахматов как лингвист. «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук». 1920, т. XXV, Пг., 1922.
83. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. т. I—II, М., 1958.
84. Райнов Т. И. Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924.
85. Слюсарева Н. А. Дискуссия о формальной грамматике (Из истории советского языкознания). «Филологические науки», 1975, № 6.
86. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.

87. Стеблин-Каменский М. И. Несколько замечаний о структурализме. В книге: М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. М., 1974.
88. «Тезисы Пражского лингвистического кружка». В книге: «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков». Составитель В. А. Звегинцев. М., 1956.
89. Тынянов Ю., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка». «Новый ЛЕФ», 1928, № 12.
90. Ушаков Д. Н. Рецензия: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении; Школьная и научная грамматика. М., 1914., «Русские ведомости», 1915, № 91.
91. Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. В книге: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. II. М., 1956.
92. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Там же, т. I.
93. Фриз Ч. Школа Блумфилда. «Новое в лингвистике», выпуск 4. М., 1965.
94. Хомский Н. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», выпуск 2. М., 1962.
95. «Хрестоматия по истории русской лингвистики». Составитель Ф. М. Березин. М., 1973.
96. Чикобава А. С. Лингвистика как интегральная наука о языке. ВЯ, 1966, № 4.
97. Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.
98. Чикобава А. С. Язык и «Теория языка» в философии и лингвистике. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXXII, выпуск 6.
99. Чуковский К. И. Живой как жизнь. Собр. соч. в 6 томах, т. 3. М., 1966.
100. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
101. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.-Л., 1941.
102. Шор Р. О. Кризис современной лингвистики. «Яфетический сборник» VI, М.-Л., 1927.
103. Щерба Л. В. Новая грамматика. В книге: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
104. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Там же.
105. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. Там же.
106. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. Там же.
107. Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке. Там же.
108. «Язык и мышление». М., 1967.

109. Я к о б с о н Р. О. Значение лингвистических универсалий для языкознания. В книге: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
110. D u r g o v o N. Рецензия: А. Peškovskij. Русский синтаксис в научном освещении. 3 vollständig umgearbeitete Auflage. М., 1928. «Zeitschrift für slavische Philologie». Herausgegeben von M. Fasmer. Separatabdruck aus Band IX, Heft 1/2, 1932, Leipzig.
111. E r l i c h V. Russian Formalism History-Doctrine. Mouton 1955, S—Gravenage.
112. J a k o b s o n R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus. В книге: R. Jakobson. Selected Writings II. Mouton. The Hague—Paris, 1971.
113. J a k o b s o n R. Polish-Russian cooperation. Там же.
114. J a k o b s o n R. Sergej Karcevskij. Там же.
115. კ ვ ა რ ა ც ხ ე ლ ი ა გ. მხატვრული ენის შესწავლის საკითხები „ოპოიაზ“-სა და პრადის სკოლაში. „თანამედროვე ზოგადი და მათემატიკური ენათმეცნიერების საკითხები“ III, თბ., 1972.
116. ჩ ი ქ ი ბ ა გ ა ა. მარტივი წინადადების პრობლემა ქართულში. თბ., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Общелингвистическая проблематика в трудах А. М. Пешковско- го	8
Глава II. Форма и значение в концепции А. М. Пешковского	36
Глава III. Основные грамматические понятия концепции А. М. Пешковского	66
Глава IV. Методика лингвистического анализа в трудах А. М. Пешковского	103
Заключение	128
Литература	130

Георгий Теймуразович Хухуни

ПРИНЦИПЫ ОПИСАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ТРУДАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ—661

Редактор издательства И. Е. Герсамия
Техредактор Н. Н. Окуджава
Корректор И. Г. Насаридзе

Сдано в набор 13.12.1977; Подписано к печати 23.1.1979; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печатных л. 8.50; Уч.-издат. л. 8.38;
УЭ 01015; Тираж 1000; Заказ № 4626;
Цена 90 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19